

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется онлайн на сайте
«Пресса России. Объединенный каталог»
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41011/>
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАН, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусаевян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Козыг (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несевра (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Сергей Александрович Судбин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджисо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is available online at:
«The Press of Russia. The United Catalogue»
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/e41011/>
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

© Perm State University, 2022

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),
Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

«Калейдоскоп» феминистских эпистемологий <i>Игнатова Н.Ю.</i>	197	«Kaleidoscope» of feminist epistemologies <i>Nina Yu. Ignatova</i>
Бросок костей: Ницше о чистом понятии «природа» <i>Дорожкин Е.Л.</i>	208	A throw of the dice: Nietzsche on the pure notion of «nature» <i>Egor L. Dorozhkin</i>
Этика удовольствия как герменевтическая проблема у раннего Х.Г. Гадамера <i>Рязанов И.В.</i>	221	The ethics of pleasure as a hermeneutic problem in the early H.G. Gadamer <i>Ivan V. Riazanov</i>
Кому нужна сегодня эта философия? Статья вторая. Какая философия оказалась востребована в постсоветской России <i>Мусаелян Л.А.</i>	232	Who needs this philosophy today? Part 2. What kind of philosophy is in demand in post-Soviet Russia <i>Lyeva A. Musayelyan</i>
Размышления о театральной природе человека: внушение и его скрытый потенциал <i>Рахимова М.В.</i>	242	Reflections on the theatrical nature of a human being: suggestion and its hidden potential <i>Maya V. Rakhimova</i>
Отчужденный характер сущности человека и общественно-политические движения: к вопросу об определении понятия <i>Мельников В.О.</i>	254	Defining the phenomenon of socio-political movement through the concept of human alienation <i>Viktor O. Melnikov</i>
Скулшутинг: социально-философский аспект проблемы <i>Узлов Н.Д., Оконская Н.К., Внутских А.Ю.</i>	264	School shooting: socio-philosophical aspect of the issue <i>Nikolay D. Uzlov, Natalia K. Okonskaya, Alexander Yu. Vnutskikh</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Модель психического и социально-эмоциональная компетентность детей младшего школьного возраста (по оценкам родителей и педагогов) <i>Лебедева Е.И.</i>	277	Theory of mind and socio-emotional competence in children of primary school age (as estimated by parents and teachers) <i>Evgeniya I. Lebedeva</i>
Социально-эмоциональная компетентность старших подростков: сравнение самоотчета и внешней оценки <i>Уланова А.Ю.</i>	287	Socio-emotional competence of older adolescents: a comparison of self-report and external assessment <i>Anna Yu. Ulanova</i>

Удовлетворенность учебной деятельностью и смысловая сфера личности студентов в юношеском возрасте <i>Ряжкин А.О.</i>	296	Satisfaction with studies and the semantic sphere of personality of students in middle/late adolescence <i>Alexander O. Ryazhkin</i>
---	-----	---

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Анализ влияния социальных сетей на современных подростков: ключевые проблемы и деструктивные последствия <i>Рогач О.В., Фролова Е.В.</i>	305	Social networks' influence on modern adolescents: key problems and destructive consequences <i>Olga V. Rogach, Elena V. Frolova</i>
Ожидания граждан от цифровизации в сфере социальной защиты и социальных услуг <i>Гасумова С.Е., Старишинова А.В., Безруков А.В.</i>	315	Citizens' expectations from digitalization in the sphere of social welfare and social services <i>Svetlana E. Gasumova, Alevtina V. Starshinova, Anton V. Bezrukov</i>
Особенности повседневности пожилых людей в селах Карелии во время коронавирусных ограничений <i>Галкин К.А.</i>	329	Features of everyday life of older people in Karelian villages during the coronavirus restrictions <i>Konstantin A. Galkin</i>
Габитус спортсмена: социологическая интерпретация через призму теории П. Бурдьё <i>Ермилова А.В.</i>	339	The habitus of the athlete: a sociological interpretation through the prism of P. Bourdieu's theory <i>Anna V. Ermilova</i>
Информация для авторов	350	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.72:165.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-197-207

«КАЛЕЙДОСКОП» ФЕМИНИСТСКИХ ЭПИСТЕМОЛОГИЙ*Игнатова Нина Юрьевна**Нижнетагильский технологический институт (филиал)**Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Нижний Тагил)*

Освещаются некоторые идеи феминистских эпистемологий XXI в.: скептицизм в отношении объективности, интерсекциональный подход, эпистемическая несправедливость и др. Рассмотрены понятия «герменевтический пробел», «газлайтинг» и «метаневежество». Приведены их импликации в высшем образовании. Используется термин «феминистские эпистемологии» во множественном числе, поскольку попытки угнетенных групп вернуть себе ценность собственного опыта не могут привести к существованию одной универсальной эпистемологии. Переосмысление понятий «знание», «знающий» в отношении женщин, инвалидов, представителей разных рас, сексуальных меньшинств стало основой развития трансэпистемологий, квир-эпистемологий, крипэпистемологий, эпистемологии сопротивления, эпистемологии невежества и др. Заслугой феминистских эпистемологий следует считать исследование ценностей и корыстных интересов привилегированных и угнетенных групп в производстве знаний, что позволяет расширить диапазон использования понятий «эпистемическая несправедливость», «эпистемическое преимущество» и «эпистемическое невежество». Ставится вопрос о том, что если власть может привести к эпистемическому невежеству, а угнетение, в свою очередь, к эпистемическому преимуществу, значит ли это, что знающие из маргинализованных групп обладают самым полным знанием? Несмотря на то что существует множество различных исследовательских позиций, ни одна из феминистских эпистемологий не выдвигает подобного упрощенного понимания связи власти и знания. Отношения между знанием и властью не могут быть описаны так, что ценность чьих-либо знаний будет увеличиваться по мере уменьшения власти угнетенных групп. Показано, что феминистские эпистемологии представляют собой «калейдоскоп» альтернативных или «маргинальных» эпистемологий. *Ключевые слова:* феминистские эпистемологии, интерсекциональный подход, эпистемическая несправедливость, эпистемическое преимущество, эпистемическое невежество, газлайтинг, герменевтический пробел.

«KALEIDOSCOPE» OF FEMINIST EPISTEMOLOGIES*Nina Yu. Ignatova**Nizhny Tagil Technological Institute (branch) of Ural Federal University (Nizhny Tagil)*

The paper explores the ideas of feminist epistemologies in the 21st century: skepticism about objectivity, intersectional approach, epistemic injustice, etc. The author investigates the concepts of a hermeneutic gap, gaslighting and meta-ignorance, and gives the implications of these terms in higher education. The term «feminist epistemologies» is used in the paper in the plural since the attempts of oppressed groups to return the value of their own experience cannot be manifested in the existence of the only one universal epistemology. Rethinking the concepts of «knowledge», «knowing» with regard to women, disabled people, representatives of different races, sexual minorities becomes the core for the development of trans-epistemology, queer-epistemology, creep-epistemology, epistemology of resistance, epistemology of ig-

norance, etc. A particular contribution of feminist epistemologies is the attention to values and vested interests of privileged and oppressed groups in the sphere of knowledge production, which allows expanding the use of the concepts of epistemic injustice, epistemic advantage, and epistemic ignorance. The author raises a question: if power can lead to epistemic ignorance, while oppression, in turn — to epistemological advantage, does it mean that knowers from marginalized groups have the most complete knowledge? While there are many different research positions, none of the feminist epistemologies puts forward such a simplistic understanding of the connection between power and knowledge. The author argues that the relationship between knowledge and power cannot be described in such a way that the value of one's knowledge will increase while the power of oppressed groups will decrease. The study shows that feminist epistemologies are a «kaleidoscope» of alternative or «marginal» epistemologies.

Keywords: feminist epistemology, intersectional approach, epistemic injustice, epistemic advantage, epistemic ignorance, gaslighting, hermeneutic gap.

Введение

Введенный Линдой Алкоф [Feminist Epistemologies, 1993] термин «феминистские эпистемологии» во множественном числе подразумевает обозначение широкого спектра идей: ситуативное знание, позиция и др. Феминистские эпистемологии ценят плюрализм, при этом не отделяют эпистемологию от этики или политики. Вопросы знания рассматриваются в связи с исследованиями правильного и неправильного, власти и угнетения. По мнению Патрисии Коллинз, эпистемология «исследует стандарты, используемые для оценки знаний или того, почему мы верим в то, что считаем истинным. Далекая от того, чтобы быть аполитичным исследованием истины, эпистемология указывает на то, как отношения власти определяют, кому верят и почему» [Коллинз П., 2017, с. 15]. Если Сандра Хардинг выделяла такие виды феминистской эпистемологии, как социальный конструктивизм, позиционный подход, феминистский эмпиризм и постмодернистскую эпистемологию [Harding S.G., 1987], то в настоящее время феминистки исследуют особенности знаний любых угнетенных групп, разрабатывая критическую эпистемологию расы, постколониальную эпистемологию, эйблизм, гетеросексизм, спесишизм и т.д.

Цель статьи — осветить некоторые ключевые идеи современных феминистских эпистемологий. Автор сочла необходимым сосредоточиться на трансэпистемологии, крипэпистемологии, понятиях «эпистемическое преимущество», «эпистемическое невежество», «герменевтический пробел» и «газлайтинг», недостаточно освещенных в отечественной философии.

Изменение методологии феминистских исследований

Объектом пристального внимания отечественных философов и социологов стало кардинальное изменение методологии феминистских исследований — скептицизм в отношении объективности и понятие «интерсекциональности» [Труфанова О., 2017; Темкина А.А., Здравомыслова Е.А., 2017]. По словам Паулы Мойи, «всякое знание — это ситуативное знание»; никто не может «установить универсальные истины независимо от исторически и культурно конкретной ситуации» [Moyn P., 2011, p. 80]. Ситуативное знание означает, что знающий имеет позицию. Позиция знающего влияет на то, что он воспринимает, что игнорирует и как интерпретирует информацию. Эпистемическая позиция определяется социальным положением знающего [Haraway D., 1988] и рассматривается в связи множеством уровней власти. Соединение позиции и жизненного опыта привело феминистские эпистемологии к постановке вопроса, как меняются знания, когда меняется позиция. Несмотря на то что позиция меняется по мере того, как приобретается опыт, в любой момент у человека есть особая позиция. По мнению Патриции Уильямс, отказ от мифа об объективности и признание своей позиции способствует юридической и социальной ответственности, потому что «многое из того, что говорится так называемыми объективными, непосредственными голосами, на самом деле содержит в себе скрытые субъективности и непроверенные утверждения» [Williams P.J., 1991, p. 11]. Вслед за П. Уильямс можно сказать, что честное обладание своей позицией представля-

ет знающего более надежным, чем того, кто претендует на ложную объективность.

Часто взаимосвязанность феминистских эпистемологий с критической эпистемологией расы, постколониальными эпистемологиями, эпистемологиями инвалидности и квир-эпистемологиями описывается вслед за Кимберли Креншоу [Crenshaw K., 1988, 1991] как «интерсекциональность». В настоящее время термин «интерсекциональность» приобрел «онтологический и эпистемологический смысл: интерсекциональным является и сама социальная позиция и ее исследование», — считают отечественные социологи [Темкина А.А., Здравомыслова Е.А., 2017, с. 15]. Интерсекциональным называется место в социальном пространстве, механизм власти, порождающий это место, и позиция исследователя. Интерсекциональный подход представляет собой аналитический инструмент, позволяющий обозначить множество взаимосвязанных и комплексно действующих осей власти, пронизывающих многомерное социальное пространство. Этот объемный взгляд помогает уйти от плоских генерализаций, заставляет мыслить конкретно и ставить исследовательские вопросы по поводу сложного опыта субъектов.

Остановимся на работах А.А. Темкиной, И.Н. Тартаковской и Л. Эссиг. Эти работы иллюстрируют пересечение религиозной эпистемологии, квир-эпистемологии, антирасистской эпистемологии и феминистской эпистемологии. В исследовании А.А. Темкиной, посвященном трансформации сексуальных практик образованных женщин в Таджикистане, Армении и России в постсоветский период, демонстрируется, как этничность, возраст и гражданство связаны с образцами сексуального поведения и гендерными предписаниями [Темкина А.А., 2008]. И.Н. Тартаковская прямо заявляет, что опирается на интерсекциональный подход при изучении трудовых стратегий российских мужчин и женщин [Тартаковская И.Н., 2015, с. 86]. Л. Эссиг с помощью интерсекционального подхода освещает различные парадигмы гендерной инверсии в России, подчеркивая, что отношение к квир-сообществам в разных странах зависит не от исторических реалий, а от разных способов производства знаний [Эссиг Л., 2014, с. 5].

Интерсекциональный подход также применяется в эпистемологии сопротивления. Эпистемология сопротивления осмысляет эпистемические потребности угнетенных людей. Интерсекциональный подход позволяет объединить разное понимание эпистемических возможностей маргинализированных людей. Речь идет о способах конструирования знаний угнетенными группами, которые противостоят исключительному господству эпистемологий привилегированных и несправедливой динамике социальной власти. Доминирующие эпистемологии склонны воспроизводить и усиливать несправедливость социальной иерархии. Наряду с демонтажем исторически сложившихся эпистемических систем эпистемология сопротивления создает способы познания, уходящие корнями в исторически маргинализированные знания. Примером является квир-эпистемология Линн Б. Симпсон. Исследовательница обратилась к способам функционирования знаний у коренного народа нишнаабег, демонстративно отвергнутой эпистемологией поселенческого колониализма: «Земля выступает и контекстом, и процессом. Процесс познания направляется учеником и глубоко духовен по своей природе... “Теоретическое знание” постоянно генерируется и возрождается в каждой семье, сообществе и поколении людей. Оно тесно связано с духовным присутствием и эмоциями, оно контекстуально и определено отношениями. Это сокровенное и личное знание, когда люди сами несут ответственность за поиск и создание смысла своей собственной жизни. Самое главное, “теоретическое знание” предназначено не только для ученых, оно для всех... создается с нуля, и его сила проистекает из живого резонанса внутри людей и коллективов» [Simpson L.B., 2014, p. 7].

Уточнение понятий «гендер», «эпистемическое» преимущество и «эпистемическое невежество»

В последнюю четверть века феминистки активно разрабатывали и уточняли понятия, так или иначе связанные с эпистемологиями привилегированных и угнетенных групп, — «гендер», «эпистемическое преимущество» и «эпистемическое невежество». Р. Маккиннон задалась вопросом, что же эпистемически происходит при трансгендерном переходе. Радикальные изме-

нения гендерной идентичности принципиально изменяют доступность ресурсов знаний способами, которые не получили признания в современной эпистемологии. Социальное пространство меняется, и это приводит к иной эпистемической позиции в отношении, казалось бы, знакомых жизненных ситуаций [McKinnon R.V., 2015, p. 436].

В то время как опыт трансгендерного перехода может быть многим незнаком, переживание изменений способностей знакомо всем людям. Как указывает Р. Гарланд-Томсон, «большинство из нас будут становиться инвалидами в течение жизни» из-за болезни, травмы или просто старения [Garland-Thomson R., 2011]. Эпистемологии крипа изучают различные эпистемические проблемы инвалидности [Hall M.C., 2019], например, несоответствие «стандартного шаблона» архитектурного дизайна ограниченными возможностям инвалидов и пожилых [Hamraie A., 2013] или снижение уязвимости людей с ограниченными возможностями в инклюзивном обществе [Garland-Thomson R., 2016].

Одним из ключевых моментов феминистских эпистемологий является идея эпистемического преимущества маргинализованных групп. Когда общество отдает предпочтение привилегированной группе, считает главными знания, обычаи и нормы этой группы, угнетенные люди вынуждены свободно владеть знаниями привилегированной группы. Так возникает эпистемическое преимущество маргинализованных групп. Маргинализованный человек должен изучать знания доминирующей группы в дополнение к своим собственным, но не наоборот. Позиция эпистемического преимущества не обязательно удобна, безопасна или приносит удовлетворение, поскольку «решение критически осмыслить два контекста может привести к эпистемическому преимуществу, но, вероятно, потребует определенной цены» [Narayan U., 2000]. Доступность различных знаний и овладение способами производства знаний не гарантирует глубокого критического понимания, — важно то, что люди делают с этими знаниями.

Эпистемологии невежества обращаются к понятию «невежество, основанное на силе». Невежество, основанное на силе, — зонтичный термин для эпистемического невежества, свя-

занного с социальной властью. По мнению Х. Грассвик, невежество — это не результат пробела в знаниях, но преднамеренный выбор в пользу одних знаний за счет игнорирования других [Grasswick H., 2018]. Феминистские эпистемологии исследовали, как в доминирующей патриархальной культуре нормализуется незнание таких тем, как принудительная стерилизация, сексуальные домогательства, менструация, оргазм [Tuana N., 2006; Fricker M., 2007]. На модели невежества влияют многие факторы. Доминирующее социальное положение человека может породить интеллектуальную лень, «привилегию не знать или не нуждаться в знании» [Medina J., 2013, p. 32]. Х. Медина предлагает взглянуть на эпистемическую ответственность знающего. Невежество не просто случается. Важна ответственность знающего за исправление своего невежества. Коллективное невежество может быть не связано с выбором конкретного человека, оно может передаваться по наследству или нормализовываться в воспитании. Знающий должен прилагать усилия, чтобы бороться со своим невежеством. В противном случае «невнимание человека к невежеству, в котором он участвует, становится соучастием» [Medina J., 2013, p. 140]. Эпистемическое невежество далеко не невинно. Поэтому обсуждение различных форм невежества, порожденных различными формами социальной власти, может быть плодотворным.

Эпистемическое невежество усиливается, если активно действуют «привратники знаний». Высшее образование представляет собой пример существования эпистемического невежества. В любом вузе учебная программа состоит из обязательных основных и необязательных факультативных курсов. Решение о том, какие курсы будут основными, а какие факультативными по выбору, принимают «привратники знания» — люди, которые обладают властью решать, что считать валидным знанием. В высшем образовании «привратниками знания» выступают профессора, библиотекари и издатели. Именно они определяют, что важно в данном предмете, что считать надежным ресурсом или основным требованием к результату, следовательно, они определяют валидность знания. У студента также может быть выбор, например, он может выбрать курс, отвечающий заданным требованиям, но львиная доля ответственности

в любом случае лежит на «привратниках знания», тех, кто определяет эти требования.

М. Фрикер обогатила феминистский словарь понятием «эпистемическая несправедливость» [Fricker M., 2007]. Это понятие подразумевает индивидуальные межличностные взаимодействия, демонстрирующие несправедливость, а также крупные структуры неравенства в распределении или производстве знаний, поддерживаемые системой права, медициной и образованием. Об эпистемической несправедливости говорят в связи с определением достоверности используемых ресурсов, противостоящих исключительному господству доминирующих эпистемологий и несправедливой динамике социальной власти, которую эти эпистемологии склонны отражать и усиливать. М. Фрикер различает два типа эпистемической несправедливости: несправедливость свидетельства и герменевтическую несправедливость. В обеих формах эпистемической несправедливости знания человека оцениваются не по их собственным достоинствам, а обесцениваются или преувеличиваются в соответствии с социальной иерархией. Несправедливость свидетельства (доказательства) — форма эпистемической несправедливости, связанная с валидацией знания и доверием к нему в момент его производства. В этом случае задаются вопросы, что считать надежным источником знаний — знания экспертного сообщества или мирян [Тищенко П.Д., 2020; Шевченко С.Ю., 2020].

В свою очередь, герменевтическая несправедливость определяется ресурсами для осмысления опыта, в том числе собственной жизни. Знающие, занимающие привилегированное положение, не только обладают способностью игнорировать определенные ресурсы, они также имеют право их дискредитировать. Действительно, игнорирование и дискредитация часто взаимосвязаны. Привилегированные знающие могут утверждать, что знающие из угнетенных групп «делают из мухи слона», поэтому намеренно дискредитируют знания маргинализированных людей как неуместные, ненадежные или преувеличенные. Как заметила Лоррейн Код, суждения о доверии к знанию или его источникам применяются в разных социальных пространствах неравномерно [Code L., 1991]. Получатель знания может обесценить или «занизить» доверие, которое он приписывает зна-

ющему (или источнику знания), на основании несправедливых социальных предубеждений. Доверие может обесцениваться из-за множества различных оснований, включая пол, расу, образование, возраст, телосложение и язык. Доверие может быть также «раздуто» из-за несправедливого распределения социальной власти. В этом случае некоторым людям приписывается эпистемический авторитет больше, чем они этого заслуживают. Так, О. Яп проанализировала избыточный уровень достоверности доказательств в случаях сексуального насилия по отношению к представителям привилегированных групп [Yap A., 2017].

Метанежежество, газлайтинг и герменевтический пробел

Когда человек не знает о своем невежестве, возникает петля обратной связи. Х. Медина назвал это метанежежеством. К. Дотсон заметила, что «убедить людей в том, что они упускают что-то неотъемлемое, когда на самом деле они не могут обнаружить такие недостатки, — непростая задача» [Dotson K., 2014]. Столкнувшись с такими понятиями, как «изнасилование на свидании» или «белая привилегия», незнакомый с подобным опытом человек может воспринять это как вымысел. Но нормализованное метанежежество — обычное явление в науке и высшем образовании [Dotson K., 2012]. В частности, широко известно метанежежество узких специалистов, или игнорирование работ ученых-коллег из стран третьего мира западными учеными, или метанежежество белых феминисток. Несмотря на разговоры о росте инклюзивности и справедливости, «письмо, написанное рукой белой женщины», по-прежнему считается в феминистской философии более важным, даже если феминизм «подталкивает философию к тому, чтобы увидеть дальше, чтобы больше понять» [Ortega M., 2006].

Обсуждение термина «газлайтинг» проливает свет на вопросы доверия к применяемым доказательствам и несправедливости применения доказательств. Газлайтинг — намеренные действия по разрушению уверенности знающего относительно надежности собственных знаний, подрыв его доверия к собственному восприятию реальности. «Ты слишком остро реагируешь»; «это все в твоей голове»; «ну, вот опять» — эти фразы ассоциируются с газлай-

тингом. Согласно анализу Кейт Абрамсон, «газлайтинг направлен на то, чтобы заставить другого не воспринимать себя всерьез как знающего» [Abramson K., 2014, p. 2]. В структурном насилии газлайтинг воспроизводит системную несправедливость, связанную с превосходством доминирующих групп и женоненавистничеством [Ruiz E., 2020]. В повседневном обиходе газлайтинг может использоваться как средство манипулирования [Spear A., 2020]. Однако эпистемический газлайтинг отличается от исправления ошибок восприятия. Эпистемический газлайтинг — это не только дискредитация восприятия собеседника; ведь не обязательно говорить «я вам не верю», и не обязательно советовать какому-то третьему лицу не верить доказательствам данного человека. Определяющим элементом газлайтинга является подрыв уверенности в себе как в знающем: не «я вам не верю», а «вы не должны верить себе». Наконец, газлайтинг носит адресный характер: речь идет не о том, чтобы поставить под сомнение достоверность любых знаний как таковых, но только ресурсы знаний конкретного человека, обычно из угнетенных групп. В случае газлайтинга кто-то пытается убедить другого, что человек должен доверять чужому восприятию больше, чем собственному.

Рассмотрение герменевтической несправедливости связано с исследованием недостатков применяемого герменевтического подхода. Герменевтическая несправедливость, по М. Фрикер, возникает, когда существует герменевтический пробел. Герменевтический пробел в ресурсах позволяет злоупотреблять властью, поскольку в этом случае конкретная социальная структура предлагает строго определенные ресурсы для конструирования знаний. М. Фрикер приводит пример отсутствия в истории термина «сексуальные домогательства». Боссы подвергали сотрудников сексуальным домогательствам задолго до того, как был введен термин «сексуальные домогательства», но, по словам М. Фрикер, пострадавшим сотрудникам не хватало знаний, чтобы осмыслить свой опыт и обвинить боссов. М. Фрикер определяет это как пробел в коллективных герменевтических ресурсах и утверждает, что такой пробел был частью эпистемической несправедливости по отношению к сотрудникам, ставшим жертвами сексуальных домогательств.

По мнению К. Дотсон, характеристика, которую дала М. Фрикер коллективным герменевтическим ресурсам, «не учитывает альтернативные эпистемологии, которые существуют в герменевтически маргинализованных сообществах» [Dotson K., 2012, p. 31]. Несмотря на то что у знающих может быть пробел в знаниях, важно другое. Возвращаясь к идее невежества, основанного на силе, К. Дотсон заявила, что привилегированная группа знающих может не подозревать о знаниях, разработанных угнетенными группами. Это не недостаток коллективных герменевтических ресурсов человечества, но недостаток знаний или герменевтических ресурсов некоторых людей, находящихся у власти. То, что привилегированное сообщество чего-то не знает, не означает, что этих знаний не существует. Концептуальные словари развивались на протяжении поколений и продолжают развиваться сегодня. Между тем, обладатели доминирующего положения в «мейнстримной» культуре могут не иметь базового представления о языке угнетенных групп. Если доминирующие герменевтические ресурсы могут оказаться недостаточными для осмысления несправедливости, более полезными оказываются герменевтические ресурсы, используемые в маргинализованных сообществах. Маргиналы создают и используют эти ресурсы и знания независимо от того, признают ли их привилегированные группы или нет [Dotson K., 2014].

Обсуждение

Многие из перечисленных концепций были встречены с недоверием. Подчеркивались логическая парадоксальность полученных феминистками выводов [Rolin K., 2006], несоответствие декларируемых целей идеалам научности [Труфанова Е.О., 2017], невозможность избежать известных превратностей эпистемологического релятивизма [Laudan L., 1990]. Кардинальное изменение методологии теоретических и полевых исследований, фундированное интерсекциональным подходом, вызвало противоречивую реакцию. Наряду с обвинениями в пренебрежении научным методом и отказом от беспристрастности исследователя [Rolin K., 2021] указывается, что интерсекциональный подход позволяет обратить внимание на многократно угнетаемые группы коренных народов

или выходцев из стран третьего мира [Stockdale K., 2021].

Заслугой феминистских эпистемологий следует считать внимание к ценностям и корыстным интересам в производстве знаний привилегированных групп, к «попыткам угнетенных групп вернуть себе ценность собственного опыта» [Narayan U., 2000]. Феминистские эпистемологи ставят задачу ликвидации любых видов угнетения в границах расы, класса, способностей, статуса, гендерной идентичности, сексуальности и других маркеров маргинализованной, угнетенной и поработанной идентичности. Если власть может привести к эпистемическому невежеству, а угнетение, в свою очередь, к эпистемологическому преимуществу, означает ли это, что знающие из маргинализованных групп обладают самым полным знанием? Несмотря на то что существует множество различных исследовательских позиций, ни одна из феминистских эпистемологий не выдвигает подобного упрощенного понимания связи власти и знания. Отношения между знанием и властью не могут быть описаны так, что ценность чьих-либо знаний будет увеличиваться по мере уменьшения власти групп знающих.

К. Дотсон отталкивается от идеи множества коллективных герменевтических ресурсов. Х. Медина [Medina J., 2012, 2013] выступает за «калейдоскопический» подход, характеризующийся «партизанским плюрализмом» и конструктивными «эпистемическими сражениями». Несмотря на различия в деталях, общим в подходах П. Коллинз, К. Дотсон и Х. Медины можно считать конструирование знаний путем объединения множества позиций и ресурсов в диалоге. Приверженность плюрализму позиций и диалогу является краеугольным камнем феминистских эпистемологий независимо от того, какую метафору использует философ, — «калейдоскоп», «гобелен», «стеклянный потолок» или что-то еще. Подобный подход требует особой методологии исследования — интерсекционального подхода.

Феминистские эпистемологии ценят объединение нескольких позиций и совместное построение знаний. По мнению П. Коллинз, группы знающих делятся собственными ситуативными знаниями друг с другом, причем каждая группа использует уникальные эпистемические подходы и заявляет о своей особой позиции.

Открытое признание собственной позиции не умаляет знающего или его знаний, поскольку критерием достоверности знания служит социальное пространство сверстников. В группе сверстников каждый воспринимает свою собственную истину как частичную, участники группы признают зависимость от других: «Каждая группа становится более способной учитывать точки зрения других групп, не отказываясь от уникальности своей собственной точки зрения или подавляя частичные точки зрения других групп» [Коллинз П., 2017, с. 16]. Феминистские эпистемологи описывают этот процесс как диалог и сотрудничество, что может вызвать образ группы дискутирующих в реальном времени людей. Это один из способов, но определенно не единственный, и действительно, если бы это был единственный путь, многие феминистки поспешили бы подвергнуть критике то, что он ограничивает доступ к знаниям и отдает предпочтение одним знающим перед другими. Феминистки думают о диалоге и сотрудничестве в широком смысле, анализируя в том числе комментарии в социальных сетях, СМС, создание произведения искусства в ответ на работу другого художника, чтение книги и размышление над ней. Даже опыт созерцания, который обычно требует уединения, может быть частью процесса совместного построения знаний.

Заключение

Феминистские эпистемологии представляют собой «калейдоскоп» альтернативных или «маргинальных» эпистемологий. К ним относятся критическая эпистемология расы, квир-эпистемологии, трансэпистемологии, крипэпистемологии (инвалидности), эпистемологии сопротивления, религиозные эпистемологии и др. Многие исследователи предпочитают избегать понятия «эпистемология» в единственном числе, полагая, что такое использование слова подкрепляет миф, что работы нескольких белых философов являются настоящей философией, при этом любой другой подход называется «маргинальным». Исследование причин этого выходит за рамки данной статьи. Важно признать, что взаимосвязанное обсуждение феминистских идей не заменит целостного рассмотрения любой из вышеупомянутых эпистемологий, каждая из которых могла бы стать темой

отдельной статьи. Для феминисток в XXI в. важны проблемы, с которыми сталкиваются женщины всех демографических групп. Несомненно, по мере того как во всем мире меняются эти проблемы, феминистские взгляды также будут меняться.

Список литературы

Коллинз П. Репрезентация афроамериканских женщин. Интервью с Патрицией Хилл Коллинз // Глобальный диалог. 2017. Т. 7, вып. 1. С. 15–16.

Тартаковская И.Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интересекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84–93.

Темкина А.А. Сексуальная жизнь женщины: между свободой и подчинением. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. 376 с.

Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20, № 5. С. 15–38. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>

Тищенко П.Д. Эпистемическая несправедливость как системная коммуникативная дисфункция // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057219>

Труфанова Е.О. «Ситуационное знание» и идеал объективности в науке // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54, № 4. С. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201754475>

Шевченко С.Ю. «Презирать и подсказывать»: эпистемическая несправедливость и контр-экспертиза // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 2. С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057217>

Эсиг Л. «Сердца геев надо зарывать в землю»: размышления об охоте на гомосексуалов в России // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сб. ст. / под ред. А.А. Кондакова. СПб.: ЦНСИ, 2014. С. 3–23.

Abramson K. Turning up the Lights on Gaslighting // Philosophical Perspectives. 2014. Vol. 28, iss. 1, P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1111/phpe.12046>

Code L. What Can She Know? Feminist Theory and Construction of Knowledge. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991. 368 p. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501735738>

Crenshaw K. Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43,

no. 6. P. 1241–1299. DOI: <https://doi.org/10.2307/1229039>

Crenshaw K. Race, Reform, and Retrenchment: Transformation and Legitimation in Antidiscrimination Law // Harvard Law Review. 1988. Vol. 101, no. 7. P. 1331–1387. DOI: <https://doi.org/10.2307/1341398>

Dotson K. A Cautionary Tale: On Limiting Epistemic Oppression // Frontiers: A Journal of Women Studies. 2012. Vol. 33, no. 1. P. 24–47. DOI: <https://doi.org/10.5250/fronjwomestud.33.1.0024>

Dotson K. Conceptualizing Epistemic Oppression // Social Epistemology. 2014. Vol. 28, iss. 2. P. 115–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2013.782585>

Feminist Epistemologies / ed. by L. Alcoff, E. Potter. N.Y.: Routledge, 1993. 324 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203760093>

Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford, UK: Oxford University Press, 2007. 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001>

Garland-Thomson R. «Becoming Disabled» // The New York Times. 2016. Aug. 19. URL: <https://www.nytimes.com/2016/08/21/opinion/sunday/becoming-disabled.html> (accessed: 01.02.2022).

Garland-Thomson R. Misfits: A Feminist Materialist Disability Concept // Hypatia. 2011. Vol. 26, iss. 3. P. 591–609. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2011.01206.x>

Grasswick H. Feminist Social Epistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. (Fall 2018 ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/feminist-social-epistemology/> (accessed: 01.02.2022).

Hall M.C. Critical Disability Theory // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. (Winter 2019 ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/disability-critical/> (accessed: 01.02.2022).

Hamraie A. Designing Collective Access: A Feminist Disability Theory of Universal Design // Disability Studies Quarterly. 2013. Vol. 33, no. 4. URL: <https://dsq-sds.org/article/view/3871> (accessed: 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.18061/dsq.v33i4.3871>

Haraway D. Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective // Feminist Studies. 1988. Vol. 14, no. 3. P. 575–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/3178066>

Harding S.G. Introduction. Is there a Feminist Method? // Feminism and Methodology / ed. by S.G. Harding. Bloomington, IN: Indiana University

Press, 1987. P. 1–14.

Laudan L. Demystifying Underdetermination // *Scientific Theories* / ed. by C. Wade Savage. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1990. P. 267–297.

McKinnon R.V. Trans*formative Experiences // *Res Philosophica*. 2015. Vol. 92, iss. 2. P. 419–440. DOI: <https://doi.org/10.11612/resphil.2015.92.2.12>

Medina J. Hermeneutical Injustice and Polyphonic Contextualisms: Social Silences and Shared Hermeneutical Responsibilities // *Social Epistemology*. 2012. Vol. 26, iss. 2. P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2011.652214>

Medina J. The Epistemology of Resistance: Gender and Racial Oppression, Epistemic Injustice, and Resistant Imaginations. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 352 p.

Moya P. Who We Are and From Where We Speak // *TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. 2011. Vol. 1, iss. 2. P. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.5070/t412011809>

Narayan U. Undoing the «Package Picture» of Cultures // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 2000. Vol. 25, iss. 4. P. 1083–1086. URL: <https://www.jstor.org/stable/3175491> (accessed 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.1086/495524>

Ortega M. Being Lovingly, Knowingly Ignorant: White Feminism and Women of Color // *Hypatia*. 2006. Vol. 21, iss. 3. P. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01113.x>

Rolin K. Objectivity, trust and social responsibility // *Synthese*. 2021. Vol. 199, iss. 2, P. 513–533. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02669-1>

Rolin K. The Bias Paradox in Feminist Standpoint Epistemology // *Episteme*. 2006. Vol. 3, iss. 1–2. P. 125–136. DOI: <https://doi.org/10.3366/epi.2006.3.1-2.125>

Ruiz E. Cultural Gaslighting // *Hypatia*. 2020. Vol. 35, iss. 4. P. 687–713. DOI: <https://doi.org/10.1017/hyp.2020.33>

Simpson L.B. Land as Pedagogy: Nishnaabeg Intelligence and Rebellious Transformation // *Decolonization: Indigeneity, Education & Society*. 2014. Vol. 3, no. 3. URL: <https://jps.library.utoronto.ca/index.php/des/article/view/22170> (accessed: 01.02.2022).

Spear A. Gaslighting, Confabulation, and Epistemic Innocence // *Topoi*. 2020. Vol. 39, iss. 1. P. 229–241. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-018-9611-z>

Stockdale K. Hope under Oppression. N.Y.: Oxford University Press, 2021. 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197563564.001.0001>

Tuana N. The Speculum of Ignorance: Women's

Health Movement and Epistemologies of Ignorance // *Hypatia*. 2006. Vol. 21, iss. 3. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01110.x>

Williams P.J. The Alchemy of Race and Rights. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 272 p.

Yap A. Credibility Excess and the Social Imaginary in Cases of Sexual Assault // *Feminist Philosophy Quarterly*. 2017. Vol. 3, no. 4. URL: <https://ojs.lib.uwo.ca/index.php/fpq/article/view/3098> (accessed: 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.5206/fpq/2017.4.1>

Получена: 22.02.2022. Принята к публикации: 30.04.2022

References

Abramson, K. (2014). Turning up the lights on gaslighting. *Philosophical Perspectives*. Vol. 28, iss. 1, pp. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1111/phpe.12046>

Alcoff, L. and Potter, E. (eds.) (1993). *Feminist epistemologies*. New York: Routledge Publ., 324 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203760093>

Code, L. (1991). *What can she know? Feminist theory and construction of knowledge*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 368 p. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501735738>

Collins, P. (2017). [Representation of African American women. Interview with Patricia Hill Collins]. *Global'nyy dialog [Global Dialogue]*. Vol. 7, iss. 1, pp. 15–16.

Crenshaw, K. (1988). Race, reform, and retrenchment: Transformation and legitimation in antidiscrimination law. *Harvard Law Review*. Vol. 101, no. 7, pp. 1331–1387. DOI: <https://doi.org/10.2307/1341398>

Crenshaw, K. (1991). Mapping the margins: intersectionality, identity politics, and violence against women of Colo. *Stanford Law Review*. Vol. 43, no. 6, pp. 1241–1299. DOI: <https://doi.org/10.2307/1229039>

Dotson, K. (2012). A cautionary tale: on limiting epistemic oppression. *Frontiers: A Journal of Women Studies*. Vol. 33, no. 1, pp. 24–47. DOI: <https://doi.org/10.5250/fronjwomestud.33.1.0024>

Dotson, K. (2014) Conceptualizing epistemic oppression. *Social Epistemology*. Vol. 28, iss. 2, pp. 115–138. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2013.782585>

Essig, L. (2014). [«Bury their hearts»: some thoughts on the spectre of homosexuality haunting in Russia]. *Na pereput'e: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy, pod red. A.A. Kondakov [A.A. Kondakov (ed.) On the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and queer studies]*.

St. Peterburg: CISR Publ., pp. 3–23.

Fricker, M. (2007). *Epistemic injustice: power and the ethics of knowing*. Oxford, UK: Oxford University Press, 208 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198237907.001.0001>

Garland-Thomson, R. (2011). Misfits: a feminist materialist disability concept. *Hypatia*. Vol. 26, iss. 3, pp. 591–609. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2011.01206.x>

Garland-Thomson, R. (2016). «Becoming disabled». *The New York Times*, Aug. 19. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/08/21/opinion/sunday/becoming-disabled.html> (accessed 01.02.2022).

Grasswick, H. (2018). Feminist social epistemology. *E.N. Zalta (ed.) The Stanford encyclopedia of philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/feminist-social-epistemology/> (accessed 01.02.2022).

Hall, M.C. (2019). Critical disability theory. *E.N. Zalta (ed.) The Stanford encyclopedia of philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/disability-critical/> (accessed 01.02.2022).

Hamraie, A. (2013). Designing collective access: a feminist disability theory of universal design. *Disability Studies Quarterly*. Vol. 33, no. 4. Available at: <https://dsq-sds.org/article/view/3871> (accessed 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.18061/dsq.v33i4.3871>

Haraway, D. (1988). Situated knowledges: the science question in feminism and the privilege of partial perspective. *Feminist Studies*. Vol. 14, no. 3, pp. 575–599. DOI: <https://doi.org/10.2307/3178066>

Harding, S.G. (1987). Introduction. Is there a Feminist Method? *Feminism and Methodology*. Bloomington, IN: Indiana University Press, pp. 1–14.

Laudan, L. (1990). Demystifying underdetermination. *C. Wade Savage (ed.) Scientific Theories*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, pp. 267–297.

McKinnon, R.V. (2015). Trans*formative experiences. *Res Philosophica*. Vol. 92, iss. 2, pp. 419–440. DOI: <https://doi.org/10.11612/resphil.2015.92.2.12>

Medina, J. (2012). Hermeneutical injustice and polyphonic contextualisms: social silences and shared hermeneutical responsibilities. *Social Epistemology*. Vol. 26, iss. 2, pp. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1080/02691728.2011.652214>

Medina, J. (2013). *The epistemology of resistance: gender and racial oppression, epistemic injustice, and resistant imaginations*. New York: Oxford University Press, 352 p.

Moya, P. (2011). Who we are and from where we

speak. *TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World*. Vol. 1, iss. 2, pp. 79–94. DOI: <https://doi.org/10.5070/t412011809>

Narayan, U. (2000). Undoing the «Package Picture» of Cultures. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. Vol. 25, iss. 4, pp. 1083–1086. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3175491> (accessed 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.1086/495524>

Ortega, M. (2006). Being lovingly, knowingly ignorant: white feminism and women of color. *Hypatia*. Vol. 21, iss. 3, pp. 56–74. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01113.x>

Rolin, K. (2006). The bias paradox in feminist standpoint epistemology. *Episteme*. Vol. 3, no. 1–2, pp. 125–136. DOI: <https://doi.org/10.3366/epi.2006.3.1-2.125>

Rolin, K. (2021). Objectivity, trust and social responsibility. *Synthese*. Vol. 199, iss. 2, pp. 513–533. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11229-020-02669-1>

Ruiz, E. (2020). Cultural gaslighting. *Hypatia*. Vol. 35, iss. 4, pp. 687–713. DOI: <https://doi.org/10.1017/hyp.2020.33>

Simpson, L.B. (2014). Land as pedagogy: Nishnaabeg intelligence and rebellious transformation. *Decolonization: Indigeneity, Education & Society*. Vol. 3, no. 3. Available at: <https://jps.library.utoronto.ca/index.php/des/article/view/22170> (accessed 01.02.2022).

Shevchenko, S.Yu. (2020). [Incline and admonish: epistemic injustice and counter-expertise]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 57, no. 2, pp. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057217>

Spear, A. (2020). Gaslighting, confabulation, and epistemic innocence. *Topoi*. Vol. 39, iss. 1, pp. 229–241. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-018-9611-z>

Stockdale, K. (2021). *Hope under oppression*. New York: Oxford University Press, 232 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780197563564.001.0001>

Tartakovskaya, I.N. (2015). [The gender order reproduction via career strategies: Intersectional analyses]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 5, pp. 84–93.

Temkina, A.A. (2008). *Seksual'naya zhizn' zhenschiny: mezhdru svobodoy i podchineniem* [Sexual life of women: between freedom and submission]. St. Petersburg: EUSP Press, 376 p.

Temkina, A.A. and Zdravomyslova, E.A. (2017). [Intersectional turn in gender studies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 20, no. 5,

pp. 15–38. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.5.2>

Tischenko P.D. (2020). [Epistemic injustice as systemic communicative dysfunction]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 57, no. 2, pp. 42–47. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202057219>

Trufanova, E.O. (2017). [«Situated knowledge» and the ideal of objectivity in science]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 54, no. 4, pp. 99–110. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps201754475>

Tuana, N. (2006). The speculum of ignorance: women's health movement and epistemologies of ignorance. *Hypatia*. Vol. 21, iss. 3, pp. 1–19. DOI:

<https://doi.org/10.1111/j.1527-2001.2006.tb01110.x>
Williams, P.J. (1991). *The alchemy of race and rights*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 272 p.

Yap, A. (2017). Credibility excess and the social imaginary in cases of sexual assault. *Feminist Philosophy Quarterly*. Vol. 3, no. 4. Available at: <https://ojs.lib.uwo.ca/index.php/fpq/article/view/3098> (accessed: 01.02.2022). DOI: <https://doi.org/10.5206/fpq/2017.4.1>

Received: 22.02.2022. Accepted: 30.04.2022

Об авторе

Игнатова Нина Юрьевна

доктор философских наук, доцент,
профессор Департамента гуманитарного
и социально-экономического образования

Нижнетагильский технологический институт
(филиал) Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
622013, Свердловская обл., Нижний Тагил,
ул. Красногвардейская, 59;
e-mail: nina1316@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-5422>
ResearcherID: AAG-4874-2020

About the author

Nina Yu. Ignatova

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Humanitarian
and Social and Economic Education

Nizhny Tagil Technological Institute (Branch)
of Ural Federal University,
59, Krasnogvardeyskaya st., Nizhny Tagil,
Sverdlovsk Oblast, 622013, Russia;
e-mail: nina1316@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0563-5422>
ResearcherID: AAG-4874-2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Игнатова Н.Ю. «Калейдоскоп» феминистских эпистемологий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 197–207. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-197-207](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-197-207)

For citation:

Ignatova N.Yu. [«Kaleidoscope» of feminist epistemologies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 197–207 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-197-207](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-197-207)

УДК 141.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-208-220

БРОСОК КОСТЕЙ: НИЦШЕ О ЧИСТОМ ПОНЯТИИ «ПРИРОДА»*Дорожкин Егор Леонидович**Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки (Нижний Новгород)*

Исследуется значение чистого понятия «природа», встречающегося в черновиках Ницше 1881 г. и ассоциированного с проектом возвращения «смысла земле». Как правило, данное понятие и его историко-философские следствия оказываются вне поля зрения исследователей философии Ницше и ницшеанства. Это упущение затмевает некоторые важные линии генезиса современных философских онтологий, во многом обусловленных расколом в толкованиях природы после эпохи романтизма. Одна из стратегий этого раскола воплощается в философии Ницше, а через него в поэтических онтологиях XX в. Исследование, предпринятое в данной статье, в первую очередь исходит из текстов Ницше 1881–1882 гг., когда оформилась идея вечного возвращения, и далее реконструирует место чистого понятия «природа» в общем контексте творчества мыслителя. Помимо работ самого Ницше анализируются ключевые толкования, осуществленные в середине и второй половине XX столетия. В этом смысле наибольшее внимание уделено текстам М. Хайдеггера и Ж. Делёза, но также В. Кауфмана, П. Клоссовски, Р. Сафрански, П. Слотердайка и К. Лёвита. Следствием этой герменевтической и сравнительно-аналитической работы стало рассмотрение чистого понятия «природа» как «смысла земли» через единство трех концептов — дионисийского мирозерцания, вечного возвращения и воли к власти. В заключение делается вывод о том, что осмысленное таким образом понятие «природа» в качестве непосредственной экспрессии существования противопоставляется абстрактности классической новоевропейской концепции природы («*natura*»). Иными словами, это онтология «броска костей», т.е. онтология случая, освобождающего единичное от рефлексивной опосредованности.

Ключевые слова: Ф. Ницше, природа, непосредственное, смысл земли, дионисийское, вечное возвращение, единичность, бросок костей, случай, воля к власти, пафос, импульс, романтизм.

**A THROW OF THE DICE:
NIETZSCHE ON THE PURE NOTION OF «NATURE»***Egor L. Dorozhkin**Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire (Nizhny Novgorod)*

The article explores the meaning of the pure concept of «nature» found in Nietzsche's 1881 drafts and associated with the project of returning the «meaning to the earth». As a rule, this concept and its historical consequences remain out of sight of researchers studying Nietzsche's philosophy and Nietzscheism. This omission overshadows some important lines of genesis of modern philosophical ontologies, largely due to the split in the interpretation of nature after the era of romanticism. One of the strategies of this split is embodied in the philosophy of Nietzsche, and, through him, in the poetic ontologies of the 20th century. The study undertaken in this article primarily proceeds from Nietzsche's texts of 1881–1882, when the idea of eternal return took shape, and then reconstructs the place of the pure concept of «nature» in the general context of the thinker's works. The paper also analyzes the key interpretations of works by Nietzsche offered in the middle and second half of the 20th century. The greatest attention is paid to the texts of M. Heidegger and J. Deleuze, but also W. Kaufmann, P. Klossovsky, R. Safransky, P. Sloterdijk, and A. Badiou. The result of this hermeneutic and comparative-analytical work is the consideration of the pure concept of «nature» as the «meaning of the earth» through the unity of three concepts — the Diony-

sian worldview, the eternal return, and the will to power. The paper concludes that the concept of «nature» as immediate expressiveness of existence is opposed to the abstractness of the classical New European concept of nature («natura»). In other words, it is an ontology of «a Throw of the Dice», i.e. ontology of the chance, freeing the singularity from reflexive mediation.

Keywords: Nietzsche, nature, immediacy, the meaning of the earth, Dionysian, eternal return, singularity, «a Throw of the Dice », chance, will to power, pathos, impulse, romanticism.

Введение

В черновиках Ф. Ницше, датированных августом–сентябром 1881 г., мы обнаруживаем следующее высказывание: «Моя задача: расчеловечить природу и оприродить человека, после того как он осознает чистое понятие “природа”» [Ницше Ф., 2013b, с. 486]. Эту характеристику своему проекту мыслитель дает на пике творческой активности, ему 37 лет, акмэ. Это время, когда пишется «Веселая наука» и рождается замысел работы «Так говорил Заратустра». Более того, к этому времени Ницше уже посетила мысль, которую сам он считал важнейшей, мысль о вечном возвращении (начало августа 1881 г., Сильс-Мария [Ницше Ф., 2013b, с. 458]). И в самом центре этого ясного активного периода он ставит понятие «природа» во главе своих задач, причем выглядит оно вовсе не случайным на фоне остальных черновиков и набросков того периода. В них много рассуждений о познании природы, о статусе неорганической природы в сознании, о том, что индивид лишь заблуждение перед лицом природы и т.д. Странное дело, в центр философских изысканий Ницше исследователи, как правило, помещают понятия нигилизма, имморализма, антихристианства, сверхчеловека или смерти Бога, но никогда не выделяют это загадочное «чистое понятие “природа”». Что подразумевал под ним мыслитель? Какое место эта задача занимала в его дионисийской философии?

Предварительно стоит сказать, что наша интерпретация Ницше опирается не только на тексты самого автора. В равной мере мы используем толкования, проведенные в 1950–1960-е гг., в период важных сдвигов осмысления его архива. Сюда безусловно относится Вальтер Кауфман, доказавший, что антисемитизм и фашизм Ницше были не более чем легендой, сконструированной его сестрой [Кауфман В., 2016, с. 42–60], и Пьер Клоссовски с телесно-семиотическим прочтением [Klossowski P., 1997]. Однако в первую очередь

мы ориентируемся на интерпретации, принадлежащие М. Хайдеггеру и Ж. Делезу. Несмотря на имеющиеся различия, они существенным образом схожи. Для обоих Ницше — ключевой философ, на котором кончается прежняя метафизика; философ, мыслящий внутри нигилизма европейской истории, но не захваченный им, а пытающийся помыслить горизонты нового мышления. В этом смысле показательно, что даже главные работы указанных авторов, посвященные исследованию Ницше, вышли почти одновременно — двухтомник Хайдеггера «Ницше» [Хайдеггер М., 2006, 2007b] публикуется в 1961, а книга Делеза «Ницше и философия» [Делёз Ж., 2003] выходит в 1962 г. Однако помимо историко-философского сходства и поворотной значимости данных мыслителей, не в меньшей мере выбор пал на них в связи с онтологическим характером принадлежащих им трактовок, что принципиально значимо, поскольку нас интересует проблема природы и генезиса современных философских онтологий. По этой же причине мы осознанно оставляем в стороне интерпретации, носящие, на наш взгляд, антропологический или психологический характер, такие как принадлежащие К. Ясперсу или, например, отечественному автору А.В. Перцеву [Перцев А.В., 2021]. В этом отношении автору близка позиция Хайдеггера, по мнению которого значимость учения о вечном возвращении и воле к власти нельзя понять, не истолковывая его онтологически [Хайдеггер М., 2006, с. 26].

Так каким же образом у Ницше формируется идея природы? На наш взгляд, это происходит в процессе постановки проблемы нигилизма и его преодоления, что раскрывается в динамической связи трех понятий — трагически-дионисийского мирозерцания, вечного возвращения и воли к власти. Ницшеанское исследование нигилизма представляет собой радикальную (генеалогическую) критику морали, религии, метафизики и самой автономии разума — критику всего того, что составляет мо-

дерную «культуру». Ницше пишет, что нигилизм как «инстинкт отмщения в такой степени завладел человечеством, что им отмечены всяческая метафизика, психология, историческая теория, но прежде их всех — мораль. Когда человек начинал мыслить, он приносил в предметы своего мышления бациллу отмщения» [Ницше Ф., 2016, с. 485]. Столь радикальная критическая постановка проблемы нигилизма как раз и связана с тем, что Ницше мыслит природу, олицетворенной в фигуре Диониса и формализованной в единстве вечного возвращения и воли к власти. Это не классическая новоевропейская концепция природы («*natura*»), как она сформировалась в XVII в., уходя корнями в христианскую метафизику и прорастая в будущее той самой современной «культурой», так ненавистной Ницше. Природа как однородность внешнего объективного мира, противопоставленного автономному универсальному субъекту, выступающему вместе с тем идеальной точкой фокусировки этой самой объективности. «Культура» и возникает как (нигилистическая) оппозиция этой «природе», структурно подразумевающей двоемирие — природа и дух, природа и история, природа и человек. Такая «природа» мертва и абстрактна. Такая «культура» стерильна и не менее абстрактна. Обе они оторваны от «смысла земли» [Ницше Ф., 2007, с. 14, 32, 80], который мыслитель противопоставляет нигилизму. Таким образом, «чистое понятие “природа”», очевидно не совпадающее с классической новоевропейской идеей природы, как-то соответствует «смыслу земли». Собственно, хронологически эта формулировка появляется в тестах Ницше как раз вскоре после августа–сентября 1881 г., после мысли о вечном возвращении, и приведенного нами в начале фрагмента — сперва в черновиках и набросках, а затем в «Так говорил Заратустра» — в одном из главных произведений мыслителя.

Остается лишь указать историко-философский контекст, прежде чем перейти к разбору заявленных понятий — дионисийского, вечного возвращения и воли к власти, — единство которых должно раскрыть содержание «чистого понятия “природы”» как «смысла земли», противостоящего нигилизму. Дело в том, что философия Ницше не является первой попыткой преодолеть классическую новоевропейскую концепцию природы. Такой радикаль-

ный опыт осуществляется уже в раннем немецком романтизме, а точнее в романтической интерпретации Спинозы [Негри А., 2007 с. 101–103]. Романтико-спинозистскому повороту в философии природы Ф. Ницше и наследует, если, конечно, верно понимать судьбу данного поворота. В своей попытке мыслить природу как единство, а не элемент оппозиции, и живой процесс, а не голую объективность, романтизм оказался почвой раскола [Лёвит К., 2002] последующей истории европейской философии. Одна сторона раскола утверждает единство и процесс природы как трансцендентальную рамку, опосредующую смысл единичного. Непосредственно единичное абстрактно и неопределенно, его конкретность обретается лишь в трансцендентальном единстве\процессе. Это находит крайнее выражение в системе Гегеля [Гегель Г.В.Ф., 1970, с. 139–223]. Другая сторона, утверждающая непосредственность единичного и тем самым выступающая подлинным развитием романтико-спинозистской концепции природы, воплотилась в дионисийской философии Ницше. Дионисийский поток утверждает жизнь исключительно как эстетический феномен [Ницше Ф., 2012b, с. 14] — «эстетический» значит «непосредственный». Эта сторона раскола открывает исторические условия для появления поэтических онтологий Хайдеггера и Делеза [Badiou A., 2005, p. 123–129], рассматриваемых нами в качестве главных интерпретаторов Ницше.

Результаты и обсуждение

Уже в первой своей работе, в «Рождении трагедии», Ницше говорит о дионисийском как о нарушении принципа индивидуации (*principium individuationis*), сравнивая это с опьянением, размывающим границы субъекта и захватывающим его как нечто внешнее, вплоть до самозабвения [Ницше Ф., 2012b, с. 26]. Здесь очевидна параллель с романтической чувствительностью [Шеллинг Ф.В.Й., 1987, с. 174], или чувствованием [Whitehead A.N., 1978, p. 72], как центральным понятием идеи природы-организма, противопоставляемой природе-механизму Нового времени. Природа превращается в силу, для которой субъект оказывается пронцаем без его уничтожения, индивид перестает быть «неделимым». Эта работа молодого Ницше крайне важна, несмотря на то,

что она будет критиковаться им же самим в более зрелые годы. Она служит ярким свидетельством его преемственности по отношению к «романтическому повороту» — отчасти через А. Шопенгауэра, но отчасти и непосредственно. Критикуя «Рождение трагедии» и уходя от нирванических тонов этой работы, Ницше, тем не менее, сохраняет в последующем творчестве концептуальное значение фигуры Диониса. Что же касается присутствия в тексте сил Аполлона, ясных и равных себе образов, кладущих предел опьянению, то не следует обманываться — это ничего не убавляет от первостепенной роли Диониса. Апполонические и дионисийские силы не становятся онтологической дихотомией, вечным противоборством двух равносильных и равнозначальных сущностей, как зачастую принято считать. Далее по тексту становится очевидно, что действительной оппозицией предстают вовсе не Дионис и Аполлон — есть еще и третья фигура. Ницше пишет: «Мы имеем новую дилемму: дионисовское и сократовское начала, и художественное творение — греческая трагедия — погибло в ней» [Ницше Ф., 2012b, с. 76]. Подлинная оппозиция — это Дионис и Сократ, где Сократ как «теоретический человек» противопоставит Дионису, воплощающему «трагическое мирозерцание».

«Трагическое» в ницшеанском смысле имеет вполне конкретное значение. Это восприятие становления, т.е. изменчивого существования и его страданий как болей роста, которые не требуют оправдания или осуждения. Страдание не ведет к отрицанию существования и не указывает на его обделенность бытием. В свете этого Ницше проводит различие между своим пониманием трагического и аристотелевским. Он подвергает критике последнего за сведение трагедии к подавляющим аффектам и нравственной функции [Ницше Ф., 2016, с. 540], поскольку Аристотель считал трагическими аффектами страх и сострадание, ведущие к нравственному очищению (катарсису) [Аристотель, 1983, с. 651]. Иными словами, в центре ницшеанского переосмысления трагического находится переоценка смысла «пафоса». Буквально «πάθος» в переводе с древнегреческого означает «страсть», «возбуждение», «воодушевление», но и «страдание», «боль», «болезнь». Пафос как причиняющее гибель и боль в траге-

дии, как душевное переживание используется Аристотелем в качестве оппозиции этосу («ἦθος»), устойчивому характеру. Таким образом, пафос нельзя точно перевести на русский язык одним словом — да, он означает аффект, страсть, но не как характерные переживания героя, его привычную эмоциональную жизнь, а как событие, разрывающее порядок ожиданий и намерений. У Аристотеля это аффект-событие гибели героя. В ницшеанской интерпретации акценты меняются — пафос перестает быть негативным моментом этоса, а сам становится производящим и утвердительным, не лишаясь своего основного смысла. Пафос — это аффект-событие, открывающее в трагедии судьбоносное или, можно сказать, трансгрессивное измерение, так как нарушает нормативный порядок. Пафос — это трансгрессивная страсть события, не характерного для героя, как он есть в привычном представлении, но и не подавляющая его, а экстатически раскрывающаяся в нем как его же судьба. Герой не противостоит трагическому фатуму становления, раскрывающемуся в пафосе, а только им и производится. Таким образом, «Рождение трагедии» и последующие работы Ницше осмысливают трагическое не как подавляющее, печальное, а в качестве эстетической формы радости. Дионисийские силы и есть силы так понятого трагического, в котором узнается интонация спинозистско-романтического аффекта. Отсюда же становится понятно, почему подлинным антиподом Диониса оказывается не Аполлон, а Сократ. Это олицетворение «теоретического» мирозерцания, означающего в данном контексте использование фикций сознания, самоотождествленных идей, для «суда над жизнью» и ее страданиями, над пафосом. В таком смысле теоретическая перспектива обесценивает пафос существования, перенося бытие и ценность внутрь судящего разума. Именно в подобной сократически-теоретической установке Ницше и усматривает истоки нигилизма (или декаданса, как он выражается в «Рождении трагедии»).

И здесь важно понимать, что для Ницше речь идет не об узком филологическом вопросе трактовки литературных памятников Античности. Через корректное содержание трагически-дионисийского, в центре которого находится интерпретация пафоса, открывается путь к двум другим ключевым концептам его филосо-

фии. Об этом говорит, например, М. Хайдеггер: «Для такого мыслителя, каким является Ницше, мифическое имя Dionysos становится продуманным только тогда, когда совершается попытка осмыслить единство “воли к власти” и “вечного возвращения того же самого”» [Хайдеггер М., 2006, с. 404]. Но и сам Ницше пишет: «Воля к власти — не бытие, не становление, но некий *пафос*» [Ницше Ф., 2016, с. 413]. Относительно этого тождества воли к власти и пафоса уместно вспомнить П. Клоссовски, переведившего в тестах Ницше «пафос» («Pathos») и «власть» («Machte») одним словом — «импульс» («impulse») [Klossowski P., 1997, р. X]. Этим же понятием он переводил «аффект» («Affekte»), «чувство» («Gefühlen»), «страсть» («Leidenschaften»), «инстинкт» («Trieb»), «желание» («Begierden»). Основание для такого обобщения и дальнейшей его концептуализации Клоссовски усматривал в том, что вышеперечисленные феномены так или иначе являются базовыми активностями несознаваемого процесса жизни, нарушающими статичный порядок репрезентации [Klossowski P., 1997, р. 15–54]. Они размыкают автономию классического картезианского субъекта, выступают активностью внешнего как дионисийского становления или романтико-спинозистской природы. Слово «импульс», балансирующее между физическими и психоаналитическими значениями, способно, по мнению Клоссовски, выступить обобщенным именем единицы этого природного процесса в интерпретации Ницше. Чувственные импульсы — это телесные единицы могущества природы, «избытка жизни» [Klossowski P., 1997, р. 87], Диониса. Пафос и воля к власти являются одними из модусов этих импульсов.

Производящие смысл пульсации дионисийского становления, которым не противопоставлено никакого внешнего трансцендентного измерения, призванного придать «бытие» их «хаосу», поскольку это становление и есть бытие. Бытие становления. Таким образом, по словам самого Ницше, «в дионисическом символе достигнут самый крайний предел *утверждения*» [Ницше Ф., 2009, с. 233]. Трагически-дионисийское — это утверждение самого становления, единицей которого являются импульсы (аффекты-события). Но как понимать утвержденное становление, если становление

есть изменчивое движение, а утверждение традиционно основывается на неизменном, безусловном? Только верно поняв онтологию этой утвердительности, мы сможем понять специфику пафоса воли к власти и в конечном счете искомого нами чистое понятие природы. Ключом к этой онтологии является уже неоднократно упоминавшаяся главная мысль Ницше — *мысль о вечном возвращении*. Однако за прошедшие полтора века «вечное возвращение» толковали по-разному, в связи с чем будет целесообразно начать разбор с отсечения неадекватных, на наш взгляд, интерпретаций, искажающих искомую перспективу.

«Вечное возвращение» есть само бытие как Целое. Мы наблюдаем становление в частях, но Целое сохраняется неизменным во всех изменениях. В данной интерпретации вечное возвращение совпадает с тотальным Целым, которое в своей неизменности противостоит становлению, но у нас уже имеется предварительное понимание, что вечное возвращение, напротив, должно прояснить утверждение самого становления. «Никакого “целого” нет» [Ницше Ф., 2016, с. 458], — пишет Ницше.

«Вечное возвращение» есть бесконечное совпадение комбинаций. Ограниченное количество материи и энергии при бесконечности времени приводит к тому, что любая комбинация повторялась и будет повторяться бесконечное количество раз, т.е. вечно. Это распространенная трактовка, которой, например, придерживается Р. Сафрански [Сафрански Р., 2016, с. 278] и основания для которой действительно обнаруживаются в черновиках и набросках Ницше 1881 г. Однако творчество мыслителя фрагментарно и местами противоречиво, поэтому иногда упрямая фактичность текста, базовая для формирования архива, проигрывает сущностной интерпретации. Сам по себе «факт всегда глуп» [Ницше Ф., 2013а, с. 149], как утверждает Ницше. Мы помещаем данную интерпретацию в неадекватные по двум очевидным причинам. Во-первых, она носит позитивистский характер, основывается на классической новоевропейской концепции природы. Во-вторых, эта интерпретация подразумевает возвращение абсолютно всего как оно есть, без принципа отбора, вложенного мыслителем в идею вечного возвращения.

«Вечное возвращение» есть закон. Возвращение представляет собой не имманентный принцип повторения комбинаций или неизменности Целого, а внешний хаосу становления закон, циклически вновь и вновь собирающий распадающийся мир. Если первая искажающая интерпретация в перспективе прочитывается как диалектическая, гегельянская, а вторая — как позитивистская, то в данном случае мы видим тяготение к еще одной неприемлемой для Ф. Ницше парадигме — платонизму. Об их конгруэнтности продолжают высказываться в т.ч. А.Н. Фатенков [Фатенков А.Н., 2011, с. 12], сближая порой при этом ницшеанство даже с гегельянством [Фатенков А.Н., 2016, с. 96], но мы с самого начала обозначили границы раскола между этими традициями, в рамках которых и осуществляется наше исследование. Трансцендентный принцип, идея, вновь и вновь насильственно запечатлевающие свой образ в хаосе строптивой материи, не являются ницшеанской мыслью о возвращении.

«Вечное возвращение» есть результат закона больших чисел из теории вероятностей. При подсчете в коротких сериях повторений можно наблюдать видимость произвольности, например, может так случиться, что конкретно в вашем случае из 10 бросков монеты выпадет 9 «орлов» и 1 «решка», несмотря на их математически равную вероятность. Это и есть видимость произвольности, случайности в ограниченных сериях повторений. Однако при достаточно длинных сериях повторений по мере их увеличения суммарное значение утрачивает случайный характер и приближается к математически ожидаемому, становится средним и закономерным [Гурман В.Е., 2015, с. 101]. В бесконечных сериях повторений суммарное значение бесконечно близко математически ожидаемому, т.е. случайность исчезает, и мы имеем вечное повторение закономерного. Казалось бы, данная интерпретация, в отличие от предыдущих трех, не работает в пользу оппонентов Ницше (платонизма, гегельянства, позитивизма) и к тому же имеет строгое математическое обоснование — почему тогда и ее мы поместили в список искажений? Устами Заратустры Ницше учит: «Над всеми вещами стоит небо-случай, небо-невинность, небо-нечаянность». «Вот какую блаженную уверенность находил я во всех вещах: они предпочитают *танцевать*

на ногах случая» [Ницше Ф., 2007, с. 171]. Случай находится в самом центре дионисийской мысли Ницше. Именно это мирозерцание, утверждающее становление, мы пытаемся понять через идею вечного возвращения, а статистически-вероятностное толкование уничтожает случайное, провозглашает небытие маловероятного.

Таковы четыре интерпретации, не соответствующие с точки зрения нашего исследования подлинному значению мысли Ф. Ницше о вечном возвращении и искажающие интересующую нас перспективу. В процессе отсеивания мы уже в какой-то мере приблизились к подлинному значению этой мысли, сосредоточенному вокруг понятия «случай». В текстах Ницше есть один концептуальный образ, позволяющий выразить позитивное содержание данной идеи. После выздоровления Заратустры в связи с вечностью возвращения он пишет, что «земля есть божественный стол, дрожащий от новых творческих слов и *бросков игральных костей*» [Ницше Ф., 2007, с. 234]. Так же и обличая высших людей, он обращается: «Бросок костей не удался вам» [Ницше Ф., 2007, с. 294], подразумевая тем самым, что не удались сами высшие люди. Этот образ игральных костей, встречающийся еще в нескольких значимых местах текста, очевидно символизирует как раз случай и мгновение, причем именно в контексте вечного возвращения. Концептуальная значимость данного образа подтверждается не только самими текстами Ницше, но и традицией его интерпретации. Жиль Делез посвятил несколько параграфов своей книги «Ницше и философия» сюжету броска костей и сопоставил его с поэмой «Бросок костей» С. Малларме. Квентин Мейясу, современный французский философ, подхватил этот мотив и посвятил уже не параграфы, а целую книгу, разбирая поэму Малларме [Мейясу К., 2018], с целью исследования необходимости случайного в плюралистической онтологии.

Так чем же этот образ столь удачен для толкования идеи вечного возвращения, отличного от четырех перечисленных ранее? В броске костей есть несколько смысловых моментов. Во-первых, это случайность, являющаяся, как мы уже выяснили, необходимым элементом утвержденного становления. Выбрасывание костей не встраивается в причинные цепочки целепо-

лаганий и расчетов, его результат именно случается. Во-вторых, это игра, причем игра по определению, так как в броске не может быть цели — нужное число выпадает само и любое число нужное, потому что игра с предрешенной победой это не игра. Из этих двух смысловых моментов вытекает третий, неочевидный, но значимый в контексте философии Ницше, — невинность. В своем двухтомном исследовании ницшеанской философии Хайдеггер пишет о невинности только в одной главе, той, в которой рассматривается вечное возвращение того же самого [Хайдеггер М., 2006, с. 287–288], т.е. идея, которую мы пытаемся раскрыть через бросок костей. Аналогичная ситуация у Делеза, рассматривающего невинность непосредственно в параграфах, посвященных игре в кости и смежных с ними [Делёз Ж., 2003, с. 73–98]. Так же и в текстах самого Ницше, когда Заратустра утверждает, что над всеми вещами стоит «небослучай», далее через запятую он ставит «небоневинность», указывая тем самым на их эквивалентность. Более того, он впервые упоминает невинность, когда размышляет о Гераклите как трагическом мыслителе [Ницше Ф., 2012с, с. 329], интерпретируя знаменитый фрагмент, гласящий, что Эон — это играющее в кости дитя: «Αἰὼν παις ἐστὶ παῖζων, πῆσσεύων. παῖδός η βασιλῆης» [Гераклит Эфесский, 2012, с. 166]. Круг замкнулся. Бросок костей — это невинная игра случая. Именно здесь мы получаем возможность раскрыть подлинное содержание идеи вечного возвращения и, как следствие, приблизиться к пониманию ницшеанского смысла понятия природы.

Случай подразумевает мгновение. Только лишь во мгновении что-то случается, являет себя непросчитанное, непредвиденное, непредзаданное, т.е. само становление, неподвластное никаким завершенным формам. Мгновение — это средоточие времени, его вечная новизна. В посвященной вечному возвращению главе «Воли к власти» Ницше проговаривает, что сам факт текущего мгновения доказывает становление — если становление всего лишь путь к некоей цели, равновесному состоянию, то в бесконечности времени это состояние уже было достигнуто и никакого мгновения мы бы не наблюдали [Ницше Ф., 2016, с. 645]. Поэтому врата с надписью «Мгновенье» оказываются одой из первых загадок, посредством ко-

торой Заратустра раскрывает мысль о вечном возвращении [Ницше Ф., 2007, с. 162]. Текущее мгновение как средоточие времени мыслится Ницше, а вслед за ним Хайдеггером и Делезом, не в качестве квантирования линии времени, где один настоящий момент уходит, становясь прошлым, а на его место приходит тот, что был будущим. Само мгновение синтезируется сразу как настоящее, прошедшее и будущее [Делёз Ж., 2003, с. 118], а не предполагает, что кольцо времени замыкается где-то в бесконечности [Хайдеггер М., 2006, с. 270].

Случай подразумевает единичность (сингулярность). Как уже понятно из описанного нами четвертого искажения идеи вечного возвращения (закона больших чисел), если в достаточно длинной серии повторений случай исчезает, значит, напротив, одно-единственное мгновение, единичность, предельно ускользает от суммарных средних значений и математических ожиданий, являясь средоточием случая. «Теория вероятностей не ставит перед собой задачи предсказать, произойдет единичное событие или нет, — она просто не в силах этого сделать» [Гурман В.Е., 2015, с. 14]. Поэтому и Малларме пишет в «Броске костей» об «одном Числе, не способном стать другим» [Малларме С., 2018, с. 190]. Квентин Мейясу прав, когда утверждает, что это «Число» не может иметь арифметического значения [Мейясу К., 2018, с. 26], но вызывает сомнение обязательность диалектической интерпретации, которую он далее предлагает. Смысл скорее заключается в самой единичности («одно») выпавшего — только один бросок, одно-единственно число, доарифметическое, без подсчета вероятностей и упований на повторные броски, растворяющие единичное («одно Число») в средних значениях. В вечном возвращении единичность освобождается и становится уже не «частным», обретающим свой смысл в делении «общего» или в диалектическом противопоставлении ему, а *событием*.

Из этого следует, что *единичность оказывается необходимостью*. Единичность утверждается через случайность как необходимость, поскольку не может быть сведена к общему или выведена из него, она безусловна. Будучи необходимостью, единичное возвращается — только оно и может возвращаться в вечном возвращении, а не Целое, комбинация атомов или закон.

Единичность не только необходима, но и *невинна*. «Над всеми вещами стоит небо-случай, небо-невинность». Данный смысловой аспект приближает нас к проблеме нигилизма, упомянутой в начале статьи. Мысль о вечном возвращении как таковая была для Ницше мыслью, преодолевающей нигилизм, а сам нигилизм изначально мыслился как то, что требуется изжить, преодолеть. Почему именно здесь мы достаточно близко подошли к проблеме нигилизма, чтобы заговорить о ней? Единичность невинна в своей свободе от «вины» и «причины», поскольку свободна от средних суммарных значений «вечного паука-разума и разума-паутины» [Ницше Ф., 2007, с. 171]. Будучи свободной от общего, как это ясно из предыдущих пунктов, единичность в вечном возвращении перестает быть частным случаем этого общего, становится случайностью, а тем самым освобождается одновременно и от причины, и от вины. Хайдеггер в своем знаменитом разборе инструментальности из «Вопроса о технике» указывал на то, что причина «характеризует присутствие чего-либо присутствующего» [Хайдеггер М., 2007а, с. 310], т.е. наличие и готовность. Единичность в рассматриваемом здесь смысле не «есть» в наличии, а «случается» и, таким образом, не может характеризоваться причинностью, не может быть следствием чего-то. «Нету ни места, ни цели, ни смысла, в которые можно было бы свалить наше бытие, наше конкретное существование... И, повторяю, это огромное облегчение, потому что всему существу возвращается *невинность*» [Ницше Ф., 2016, с. 486]. Свобода от причинности, от общего, возвращает существу невинность. Основополагающей чертой нигилизма, по Ницше, является рассмотрение существования как чего-то неполноценного — ложного, несправедливого, лишённого смысла. Недоверие к существованию, мстительность по отношению к страданиям, которые оно несет, иными словами то, что Ницше называет *ressentiment*. Нигилизм — это дух отрицания. В свою очередь, единичность, в рассматриваемом здесь смысле, ускользает от виновности, так как ускользает от общей перспективы тех фикций, что создает разум («паук-разум») для суда над существованием. Единичность характеризуется невинностью и необходимостью, чистым утверждением и производством смысла в про-

тивовес нигилистическому отрицанию. В своем дневниковом наброске мысли о вечном возвращении, сделанном в начале августа 1881 г. в Сильс-Мариин, Ницше пишет: «Невинный. Отдельный человек как эксперимент», «Необходимость и невинность» [Ницше Ф., 2013b, с. 458, 461].

Игра утверждает эту невинность единичного. Насколько игра невозможна без элемента случайности, внешнего ко всем расчетам и намерениям игрока, настолько же она невозможна без готовности игрока играть, а не мухлевать или пытаться просчитать игру. Для того, кто сам не готов к игре, «танцевать на ногах случая», для того случайность воспринимается как поражение и насилие. Случай как таковой остается невинным, но невинность эта оказывается сокрыта реактивными фикциями. Реактивное восприятие случайного формирует злопамятность. Игра, напротив, выступает именем подлинной активности случайного.

Итак, бросок костей — это игра невинного случая. Будучи мгновением случайности и невинности единичного, она есть событие, средоточие и производство времени. Мысль о вечном возвращении освобождает единичность, позволяет ей быть не «частным», обретающим свою конкретность от «общего», а событием, которое само является источником смысла. В этом и состоит принцип отбора, заключенный Ницше в идею вечного возвращения, — возвращается не все, а лишь утвердительное и утвержденное, но единичность и является чистым утверждением, или, говоря языком Хайдеггера, подлинностью. Поэтому мы не можем принять точку зрения некоторых интерпретаторов, в числе которых Р. Сафрански, полагающих, что природа как вечное возвращение означает буквальное возвращение всего сущего как оно есть [Сафрански Р., 2016, с. 279], исключая тем самым любую подлинную динамику и развитие. Возвращается *не всё*. «Вечное возвращение — это не теория качеств и их циклических трансформаций; это теория чистых событий» [Делёз Ж., 2011, с. 234]. Мысль о вечном возвращении обнаруживает необходимость в случайности и вечность во мгновении, выступая тем самым онтологическим обоснованием трагически-дионисийского мирозерцания.

Однако из рассмотрения вечного возвращения можно поставить вопрос, каким образом единичное, утвержденное в качестве безусловного, оказывается утвержденным и в качестве сущего? Говоря иначе, почему эта сингулярность не оказывается прекрасным миражем, вспыхивающим и тут же гаснущим на поверхности все той же объективности новоевропейской природы, а утверждает себя в качестве существования? Почему существование — это событие, а не атомы, не позитивные объекты? Ключом к прояснению этого вопроса является понятие *воли к власти*, упомянутое нами ранее. Разумеется, оно не сводимо к социальному феномену власти, к психологии господства или к борьбе за признание. Тому есть множество подтверждений в текстах самого Ницше, а также разъяснений у Хайдеггера, Делеза, Кауфмана, Сафрански, Слотердайка и других, исследовавших данную тему авторов. Ссылаясь на высказывание Ницше («Воля к власти — не бытие, не становление, но некий *пафос*») и интерпретацию П. Клоссовски, мы указывали на тождество воли к власти и дионисийского пафоса как импульсов несознаваемого процесса жизни, нарушающих статичный порядок репрезентации. Единицы могущества природы, понятой как избыток жизни или непосредственная экспрессия существования. Постараемся теперь уточнить концептуальную специфику такого модуса импульсов или аффектов-событий, как воля к власти.

В немецком оригинале понятие «воля к власти» звучит как «*Der Wille zur Macht*», где слово «*Macht*» вовсе не так однозначно, как русское «власть». Это лишь один из возможных переводов, который можно оспаривать, но который мы используем ввиду сложившейся традиции перевода. В немецком издании «Этики» Спинозы понятие «*potentia*», которое принято переводить на русский в зависимости от контекста как «могущество» или как «способность», переведено именно словом «*Macht*». Аналогично и во французском языке, на котором пишет второй из двух важнейших для нас интерпретаторов Ницше, Жиль Делез, «*Der Wille zur Macht*» переводят «*La Volonté de puissance*», но тем же словом «*puissance*» переводят на французский не только «*Macht*» Ницше, но и «*potentia*» из текстов Спинозы. Так же и в любом немецко-русском словаре указано,

что слова «могущество» и «мощь» являются одними из легитимных переводов немецкого «*Macht*». С одной стороны, мы действительно хотим подчеркнуть характер связи между Ницше и романтическим поворотом к природе, в центре которого находилась интерпретация философии Спинозы. Однако в той же мере это лингвистическое уточнение предварительно намечает смысл, в котором воля к власти оказывается не одним из пафосов (импульсов), а пафосом по преимуществу, онтологически значимым. Воля к власти — это стремление к могуществу, стремление к достижению высших степеней существования. «Повсюду вначале было нечто сырое, бесформенное, пустое и неприглядное, и во всем достойны внимания лишь высшие ступени» [Ницше Ф., 2012с, с. 308]. Иными словами, это воля к тому, чтобы сбыться, утвердиться. Но что именно утверждается? Поскольку выше мы уже обозначили дионисийство Ницше как онтологию становления, утвержденного вечным возвращением, то нет никакой чистой сущности, предшествующей этому становлению, а значит, утверждается сама власть-могущество. Импульс непосредственной экспрессии существования, стремящийся к самоутверждению в потоке аффектаций, пассивных и активных состояний. Но как именно Ницше понимает это утверждаемое в воле к власти, этот особый модус пульсаций природы?

Из того же вечного возвращения следует, что утверждается лишь единичное (сингулярность). Зачем единичному потребовалось бы утверждаться, сбываться, если понимать под ним нечто объективно данное, наличествующее и атомарное? В таком случае оно уже «есть» и каким образом могло бы оно в еще большей степени «быть»? Однако единичность, как уже говорилось, вообще не есть в смысле налично данной объективности, а случается, являясь тем самым одновременно наличествующим и отсутствующим, единым и множественным. Единичность, будучи средоточием случая, ускользающим от средних значений, не может быть выражена, полностью представлена ни в каких конечных величинах, она условно бесконечна или, выражаясь точнее, обладает принципиально неопределенной длительностью. Как уже упоминалось, в событии-единичности мгновенное синтезируется сразу как настоящее, про-

шедшее и будущее, а не представляет собой какого-то фиксированного отрезка фиксированной «линии» времени. Тем не менее, будучи конкретной единичностью, она не беспредельна — ее пределом выступают аффективные отношения с другими единичностями, поток становления. В качестве такой неопределенной, но не беспредельной длительности единичность и есть воля к власти. Она является бесконечным могуществом самораскрытия в условиях конечного соотношения сил, т.е. эксцентричностью. Единичность в оптике вечного возвращения всегда эксцентрична или экспрессивна. Вечное возвращение оказалось непосредственно связанным с волей к власти — оно освобождает единичность к ее могуществу, которое есть воля к власти. «Воля к власти — не бытие, не становление, но некий *пафос*» [Ницше Ф., 2016, с. 413], и в качестве пафоса она есть экзотический, эксцентрический, экспрессивный принцип единичности, утверждающий ее существование. Тем самым прояснился вопрос, почему единичность-событие непосредственно оказывается самым существованием. Это же углубляет понимание невозможности интерпретации этой власти как объекта или представления, вписанного в борьбу за превосходство и признание. Ницше пишет, что тщеславный человек «чувствует себя подвластным им [представлениям других о себе] в силу того древнейшего инстинкта подчинения, который проявляется в нем» [Ницше Ф., 2012а, с. 199]. Подчинение репрезентации противоречило бы и описанному ранее утверждению единичного, и раскрытой сущности власти как самого этого утверждения.

Заключение

Из всего вышесказанного мы вправе сделать вывод, что «смысл земле» возвращается броском костей, понятием через дионисийскую философию как единство вечного возвращения и воли к власти. Ключевым моментом оказалась именно случайность в качестве места освобожденной единичности (сингулярности). Невинность и непосредственность этой единичности обусловлена для Ницше именно ее несводимостью и невыводимостью из среднестатистического, из представлений и расчетов разума. «Смысл земли», активно утверждаемый в «Так говорил Заратустра» [Ницше Ф., 2007, с. 14, 32,

80], оказывается в этом же тексте утвержденным через «небо-случай, небо-невинность» [Ницше Ф., 2007, с. 171]. Разумеется, здесь присутствует специфическая ирония Ницше. Земля предавалась нигилистическому осуждению свинцовым небом вечных идей Платона и христианских ценностей. Новая земля обретает смысл в небе, освобожденном от этих фикций, в распахнутом и легком небе случая. Бросок костей, случайность, одно-единственное неарифметическое число, единичность, импульсы события, синтезирующего само время — вот сердце дионисийской онтологии.

Таким образом, слова Ницше, с которых мы начали, исполнены глубокого смысла: «Моя задача: расчеловечить природу и оприродить человека, после того как он осознает чистое понятие “природа”» [Ницше Ф., 2013b, с. 486]. «Расчеловечить природу» значит освободить ее от антропоцентризма, подразумеваемого новоевропейской идеей природы двояким образом. Во-первых, понятая как однородная объективность внешнего мира, она фокусируется только во взгляде субъекта. Во-вторых, будучи сведенной к внешней объективности, она противопоставляется мышлению, духу, порождая современное понятие культуры как движение этого чистого духа. Автономная культура оказывается средоточием автономного человеческого, его смыслов и надежд, порождая уже не мифические, а «слишком человеческие» проекции, примером чего является руссоизм. Иными словами, классическая новоевропейская концепция природы — это рефлексивная абстракция. Но и «оприродить человека» означает тоже самое, лишь в иной перспективе. Сам человек в новоевропейской идее оказывается сведен к картезианскому субъекту, объективирующему природу, и заперт в автономной современной культуре. Этот антропоцентризм порабощает и делает абстрактным его не меньше, чем природу. Таким образом, «чистое понятие “природа”» оказывается в равной мере и человеком, и природой, стирает различие между ними, поскольку освобождается от новоевропейской рефлексивной абстракции — рационалистической, нигилистической, узаконивающей двоemiрие, раскол на дух и природу. В этом смысле Ницше, утверждая непосредственность единичного, критически наследует романтико-спинозистскому повороту в философии природы. Чистое

понятие природы как смысл земли оказалось онтологией броска костей, случайности, освобождающей единичное от рефлексивной опосредованности. Единичное открывается в нем не как объект классической абстрактной «природы» («*natura*»), а как пульсация события — непосредственная и невинная.

Список литературы

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 645–680.

Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1970. 501 с.

Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в русском переводе / подгот. С.Н. Муравьев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 416 с.

Гурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика: учебник для прикладного бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. 479 с.

Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академ. проект, 2011. 472 с.

Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 392 с.

Кауфман В. Ницше: философ, психолог, антихристианин / пер. с англ. В.А. Сухаревой. СПб.: Владимир Даль, 2016. 655 с.

Лёвиг К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века / пер. с нем. К. Лоцевского. СПб.: Владимир Даль, 2002. 672 с.

Малларме С. Бросок костей // Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / пер. с фр. С. Лосевой, К. Саркисова. М.: Носорог, 2018. С. 185–205.

Мейясу К. Число и сирена. Чтение «Броска костей» Малларме / пер. с фр. С. Лосевой, К. Саркисова. М.: Носорог, 2018. 224 с.

Негри А. Антисовременность Спинозы // Логос. 2007. № 2(59). С. 101–116.

Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей (черновики и наброски из наследия Фридриха Ницше 1883–1888 годов в редакции Элизабет Фёрстер-Ницше и Петера Гаста). М.: Культурная революция, 2016. 824 с.

Ницше Ф. Несвоевременные размышления // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2013. Т. 1/2. С. 7–332.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 5. С. 7–228.

Ницше Ф. Рождение трагедии // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 1/1. С. 7–144.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2007. Т. 4. 432 с.

Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху греков // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2012. Т. 1/1. С. 301–366.

Ницше Ф. Черновики и наброски 1880–1882 гг. // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2013. Т. 9. 688 с.

Ницше Ф. Эссе homo // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Культурная революция, 2009. Т. 6. С. 185–284.

Перцев А.В. Ф. Ницше: теология, метафизика и психология в поисках жизненности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 4. С. 500–507. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-500-507>

Сафрански Р. Ницше: биография его мысли / пер. с нем. И. Эбонидзе. М.: Дело, 2016. 456 с.

Фатенков А.Н. Жиль Делёз и фантомы антидиалектики // Философские науки. 2016. № 9. С. 92–102.

Фатенков А.Н. Субъект: парадигма возвращения // Человек. 2011. № 5. С. 5–20.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 306–330.

Хайдеггер М. Ницше. Т. I / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006. 608 с.

Хайдеггер М. Ницше. Т. II / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2007. 464 с.

Шеллинг Ф.В.Й. О мировой душе // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. С. 89–181.

Badiou A. Being and Event. N.Y.: Continuum, 2005. 560 p.

Klossowski P. Nietzsche and the Vicious Circle. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1997. 302 p.

Whitehead A.N. Process and Reality. An essay on cosmology. N.Y.: The Free Press, 1978. 445 p.

Получена: 12.04.2022. Доработана после рецензирования: 02.06.2022. Принята к публикации: 06.06.2022

References

Aristotle. (1983). [Poetics]. *Sochineniya v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, pp. 645–680.

Badiou, A. (2005). *Being and event*. New York: Continuum Publ., 560 p.

- Deleuze, G. (2011). *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow: Academicheskiiy Proekt Publ., 472 p.
- Deleuze, G. (2003). *Nitsshe i filozofiya* [Nietzsche and philosophy]. Moscow: Ad Marginem Publ., 392 p.
- Fatenkov, A.N. (2011). [A subject: paradigm of return]. *Chelovek* [Human Being]. No. 5, pp. 5–20.
- Fatenkov, A.N. (2016). [Gilles Deleuze and phantoms of anti-dialectics]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 9, pp. 92–102.
- Gurman, V.E. (2015). *Teoriya veroyatnostey i matematicheskaya statistika* [Probability theory and mathematical statistics]. Moscow: Yurayt Publ., 479 p.
- Hegel, G.W.F. (1970). *Nauka logiki: v 3 t. T. 1* [Science of logic: in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 501 p.
- Heidegger, M. (2006). *Nitsshe. T. 1* [Nietzsche. Vol. I]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 608 p.
- Heidegger, M. (2007). *Nitsshe. T. 2* [Nietzsche. Vol. II]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 464 p.
- Heidegger, M. (2007). [The question concerning technology]. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 306–330.
- Kaufmann, W. (2016). *Nitsshe: filosof, psikholog, antikhrisťianin* [Nietzsche: philosopher, psychologist, antichrist]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 655 p.
- Klossowski, P. (1997). *Nietzsche and the vicious circle*. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 302 p.
- Lowith, K. (2002). *Ot Gegelya k Nitsshe. Revolyutsionniy perelom v myshlenii XIX veka* [From Hegel to Nietzsche: The revolution 19th century thought]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 672 p.
- Mallarme, S. (2018). [A roll of the dice]. *K. Meyyasu. Chislo i sirena. Chtenie «Broska kostey» Mallarme* [Q. Meillassoux. The number and the siren. A decipherment of Mallarme's coup de des]. Moscow: Nosorog Publ., pp. 185–205.
- Meillassoux, Q. (2018). *Chislo i sirena. Chtenie «Broska kostey» Mallarme* [The number and the siren. A decipherment of Mallarme's coup de des]. Moscow: Nosorog Publ., 224 p.
- Murav'ev, S.N. (ed.) (2012). *Geraklit Efesskiy: vse nasledie: na yazykakh originala i v russskom perevode* [Heraclitus of Ephesus: All heritage: in the original languages and in Russian translation]. Moscow: Ad Marginem Publ., 416 p.
- Negri, A. (2007). [Spinoza's anti-modernity]. *Logos*. No. 2(59), pp. 101–116.
- Nietzsche, F. (2007). [Thus spoke Zarathustra]. *Polnoe sobranie sochineniy: v13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 4, 432 p.
- Nietzsche, F. (2009). [Ecce homo]. *Polnoe sobranie sochineniy: v13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 6, pp. 185–284.
- Nietzsche, F. (2012). [Beyond good and evil]. *Polnoe sobranie sochineniy: v13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 5, pp. 7–228.
- Nietzsche, F. (2012). [Philosophy in the tragic age of the Greeks]. *Polnoe sobranie sochineniy: v13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 1/1, pp. 301–366.
- Nietzsche, F. (2012). [The birth of tragedy]. *Polnoe sobranie sochineniy: v13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 1/1, pp. 7–144.
- Nietzsche, F. (2013). [Drafts and sketches 1880–1882]. *Polnoe sobranie sochineniy: v13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 9, 688 p.
- Nietzsche, F. (2013). [Untimely reflections]. *Polnoe sobranie sochineniy: v13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., vol. 1/2, pp. 7–332.
- Nietzsche, F. (2016). *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey (chernoviki i nabroski iz naslediya Fridrikha Nitsshe 1883–1888 godov v redaktsii Elizabet Ferster-Nitsshe i Petera Gasta)* [The will to power. The experience of reassessing all values (drafts and sketches from the legacy of Friedrich Nietzsche 1883–1888, ed. by Elisabeth Förster-Nietzsche and Peter Gast)]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya Publ., 824 p.
- Pertsev, A.V. (2021). [Friedrich Nietzsche: theology, metaphysics and psychology in search of vitality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 500–507. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-4-500-507>
- Safranski, R. (2016). *Nitsshe: biografiya ego mysl'i* [Nietzsche: A philosophical biography]. Moscow: De-
lo Publ., 456 p.
- Schelling, F.W.J. (1987). [On the world soul]. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 89–181.
- Whitehead, A.N. (1978). *Process and reality. An essay on cosmology*. New York: The Free Press, 445 p.

Received: 12.04.2022. Revised: 02.06.2022. Accepted: 06.06.2022

Об авторе

Дорожкин Егор Леонидович

старший преподаватель
кафедры философии и эстетики

Нижегородская государственная консерватория
им. М.И. Глинки,
603005, Нижний Новгород, ул. Пискунова, 40;
e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2083-7644>
ResearcherID: ABF-2207-2022

About the author

Egor L. Dorozhkin

Senior lecturer of the Department
of Philosophy and Aesthetics

Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire,
40, Piskunov st., Nizhny Novgorod, 603005, Russia;
e-mail: egor.dorozhkin.1453@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2083-7644>
ResearcherID: ABF-2207-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дорожкин Е.Л. Бросок костей: Ницше о чистом понятии «природа» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 208–220. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-208-220

For citation:

Dorozhkin E.L. [A throw of the dice: Nietzsche on the pure notion of «nature»]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 208–220 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-208-220

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-221-231

ЭТИКА УДОВОЛЬСТВИЯ КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА У РАННЕГО Х.Г. ГАДАМЕРА

Рязанов Иван Владимирович

Пермский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Пермь)

Предложена аналитическая реконструкция интерпретационной стратегии немецкого философа Х.Г. Гадамера, связанной в его раннем творчестве с феноменологической интерпретацией диалога «Филеб». Аналитическая реконструкция феноменологической интерпретации диалога Платона «Филеб», осуществленная Х.Г. Гадамером, необходима для понимания развития взглядов создателя «герменевтической Библии XX века». Исследование феноменологической интерпретации диалога у раннего Х.Г. Гадамера позволяет определить концептуальное различие вопроса о генеалогии удовольствий, поставленной в философской мысли XX в. Содержательным моментом реконструкции интерпретационной стратегии Х.Г. Гадамера становятся концептуальное определение отношения к этической традиции, восходящей к Аристотелю, и динамическое понимание проблемы соотношения удовольствия и разума в человеческой жизни. На примере герменевтической структуры понятия «благо» выделяется диалектическое различие между этосом и праксисом, рассматриваемое в контексте текстологического наследия Платона и Аристотеля. Выделено значение генетической концепции В. Йегера на постановку герменевтической проблемы у Х.Г. Гадамера. Анализируются экзистенциальные аспекты в феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамера, восходящие к концепции «жизненного мира» у позднего Э. Гуссерля. Прослеживается развитие концептов «герменевтический опыт» и «герменевтический круг» на ранней феноменологической стадии развития идей Х.Г. Гадамера. Реконструкция диалектического анализа соотношения единого и многого в диалоге «Филеб», предложенная Х.Г. Гадамером, проводится в контексте онтологических положений М. Хайдеггера. Обосновывается положение, что диалектическое различие родов удовольствия, вытекающее из платоновского различия души и тела, необходимо рассматривать как концептуальное отличие феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамера от генеалогии телесности, идущее в европейской философии от Ф. Ницше к М. Фуко.

Ключевые слова: аналитическая реконструкция, генеалогия, герменевтика, гедонизм, Благо, диалог, диалектика, интерпретация, интерпретационная стратегия, онтология, удовольствие, феноменология, этика.

THE ETHICS OF PLEASURE AS A HERMENEUTIC PROBLEM IN THE EARLY H.G. GADAMER

Ivan V. Ryzanov

Perm Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics (Perm)

The article proposes an analytical reconstruction of the interpretive strategy of the German philosopher H.G. Gadamer associated in his early works with the phenomenological interpretation of Plato's dialogue *Philebus*. This reconstruction is necessary to understand the views of the creator of the «hermeneutic Bible of the XX century» in their development. The study of the phenomenological interpretation of the dialogue in the early H.G. Gadamer makes it possible to determine the conceptual difference of the question of the genealogy of pleasures posed in the philosophical thought in the 20th century. The conceptual definition of the attitude to the ethical tradition dating back to Aristotle and the dynamic understanding of the problem of the relationship between pleasure and reason in human life becomes a meaningful moment of

the reconstruction of H.G. Gadamer's interpretive strategy. On the example of the hermeneutic structure of the concept of «good», the paper identifies the dialectical difference between ethos and praxis, which is considered in the context of the textual heritage of Plato and Aristotle. The significance of the genetic concept of V. Yeager for the formulation of the hermeneutic problem in H.G. Gadamer's works is highlighted. The study analyzes existential aspects in the phenomenological interpretation of H.G. Gadamer that date back to the concept of the «life world» in the late E. Husserl. It traces the development of the concepts «hermeneutic experience» and «hermeneutic circle» at the early phenomenological stage in the development of H.G. Gadamer's ideas. The reconstruction of the dialectical analysis of the correlation of the one and the many in the dialogue *Philebus* proposed by H.G. Gadamer, is traced in the context of M. Heidegger's ontological positions. The article substantiates the position that the dialectical difference between the kinds of pleasure arising from the Platonic difference between the soul and the body should be considered as a conceptual difference between the phenomenological interpretation of H.G. Gadamer and the genealogy of corporeality, going in European philosophy from F. Nietzsche to M. Foucault.

Keywords: analytical reconstruction, genealogy, hermeneutics, hedonism, good, dialogue, dialectic, interpretation, interpretive strategy, ontology, pleasure, phenomenology, ethics.

Постановка проблемы

Вопрос о генеалогии удовольствий для европейской философии XIX–XX вв. всегда имел концептуально-методологическое значение, поскольку напрямую влиял на то или иное отношение к античной традиции, представленной корпусом сочинений Платона и Аристотеля. Например, в генетической концепции одного из наиболее ярких немецких филологов XX в. В. Йегера между основными этическими сочинениями Аристотеля выделены определенные предметные взаимосвязи. Для основателя философской герменевтики XX в. Х.Г. Гадамера это станет основанием для определения платоновского диалога «Филеб» в качестве своей проблемной задачи. Вместе с тем экзистенциальные аспекты концепции Э. Гуссерля «*Lebenswelt*» так же, как и генетическая концепция В. Йегера, существенно повлияют на постановку проблемы этики как «проблемы блага человеческой жизни». В герменевтическом отношении концепция «*Lebenswelt*» [Гуссерль Э., 2013], содержащая принцип тождества онтологического и исторического, позволит немецкому мыслителю Х.Г. Гадамеру более предметно указать на то, что только из «общей онтологической идеи блага должно быть обосновано благо фактического человеческого бытия» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 23]. Онтологические корреляции данной концепции просматриваются и при обосновании диалектического анализа удовольствия и разума, что делает диалог Платона «Филеб» основанием и для интерпретации аристотелевской этики. Таким образом, в центре нашего внимания находится аналитическая реконструкция интерпре-

тационной стратегии Х.Г. Гадамера, обращенная к диалогу Платона «Филеб».

Исследование феноменологической интерпретации диалога у раннего Х.Г. Гадамера позволяет понять и концептуальное различие в вопросе о генеалогии удовольствий, поставленном в философской мысли XX в. В качестве примера укажем на проект «Истории сексуальности» французского философа М. Фуко, в котором применительно к концепту «использование удовольствий» (*chresis aphrodision*) он находит этическую субстанцию. С точки зрения французского мыслителя, вопрос об «*aphrodisia*» был моральной проблемой, поэтому в качестве этической субстанции «*aphrodisia*» образует поле «проблематизации», представленное текстами Ксенофонта, Платона и Аристотеля [Фуко М., 2004, с. 61].

Аналитическая реконструкция феноменологической интерпретации диалога Платона «Филеб», осуществленная Х.Г. Гадамером, необходима и для понимания развития взглядов создателя герменевтической Библии XX в. Основанием для постановки вопроса о толковании аристотелевской этики у Х.Г. Гадамера является образ Сократа в диалогах Платона. В. Йегер в исследовании развития античных представлений о *παίδεια* «Пайдейя» обращает внимание на то, что Сократ в качестве воспитателя обращен к такой проблеме, как «забота о душе». При этом манера его бесед сводится к двум основным формам, *πρωτρεπτικός* (протрептикос) — увещание и *ἐλεγχος* (эленксихос) — испытание, которые применяются древнегреческим философом в виде вопросов. Обе формы в сократических беседах тесно связаны друг с дру-

гом и «представляют собой лишь две стадии одного и того же духовного процесса» [Йегер В., 1997, с. 68]. Этот духовный процесс, с точки зрения немецкого филолога, как выражает единство симметрии тела и души, так и определяет «водораздел между пониманием термина “благо” Сократом и в современной этике» [Йегер В., 1997, с. 73].

Для В. Йегера «благо» — это наиболее сложное из всех сократических понятий, герменевтический статус которого порождает многочисленные недоразумения. Поэтому определение смыслового критерия для правильного понимания понятия «благо» подчинено смысловому единству и связи между ценностями и человеком в качестве субъективного представителя и носителя этих ценностей. Не случайно, сократические беседы в форме платоновского диалога у Х.Г. Гадамера становятся диалектическим выражением экзистенциального идеала жизненного пути мыслителя. Это во многом коррелирует с понятием «Lebenswelt» у Э. Гуссерля и с генетической концепцией В. Йегера. Необходимо отметить, что герменевтическая структура понятия «благо» у Х.Г. Гадамера изменяет границы этического антропологизма, поскольку «фактическая человеческая экзистенция и понятие блага такой человеческой действительности не сами по себе становятся предметом определения и сохранения, а подвергаются определению» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 25]. Положение «подвергаются определению» теперь не просто выражает аксиологическое единство понятия блага, по оценке немецкого мыслителя, речь идет не о понятии, а о том, что в определении происходит изменение вектора смысловой интерпретации.

Герменевтическая структура понятия «благо» теперь определена в диалектическом становлении и развитии человека. В генетической концепции В. Йегера человек был субъективным носителем метафизической ценности идеи блага, у Х.Г. Гадамера, человек — это человеческая экзистенция, или «высочайшая возможность человека». Отношения человека с идеей блага теперь не трансцендентны, а диалектичны, поскольку сам человек — это становление «между» (*alsein solces Unter wegsund Zwischen*). Внутренняя сущность человека в качестве метафизического субстрата уступает свое место экзистенциальной возможности человека быть человеком, поэтому философия Платона является «осуществлением этой возможности». В герменевтическую струк-

туру понятия блага также войдет осуществляемое немецким философом диалектическое различие между этосом и праксисом, рассматриваемое в контексте текстологического наследия Платона и Аристотеля.

Содержательная реконструкция интерпретационной стратегии Х.Г. Гадамера

Выделенное выше различие между этосом и праксисом отталкивается от сформулированного Х.Г. Гадамером вопроса: «Что делает Аристотеля создателем философской науки этики?». Проекция этого вопроса имеет несколько аспектов. Первый — это антропологический, указывающий на «человечность» человека у Платона, который всегда «показывает человечность в определенности ее превышения. Человек — это существо, которое превосходит самое себя» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 26]. Для Аристотеля человеческая жизнь «сама по себе способна приблизиться к завершенности, даже если в конце такой завершенности находится новая принципиальная незавершаемость идеала чистой теории» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 26].

Второй аспект немецкий философ связывает с изменением литературно-философской формы произведений Аристотеля и называет его позитивным, поскольку, с его точки зрения, он неизбежно, приводит древнегреческого философа к системе этических понятий, теперь понятие становится «подлинным языком философствования». Проблема развития и трансформации литературно-философской формы в античной культуре и ее влияния на христианскую традицию всегда привлекала к себе самое пристальное внимание. Она представлена у таких исследователей, как К. Гайзер, А.Ж. Фестьюжер, В. Йегера, Д. Ауни [Гайзер К., 2016; Фестьюжер А.Ж., 2009; Йегера В., 2014; Ауни Д., 2000]. В отечественной историографии эта проблема поставлена в исследовании О.В. Алиевой [Алиева О.В., 2013]. Для Х.Г. Гадамера изменение литературно-философской формы, связанное с вопросом о соотношении этоса и праксиса, указывает на то, что этические понятия служат нравственной действительности.

Третий аспект — историко-философский, имеющий традиционную форму определения различия между текстологическим наследием Платона и Аристотеля. Делая существенную оговорку, что критика Платона Аристотелем все еще остается спорной проблемой, немецкий

мыслитель рассматривает ее в герменевтическом аспекте. Исходным положением для него является, утверждение, что «Аристотель спроецировал Платона на уровень понятийной экспликации. И предметом его критики является тот Платон, который изображается в этой проекции» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 28]. Подобно тому, как у Э. Гуссерля онтологическое обоснование концепции «Lebenswelt» приведет его к прояснению того, что в эпоху Нового Времени произошла научная символизация природы и подмена истинного бытия методом познания в ее геометрической очевидности; так и у Х.Г. Гадамера подобная проекция станет выражением «систематической проблемы самой философии». Сущностная составляющая этой проблемы заключается в том, что используемые немецким мыслителем метафорические образы, такие как «выравнивания, воплощенной телесности, геометрической проекции», выносятся теперь в герменевтическую плоскость. Границы этой метафорической образности определены положением о том, что «научная философия — это аристотелизм». Опыт интерпретации, имеющий дело с таким метафорическим конструктом, как «некая проекция», укажет на то, что «Платон — это нечто большее, чем то, что способны сконструировать из него Аристотель и понятийный анализ. Ибо этот опыт находится на границе всякой платоновской интерпретации, как на границе всякой философской понятийной работы находится опыт, говорящий о том, что всякое толкование делает однозначным то, что оно истолковывает, и осваивая что-либо, неизбежно также и загораживает его» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 30]

В диалектическом различии этоса и праксиса, входящих в герменевтическую структуру понятия «блага», выделяется и различие, которое для Х.Г. Гадамера станет основанием для универсально-онтологического определения природы герменевтического опыта. Если универсально-онтологическое определение понятия «блага» указывает на то, что метафорический конструкт «некая проекция» выходит за границы понятийной экспликации, то критерием определения границы интерпретации становится смысл бытия, который в единстве диалектического различия представлен модальностью вопроса о самом благе. Основанием герменевтического опыта теперь может быть онтологическая модальность как бытия, так и человека — исторически конечного существа.

В аспекте сравнения текстологического наследия Платона и Аристотеля укажем на характерную черту герменевтического опыта, содержащуюся во второй части сочинения Х.Г. Гадамера «Истина и метод: Основы философской герменевтики». Резюмируя положение, что «опыт значим до тех пор, пока его не опровергнет новый опыт» (*ubi non reperitur instantia contradictoria*) как всеобщую сущность в научном и повседневном значении, немецкий мыслитель отмечал, что единство опыта — это единство «некоего всеобщего», но при этом «всеобщность опыта еще не есть всеобщность науки». В наследии Аристотеля «опыт не есть сама наука, но необходимая предпосылка» [Гадамер Х.Г., 1988, с. 413]. И если мы находим «понятийный анализ» текстологического наследия Платона, то относительно природы герменевтического опыта мы не должны забывать, что «интересует Аристотеля в опыте, так это исключительно его роль в образовании понятий» [Гадамер Х.Г., 1988, с. 416].

Противопоставляя «понятийному анализу» единство негативного и позитивного в познании и языке, немецкий мыслитель выделял диалектический тип опыта, который определен в границах человеческой конечности. Сама тождественность подлинного бытия и модальности человеческого существования в структуре понятия «блага» определены теперь логикой герменевтического круга. Если «целое надлежит понимать на основании отдельного, а отдельное — на основании целого», то данное правило, пришедшее из античной риторики, повлияет и на сущность вопроса о благе. Вопрос о благе как универсально-онтологическая проекция имеет у Х.Г. Гадамера экзистенциальный эффект, так как историческая конечность человека соотносена с его возможностью быть, существовать и понимать. Поскольку исходная посылка для феноменологической интерпретации диалога «Филеб» у немецкого философа не только онтологическая, но и экзистенциальная, то сущность вопроса о благе заключена в том числе в раскрытии возможностей самого спрашивающего.

Таким образом, экзистенциально-онтологическая установка Х.Г. Гадамера позволит ему указать, что интерпретационным методом является «ход вопрошания, где спрашивающий исследует и обозначает то направление, которое Платон всего лишь задает, но сам не развивает» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 32]. Выбор диалога

«Филеб» в качестве предмета истолкования — один из существенных моментов для становления ранней герменевтики немецкого философа. Формулируя свою концептуально-стратегическую задачу исследования диалога «Филеб», Х.Г. Гадамер отмечал, что в предметной интерпретации Платона он попытается разработать смысловую тенденцию, которая не поддается понятийному масштабу Аристотеля. Если в соответствии с положением М. Хайдеггера «всякое сущее тождественно самому себе», то в ранней герменевтике Х.Г. Гадамера этот момент идентификации выражен положением «через истолкование понять то, что понимается в них само собой». А поскольку достижение понимаемых «само собой» смыслов не только идентично, но и парадоксально, то дальнейшее развитие проблемы идентичности интерпретируемого смысла и его парадоксальности приведет немецкого мыслителя к разработке концепции герменевтической ситуации и понятия горизонта, разработанных в более поздний период его творчества.

Герменевтическая ситуация, которая представлена в «Диалектической этике Платона», исходит из положения «подлинного предметного понимания». Она будет связана с изменением акцента исторической целесообразности интерпретативной стратегии Х.Г. Гадамера, у которой, с его точки зрения, иные цели, чем у исторического исследования. Для нее характерно также положение о том, что «в загадочном строении этого диалога» его интерпретация обязана вместе с тем историческому исследованию. Такая герменевтика должна будет «прояснить имманентное смысловое содержание» платоновского диалога и будет исходить «из разъяснения его композиционной проблемы».

Смещение акцента исторической целесообразности в интерпретативной стратегии Х.Г. Гадамера прослеживается и при его обращении к форме диалога. В этой форме бытие человека интерсубъективно, как и сама форма диалога. При этом анализ платоновского диалога, с точки зрения немецкого мыслителя, говорит как о подлинности речевой деятельности, протекающей в рамках диалога, так и о структуре взаимопонимания. Поэтому выявление структурных моментов создает основание и для теории диалектики. В интерпретативной стратегии Х.Г. Гадамера в качестве условий возможности интерсубъективного взаимопонимания выступа-

ет предметная тематика диалогов, а поскольку требование знания о «блага» составляет в них «бытийный способ самой человеческой экзистенции», то исходное основание взаимопонимания при таком подходе может быть только универсально-онтологическим. Таким образом, универсально-онтологическое определение понятия «благо» позволило немецкому философу высказать суждение о том, что в диалогах Платона идея блага «вообще больше не является сущим, а представляет собой последний онтологический принцип», и именно она «делает доступным для понимания все то, что существует в его бытии. Лишь в этой всеобщей онтологической функции идея блага является последней основой всякого взаимопонимания» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 93].

Экзистенциальные аспекты феноменологической интерпретации диалога «Филеб»

Интерпретация диалога «Филеб» у Х.Г. Гадамера начинается с анализа композиционной структуры, в котором основной акцент сделан на экзистенциальном эффекте «проблемы блага в человеческой жизни». В композиционной структуре диалога, главным образом, выделяется «возвышение проблемы ἡδονή до специфического человеческого экзистенциального способа понимания — себя» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 120]. С точки зрения немецкого мыслителя, подобное истолкование человеческой экзистенции является результатом предшествующего разговора. Теперь разговор становится средой герменевтического опыта, в котором «подлинный разговор всегда оказывается не тем, что мы хотели вести». Структурно-композиционный аспект ведущегося разговора подчинен требованиям «постановки вопроса», и при этом универсально-онтологический подход напрямую связан с диалектической открытостью разговора. Антропологический эффект от подобной «постановки вопроса» позволяет указать, что в ситуации предварительного понимания «блага» заранее понимается «как состояние человеческой души... Ибо человек это его душа» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 122].

Субъект–субъектный аспект ведущегося разговора, определенный различием, позиций и противоположностью удовольствия и разума, в феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамера связан самим способом пребывания субъек-

екта в вопросе. И именно он определяет возможность выбора субъектом между разумом и удовольствием, при этом выделение предметного ограничения ответа на этот вопрос свидетельствует о том, что необходимо будет выйти за пределы возможных ответов, субъектов ведущегося разговора. И если вопрос направлен на определенный способ осуществления человеческой жизни, то он направлен на выяснение вопроса: «Не связано ли удовольствие с тем или иным состоянием человеческой души». Интенциональная структура вопроса такова, что она в ходе ведущегося разговора выявляет множественность феноменов, не удовлетворяющих критерию единства человеческой души, именно в этом случае и возникает проблема, которую Х.Г. Гадамер определит в качестве «обеспечения надежности метода».

Традиционный феноменологический прием позволяет немецкому мыслителю констатировать, что в естественной установке или в естественном понимании «удовольствие само встречается как нечто так или иначе другое» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 124]. Беседа Сократа с Протархом обостряет проблему диалектической иерархии различий видов удовольствия, поскольку собеседник Сократа не соглашается, что все указанные различия принадлежат состоянию человеческой души. В результате — это приводит к изменению естественной установки в интерпретационной стратегии Х.Г. Гадамера, он изменяет естественную установку на феноменологическую установку, а значит, усиливает методологический аспект своей интерпретационной стратегии. Поскольку Сократ в диалоге «Филеб» зная, что природа удовольствия — нечто само по себе множественное, и подразумевал различие внутри генетического равенства удовольствия, то несостоятельность позиции Протарха феноменологически определена положением о том, что «лишь в зоне предметной области, ограниченной категориальностью, существуют различия. Всякая различенность предполагает внимание к чему-то самотождественному — тому же самому, в котором обнаруживаются различия» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 125].

Следуя «принципу всех принципов», который в феноменологической философии, как известно, является особым методом познания, Х.Г. Гадамер в своей интерпретации воспроизводит, по сути, максимум: «Назад к изначальному непосредственному опыту». Подобная гуссерли-

анская формулировка позволила немецкому мыслителю применительно к платоновскому диалогу «Филеб» констатировать, что в ситуации плодотворного диалога обращение взгляда обратно на тождественность вообще не способствует усвоению вещей. И именно поворот к фундаментальному феноменологическому «принципу всех принципов» в герменевтической практике акцентирует внимание на софистической аргументации Протарха. Поскольку «он отдает себя во власть лишенной вещи и видимости данности λόγος и ὄνομα. Даже ссылка на ἴδονή как таковую открывает в вещи столь же мало, что и имя, которое говорит только то, как зовется вещь» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 127]. В ситуации плодотворного диалога его дальнейшее развитие напрямую связано с отказом Сократа вести спор об именах богов. В этом отказе прочитывается позиция Платона, представленная им в диалоге «Кратил», где он сталкивал между собой натуралистический и конвенциональные подходы [Платон, 1990]. В отечественном антиковедении данный вопрос рассмотрен А.Л. Верлинским [Верлинский А.Л., 2006].

Различие двух подходов представлено древнегреческим философом как разграничение двух гипотез — гипотезы о конвенциональном характере языка, для которой этимология не существенна для функционирования слова, и гипотезу «правильности имен», в соответствии с которой для каждой вещи есть слово, установленное специально для нее. Отказ Сократа в диалоге «Филеб» воспроизводит ситуацию диалога «Кратил», поскольку человеку в роли толкователя связи слов и вещей приходится постоянно выполнять частный, относительно репрезентативный акт имени. Поворот к фундаментальному «принципу всех принципов» обеспечил надежность метода феноменологической интерпретации и раскрыл существенную сторону диалога. Таким образом, методологический аспект феноменологической интерпретации позволил Х.Г. Гадамеру определить ситуацию «исследования возможности речи», поскольку признание Сократа, связанное с удовольствием и разумом, по оценке немецкого мыслителя, «не могут быть скрыты друг от друга в их непохожести».

Согласие Протарха и признание Сократа в ситуации равенства тезисов об удовольствии и разуме «велико настолько, насколько это вообще возможно». Этот момент у немецкого философа имеет фундаментальное значение, по-

сколькo представляет собой радикальное обоснование теории диалектики. В структурном аспекте его необходимо рассматривать в качестве основных положений интерпретативной стратегии Х.Г. Гадамера, которая, по замечанию автора, должна иметь систематический характер. Трудности такой систематической интерпретации связаны с тем, что «объем методологических дискуссий, ведущихся Платоном, принимаются за масштаб его действительного методического сознания» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 129], а применяемый метод «видится исключительно в свете понятийной теории», оставляя в стороне изначальные мотивы его философской техники. Вследствие чего основным константным положением феноменологической интерпретации становится положение о том, что техника сократического диалога — это взаимопонимание субъектов диалога.

Поскольку общность наименования различных видов удовольствия теперь не дает понимания их многообразия и связи с благом, то теория диалектики служит в качестве обоснования возможности диалогического взаимопонимания. А феноменологический «принцип всех принципов» в методологическом аспекте указывает на принципиальные моменты феноменологической интерпретации.

Диалектический анализ единого и многого в феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамера

Постановка проблемы единого и многого в интерпретации Х.Г. Гадамера в качестве условия усматривает онтологическую связь и имманентное единство, что неизменно указывает на саму возможность языка λόγοςα быть видимым. Иными словами, релятивные следствия лингвистического конвенционализма как констатация множественности удовольствий и их тождественность нарушают бытие вещей, поскольку они перестают быть тем, что М. Хайдеггер в «Бытие и Времени» определил в качестве φαίνεσθαι «файнастай» — феноменов, т.е. нарушают возможность языка быть видимым [Хайдеггер М., 1997, с. 28]. Поэтому феноменологическая проекция в интерпретации немецкого мыслителя имманентно содержит свое онтологическое основание, вследствие чего ее методологическая функция неизменно должна возвращать вещам их бытие в качестве «чего они уже были увидены». Позиция Протарха в диалоге оценивается

Х.Г. Гадамером как совместное претерпевание возможностей языка λόγοςα, так как «превращение многого в единое и единого в многое представляет собой не постижение вещи, а лишь средство запутать» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 131]. В качестве различения этой возможности, находящейся в самом языке, может быть то, что проблема единого и многого должна быть рассмотрена в позитивной функции. Вместе с тем позитивная функциональность проблемы единого и многого, требующая своей феноменологической ясности, в диалоге «Филеб», с точки зрения Х.Г. Гадамера, «неясна и пожалуй, искажена». Он отмечает, что подлинная проблема единого и многого возникает только в «чистых» единствах. Эти «чистые» единства «являются не единичным сущим, а единством как тождественностью бытия многих сущих» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 132]. Проблема возникает тогда, когда эти единства рассматриваются как нечто всегда тождественное, несмотря на изменения своего становления и развития. Например, отрывок 15 (b) в диалоге «Филеб» в феноменологической интерпретации немецкого мыслителя структурирован на основании «трех различных вопросов».

Выделив общую композицию проблемы единого и многого, Х.Г. Гадамер ставит модальный вопрос: «как могут существовать такие единства и как они могут быть многим в области становящегося» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 133]. Структурно данный вопрос репрезентирован как «вопрос о том, нужно ли принимать такие чистые единства за действительно существующие, а третий о том, каким образом эти единства могут иметься в области становления: либо они разделены и превратились во многое, либо они целиком существуют в каждой из этих многих вещей и тем самым оторваны от самих себя» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 133]. Вся сложность связана со вторым вопросом, так как непонятно, «каким должен быть второй вопрос не ясно не только формально, но и содержательно» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 133]. Различие тех или иных подходов к комментированию фрагмента 15 (b) у зарубежных и отечественных авторов во многом отражает их оценку всей философии Платона, как тематическую, так и содержательную. Например, об этом подробно рассуждает С.В. Месяц [Месяц С.В., 2012]. В своей феноменологической интерпретации фрагмента 15 (b) Х.Г. Гадамер исключает второй вопрос на том

основании, что «главный принцип всякой интерпретации Платона, заключающийся в том, что каждый диалог понятен исходя из его собственных предпосылок — хотя он и не всегда может достаточным образом интерпретироваться» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 134]. А поскольку постановка проблемы единого и многого в качестве своего условия содержала онтологическую связь и имманентное единство, то ее позитивная функциональность, несмотря на не всегда достаточную степень интерпретации тех или иных диалогов Платона, может быть понятна на основе платоновской идеи бытия.

Подобная онтологическая констатация в феноменологической интерпретации немецкого мыслителя связана с тем, что «все, что есть, состоит из единого и многого и содержит в себе определяющее и неопределимое в непосредственном единстве (σὺμφυτον)» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 136]. В таком случае методологический аспект феноменологической интерпретации позволит не только обеспечить «возможность исследования речи», но и определить подлинность самой процедуры интерпретации. Поэтому онтологическое основание феноменологической интерпретации, рассматриваемое в аспекте своей подлинности и не подлинности, с точки зрения немецкого мыслителя, может быть только диалектическим. Подлинный диалектический метод «состоит в том, чтобы методически истолковывать в логосе единство многого, которое заложено в вещи и поэтому всегда может быть найдено» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 136].

Крупнейший отечественный философ А.Ф. Лосев в своих критических замечаниях отмечал, что диалог «Филеб», несмотря на то, что он является одним из резюмирующих диалогов Платона, принадлежит «к числу наиболее путаных, неясных и несистематических платоновских диалогов» [Лосев А.Ф., 1994, с. 520]. Он нуждается в обстоятельном комментарии и внимательном чтении. Рассматривая категории единого и многого при сравнительной характеристике разума и удовольствия, А.Ф. Лосев подчеркивал, что эти категории «слишком отвлечены и едва ли что-нибудь могут дать для нужного здесь анализа» [Лосев А.Ф., 1994, с. 520]. В плане сравнения столь различных подходов к проблеме единого и многого необходимо отметить, что в феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамара диалектическое понимание в позитивном значении и смысле содержит само-

тождественность диалектического разума как чистого разума. А поскольку самотождественность чистого сознания, как известно, является достижением феноменологической редукции, то «обнаруживается не только то, что единое является многим, но и то, — и это исключительно важно — насколько оно есть, а значит, насколько единым оно является» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 136]. Пределом такой смысловой экспликации может быть только отношение, в котором «вещи, им охваченные, более не могут быть понятийно схвачены абсолютно ни в каких других отношениях» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 136]. Замена категорий единого и многого на категории беспредельного и предела, которая в диалоге «Филеб», по оценке А.Ф. Лосева, была осуществлена Платоном ради своей диалектической целесообразности, у Х.Г. Гадамара, как было отмечено ранее, подчинена феноменологической редукции.

В своих комментариях к диалогу А.Ф. Лосев полагал, что диалектика предела и беспредельного должна была привести к понятию числа, поскольку число в его структурном и геометрическом понимании предполагает «неопределенный фон и определенно начерченную на этом фоне фигуру». В феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамара число выступает в качестве «основной формы такого подразделяющего определения», чему служат примеры из теории музыки. При этом рассматриваемое в аспекте диалектического различия, множества музыкальных тонов число «является не самой непосредственной определенностью родов, а репрезентантом их определенности вообще» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 138].

В отечественных исследованиях проблема числа в диалоге «Филеб» связана с пифагорейской традицией. Так, эту проблему подробно анализирует А.И. Щетников [Щетников А.И., 2009], рассматривающий проблему числа в аспекте диалектического метода позднего Платона. У Х.Г. Гадамара методологический аспект служит диалектическому разделению предмета по видам. Важным методологическим положением в феноменологической интерпретации немецкого мыслителя служит указание на то, что число, «которое полагается всякому роду внутри единства категории, не является той определенностью родов, которая составляет их предметную определенность» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 138]. Поэтому диалектическое понимание проблемы числа в диалоге «Филеб» руко-

водствуется тем, что сам Х.Г. Гадамер определил в качестве главного принципа всякой интерпретации.

Герменевтическое решение проблемы числа может иметь и антропологическое значение, при котором вопрос «Зачем прибегать к диалектическому различию» связан с тем, что «в представлении Платона душа обладает врожденной способностью видеть не только подобное во многом, но и различие между отдельными элементами множества» [Ощепков И.В., Ощепкова Е.С., 2017, с. 38]. Знание «насколько различно» применительно к классам звуков может быть иным, чем численная определенность музыкальных тонов, в интерпретации проблемы числа у немецкого мыслителя. Но, тем не менее, «во всех случаях существенной функцией числа является то, что в нем предметная область постигается в определенном множестве единств — множестве, которое открывается как исчисленное в своей полноте» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 139]. Такая полнота бытия у немецкого мыслителя представлена в качестве онтологической модальности как определенная «возможность быть с другим», а в функциональном аспекте она как диалектическое постижение сущего делает это постижение предпосылкой взаимопонимания.

С решением проблемы числа связано и критическое суждение А.Ф. Лосева, подчеркивающего, что вместо понятия числа «Платон упорно пользуется неопределенным термином смешение, или смесь (μίξις), смешанный, смешанное (μικτός, μικτόν), а о числе говорит не как о первоначальном диалектическом синтезе предела и беспредельного, но лишь применительно к отдельным случаям» [Лосев А.Ф., 1994, с. 520]. Неопределенный в терминологии А.Ф. Лосева, термин «смешение» у Х.Г. Гадамера в его феноменологической интерпретации рассматривается как в антропологическом аспекте, так и в онтологическом. Подобная постановка вопроса о смешении удовольствия и разума в человеческой жизни воспроизводит экспозицию вопроса о смысле бытия, представленную М. Хайдеггером в сочинении «Бытие и Время». Выделяя необходимость возобновления постановки вопроса о смысле бытия и критически оценивая подходы, сложившиеся в истории философии к проблеме (вопросу о бытии), М. Хайдеггер во втором размышлении относительно сложившихся предрассудков о неопределимости бытия от-

мечал, что бытие не может «прийти к определенности путем приписывания ему сущего» [Хайдеггер М., 1997, с. 4]. Вследствие этого онтологический аспект постановки вопроса о смешении удовольствия и разума в человеческой жизни отталкивается от положения М. Хайдеггера «“бытие” не есть нечто наподобие сущего». Поэтому феноменологическая интерпретация вопроса о смешении онтологически определяет бытийный способ «смешения». Существенным моментом в диалектическом исследовании Х.Г. Гадамера станет положение о «телеологическом понятии блага» определенное им как фундаментальное понятие платоновской онтологии. Таким образом, в постановке вопроса о смешении удовольствия и разума в человеческой жизни категория «смешение», получив в феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамера антропологическое и онтологическое обоснование, приходит в итоге к своему бытийному единству.

Дальнейшее исследование родов удовольствия, основанное на применении диалектического метода, является «естественным родом осуществления взаимопонимания», в котором бытийное единство смешения удовольствия и разума в человеческой жизни неизбежно приводит к вопросу об отношении удовольствия к благу жизни.

Заключение

Диалектическое различие родов удовольствия, вытекающее из платоновского различия души и тела, необходимо рассматривать и как концептуальное отличие феноменологической интерпретации Х.Г. Гадамера от генеалогии телесности, идущее в европейской философии от Ф. Ницше к М. Фуко. В этом смысле вопрос о генеалогии удовольствия, «где и благодаря какому патхосу души они возникают?» [Гадамер Х.Г., 2000, с. 167], не теряет для европейской философии своего концептуально-методологического значения. Разрабатываемые в современной европейской философии XXI в. концепции защиты гедонизма в качестве теории хорошей жизни так или иначе воспроизводят массив восходящих к античной философии возражений против различных видов и форм гедонизма. Попытки обосновать, что определенные формы гедонизма дают правдоподобные оценки человеческой жизни, таким или иным образом приводят к динамическому пониманию удо-

вольствия, восходящему к корпусу этических текстов Аристотеля: «Ничто не мешает, чтобы высшее благо было разновидностью удовольствия. Счастливая жизнь — это жизнь, доставляющая удовольствие» [Аристотель, 1983, с. 215]. В этом смысле сосуществование динамического понимания удовольствия, как и диалектического, неизбежно воспроизводят формы морали, в которых человек определяет модель своего поведенческого выбора.

Список литературы

Алиева О.В. Формирование и развитие жанров протрептики и паренезы в античной и раннехристианской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 28 с.

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294.

Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение. СПб.: Российское Библейское общество, 2000. 271 с.

Верлинский А.Л. Античные учения о возникновении языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 412 с.

Гадамер Х.Г. Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). СПб.: С.- Петерб. философское общество, 2000. 256 с.

Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Гайзер К. Загадочная лекция Платона «О Благе» // Платоновские исследования. 2016. Вып. V. С. 56–103.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. СПб.: Наука, 2013. 494 с.

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). Т. 2. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. 336 с.

Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2014. 216 с.

Лосев А.Ф. Критические замечания к диалогу // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 520–524.

Месяц С.В. Платоновский «Филеб» о Едином, многом и среднем (комментарий к фрагменту 14c–18d) // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2012. Т. 6, № 2. С. 323–339.

Ощепков И.В., Ощепкова Е.С. «Дар Богов» в диалоге Платона «Филеб». «Грамматика» Тевта // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2017. № 2. С. 21–43.

Платон. Кратил // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 613–681.

Фестьюджер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. М.: Наука, 2009. 497 с.

Фуко М. Использование Удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академ. проект, 2004. 432 с.

Хайдеггер М. Бытие и Время. М.: Ад Маргинем, 1997. 452 с.

Щетников А.И. Число в «Филебе» Платона // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2009. Т. 3, № 2. С. 450–465.

Получена: 03.04.2022. Принята к публикации: 27.05.2022

References

Alieva, O.V. (2013). *Formirovanie i razvitie zhanrov protreptika i parenezy v antichnoy i rannekhristsianskoy literature: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and development of the genres of protreptics and parenthetics in ancient and Early Christian literature: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 28 p.

Aristotle (1983). [Nicomachean Ethics]. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, pp. 53–294.

Aune, D. (2000). *Novyy Zavet i ego literaturnoe okruzhenie* [The New Testament in its literary environment]. St. Petersburg: Rossiyskoe Bibleyskoe Obshchestvo Publ., 271 p.

Festugière, A.-J. (2009). *Sozertsanie i sozertsatel'naya zhizn' po Platonu* [Contemplation and contemplative life according to Plato]. Moscow: Nauka Publ., 497 p.

Foucault, M. (2004). *Ispol'zovanie Udovol'stviy. Istoriya seksual'nosti. T. 2* [The use of pleasure. The history of sexuality. Vol. 2]. St. Petersburg: Akademicheskij Proekt Publ., 432 p.

Gadamer, H.G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Trust and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress Publ., 704 p.

Gadamer, H.G. (2000). *Dialekticheskaya etika Platona (fenomenologicheskaya interpretatsiya «Fileba»)* [Plato's dialectical ethics (phenomenological interpretation relating to the Philebus)]. St. Petersburg: Saint-Petersburg Philosophical Society Publ., 256 p.

Gaiser, K. (2016). [Plato's enigmatic lecture «On the Good»]. *Platonovskie issledovaniya* [Platonic Investigations]. Iss. 5, pp. 56–103.

Heidegger, M. (1997). *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: Ad Marginem Publ., 452 p.

Husserl, E. (2013). *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya: vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The crisis of European sciences and transcendental phenomenology: an introduction to phenomenological philosophy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 494 p.

Losev, A.F. (1994). [Comments on the dialogue]. *Platon. Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, pp. 520–524.

Mesyats, S.V. (2012). [Plato's Philebus on the one, many and the middle (a note on 14c–18d)]. *Schola. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Schola. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]. Vol. 6, no. 2, pp. 323–339.

Oschepkov, I.V. and Oschepkova, E.S. (2017). [«Gift of the Gods» in Plato's «Philebus»: Theuth's art of grammar]. *Vestnik Moskvovskogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 2, pp. 21–43.

Plato (1990). [Cratylus]. *Platon. Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, pp. 613–681.

Schetnikov, A.I. (2009). [The number in Plato's Philebus]. *Schola. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya* [Schola. Ancient Philosophy and the Classical Tradition]. Vol. 3, no. 2, pp. 450–465.

Verlinskiy, A.L. (2006). *Antichnye ucheniya o vznikenii yazyka* [Ancient teachings on the origin of language]. St. Petersburg: SPbU Publ., 412 p.

Yeager, V. (1997). *Paydeya. Vospitanie antichnogo greka (epokha velikikh vospitateley i vospitatel'nykh sistem). T. 2* [Paideya. The upbringing of the ancient Greek (the era of great educators and educational systems). Vol. 2]. Moscow: Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum Publ., 336 p.

Yeager, V. (2014). *Ranee khristianstvo i grecheskaya paydeya* [Early Christianity and Greek paideia]. Moscow: Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum Publ., 216 p.

Received: 03.04.2022. Accepted: 27.05.2022

Об авторе

Рязанов Иван Владимирович

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой социальных
и гуманитарных дисциплин

Пермский институт (филиал) Российского
экономического университета им. Г.В. Плеханова,
614070, Пермь, бульвар Гагарина, 57;
e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4676-2452>
ResearcherID: GLS-8827-2022

About the author

Ivan V. Riazanov

Candidate of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines

Perm Institute (branch) of the Plekhanov
Russian University of Economics,
57, Gagarin Blvd., Perm, 614070, Russia;
e-mail: iwan.riazanow@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4676-2452>
ResearcherID: GLS-8827-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рязанов И.В. Этика удовольствия как герменевтическая проблема у раннего Х.Г. Гадамера // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 221–231.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-221-231

For citation:

Riazanov I.V. [The ethics of pleasure as a hermeneutic problem in the early H.G. Gadamer]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 221–231 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-221-231

УДК 1(091)+101.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-232-241

**КОМУ НУЖНА СЕГОДНЯ ЭТА ФИЛОСОФИЯ?
СТАТЬЯ ВТОРАЯ. КАКАЯ ФИЛОСОФИЯ ОКАЗАЛАСЬ
ВОСТРЕБОВАНА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

Мусаелян Лева Асканазович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Если философия есть эпоха, выраженная в мыслях, то мировоззрение цивилизации, находящейся в кризисе, не может не быть в состоянии кризиса. О том, каковы особенности философии, находящейся в кризисе, говорилось в нашей первой статье. Цивилизация — это сообщества, их элиты, определенные типы социальных индивидов, сформировавшихся под влиянием потребительского общества и по дегуманизированным образовательным учебным программам образовательных учреждений. Какова связь модных современных философских течений, представляющих кризисные тенденции мировой философии, и интересов глобальных и национальных элит, определяющих экономическую и образовательную политику в мире и в нашей стране? Для вывода цивилизации из кризиса и поиска адекватных ответов на современные глобальные вызовы общество остро нуждается в философии, обладающей солидным эвристическим и гуманистическим потенциалом. Поэтому сегодня не может дискутироваться вопрос — преподавать философию в вузе или не преподавать. Проблема заключается в том, что цивилизация, находящаяся в кризисе, не может быть спасена философией, которая порождена этим кризисом и к тому же проникла во все сферы общественной жизни, в том числе и в образование. Помимо постмодернизма, который в последние тридцать лет стал чуть ли не повальным увлечением молодых российских преподавателей и исследователей, у нас в стране много сторонников учения Гуссерля, Хайдеггера и других западных мыслителей, представляющих неклассические течения в философии. В этой связи актуальным сегодня является вопрос, какую философию преподавать в вузе и как это сделать в то отведенное реформаторами от образования время, чтобы сформировать личность, которая обладала бы социальными качествами, позволяющими противостоять современным вызовам и угрозам.

Ключевые слова: философия, постмодернизм, глобализация, образование, коммерциализация, дегуманитаризация, дегуманизация, Парижская декларация ЮНЕСКО, преподавание философии, учебный процесс, социальные качества личности.

**WHO NEEDS THIS PHILOSOPHY TODAY?
PART 2. WHAT KIND OF PHILOSOPHY IS IN DEMAND
IN POST-SOVIET RUSSIA**

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University (Perm)

If philosophy is an epoch expressed in thoughts, then the worldview of a civilization in crisis cannot but be in a state of crisis. What the features of philosophy in crisis are was discussed in the first article. Civilization is communities, their elites, certain types of social individuals, formed under the influence of the consumer society and dehumanized curricula of educational institutions. What is the connection between fashionable modern philosophical schools of thought that represent the crisis tendencies of world philosophy and the interests of global and national elites that determine economic and educational policy in the world and in our country? To bring civilization out of the crisis and to find adequate answers to modern

global challenges, society is in dire need of a philosophy with a solid heuristic and humanistic potential. Therefore, today the question of whether to teach philosophy at university or not cannot be discussed. The problem is that a civilization in crisis cannot be saved by philosophy that has been generated by this crisis and, moreover, penetrated into all spheres of public life, including education. In addition to postmodernism, which has become almost a craze for young Russian teachers and researchers in the last thirty years, in our country there are many supporters of the teachings of Husserl, Heidegger, and other Western thinkers representing non-classical trends in philosophy. In this regard, of great relevance today is the question of what kind of philosophy to teach at university and how to do it within the time limits allotted by the education reformers in order to form a personality that would possess social qualities making it possible to withstand modern challenges and threats.

Keywords: philosophy, postmodernism, globalization, education, commercialization, dehumanization, UNESCO Paris Declaration, teaching philosophy, educational process, social qualities of an individual.

Введение

Постмодернизм как выражение кризисных тенденций мировой философии соответствовал интересам акторов неолиберальной глобализации, ввергших цивилизацию в глубокий многоаспектный кризис [Мусаелян Л.А., 2016]. Далеко не случайно, что это течение философии стало модным увлечением интеллектуалов в США. Можно согласиться с точкой зрения А.В. Бузгалина, что постмодернизм — это социальный заказ глобального капитализма, оказавшегося в историческом тупике. Востребованность постмодернизма идеологами и акторами неолиберальной глобализации определялась тем, что эта парадигма блокировала возможность объективного, глубокого системного анализа общества, выявление за фасадом демократических институтов тоталитарной власти глобального капитала. Агрессивный антисциентизм, проводимый различными течениями постмодернизма, обосновывающий невозможность постижения человеческим разумом сущности вещей и способности изменения социальной реальности человеком, формировал тип бездеятельного, бессубъектного индивида [Бузгалин А.В., 2004].

Призыв к политике деидеологизации, исходивший в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века от лидеров США и их союзников в Европе, несомненно, имел свои философские основания в воззрениях постмодернистов, резко негативно относящихся к любой идеологии. Деидеологизация способствовала разрушению одного из скрепов социально-политической системы, существовавшей в социалистических странах Восточной Европы. После развала Советского Союза и мировой социалистической

системы, как отмечает А.В. Бузгалин, был расчищен путь для реверсивного хода истории в странах, которые должны были быть включены в сферу влияния глобального неолиберального капитала. Очевидно, что политика деидеологизации и формирование бессубъектных социальных индивидов были необходимыми условиями реализации этого проекта.

Философские реалии постсоветской России

В новой демократической России политическая элита поддержала политику деидеологизации. Официальное отрицание в Основном законе страны государственной идеологии создало в обществе мировоззренческий вакуум, который был тут же заменен религией и постмодернизмом. Причем публикации по указанной тематике, особенно в 90-х гг., имели агрессивно антимарксистский, антикоммунистический характер. Понятно, что подобная тональность этих публикаций получала поддержку со стороны властей. В результате, в то время как на Западе постмодернизм, став маргинальным течением в культуре, постепенно сходил со сцены, в России он получил широкое распространение практически во всех сферах общественной жизни [Мнацаканян М.О., 2015].

Влияние постмодернистской парадигмы очевидно проявилось в системе образования, в которую были внедрены зарубежные, преимущественно англо-американские образовательные технологии. Фрагментация социальной реальности и познавательного процесса — это методы постмодернистского мышления. Конкретным его воплощением является ЕГЭ, формирующий у школьника мозаичное сознание [Панфилова Т.В., 2017, с. 51]. Не избежала влияния постмодернизма и высшая школа России,

где знаниевый подход к образованию был вытеснен компетентностным. Компетенции, безусловно, важны при решении конкретных задач. Однако необходимым условием формирования компетенций является наличие добротных знаний у студента [Хеннер Е.К., 2018]. А вот по поводу добротных знаний при существующих технологиях образования возникает большой вопрос. Из учебных программ были элиминированы единые для вузов стандарты содержания дисциплины. Иначе говоря, в современных образовательных стандартах отсутствуют программы со строго обозначенным содержанием и перечнем проблем, которые преподаватель должен проанализировать и довести до своих студентов, а студенты — их освоить. Это, как представляется обусловлено постмодернистским подходом к пониманию обучения. Постмодернизм, как уже отмечалось, отрицает соответствие знака и значения. Определяющим результатом обучения студентов является формирование у них определенных компетенций. Что же будет читать преподаватель: полный классический курс истории философии, или будет дан анализ двух работ Хайдеггера, или остановится на творчестве Делёза, — это зависит от субъективных предпочтений преподавателя. В принципе он может построить курс и на теоретическом осмыслении философских сказок Л. Кэрролла, лишь бы доказать, что требуемые компетенции у студентов формируются. При таком изучении философии у студентов возникает лишь смутное представление об этой дисциплине. Многообразие функций философии из-за отсутствия системных знаний оказывается непонятым и не освоенным. Может ли при таком изучении философии у студентов действительно сформироваться системное или критическое мышление? Сомнительно! Такой же результат дает, на наш взгляд, балльно-рейтинговая система обучения, фактически элиминировавшая из учебного процесса экзамены и предэкзаменационные консультации. Между тем подготовка студента к экзамену предполагает приведение в систему полученных знаний. Это требование обусловлено тем, что большинство дисциплин, которые изучают студенты в вузе, представляют собой целостную систему научных знаний. Кроме того, сам экзамен — это проверка не только уровня знаний студента, но и его способности системного

мышления, что является неперенным условием формирования творческой личности [Карпов А.О., 2020]. Как уже отмечалось, постмодернизм способствовал десубъективизации социальных индивидов и препятствовал формированию целостной научной картины общества, мира. Это в конечном счете блокирует возможность существенных преобразований в обществе. Возникает вопрос, в стране, которая уже тридцать лет находится в состоянии перманентных кризисов и все более отстает в своем экономическом, технологическом, социальном развитии от ведущих мировых держав, кто может быть заинтересован в господстве постмодернистской методологии в общественной жизни? Если возникновение постмодернизма в Европе и Америке — это социальный заказ глобального неолиберального капитализма, то в России он вызван интересами неолиберальной элиты, находящейся под влиянием акторов глобального капитализма. Заметим, что именно российская элита была инициатором радикальных неолиберальных реформ в экономике, здравоохранении, образовании. Принцип экономической целесообразности, доминирующий в образовательной политике России, способствовал существенному сокращению объема часов, а то и элиминации из учебного процесса «нерентабельных» компонентов образовательных программ, имеющих человекотворческий потенциал. Это привело к дегуманитаризации и дегуманизации учебного процесса.

Было бы ошибкой видеть в этом исключительно торжество прагматизма. Как показал Л. Альтюссер, воспроизводство современного капиталистического общества происходит при активном участии политических, юридических, информационных и иных институтов, являющихся «идеологическими аппаратами государства» [Альтюссер Л., 2011]. По мнению автора, в воспроизводстве конкретного типа общества особо важную роль играет система образования. Ни один из идеологических аппаратов государства не обладает такими возможностями влияния на формирующееся молодое поколение, как система образования. Начиная с детского сада, завершая школой и высшими учебными заведениями в течении восьми часов пять-шесть дней в неделю в его сознание вводятся практические навыки, нормы поведения, социальные ценности, «обернутые в фантики

господствующей идеологии» [Альтюссер Л., 2011]. После завершения учебы в школе или вузе происходит воспроизводство конкретного типа социальных индивидов, которые пополняют различные социальные страты, воспроизводя существующие производственные отношения, основанные на отношении господства и подчинения, отношений капиталистической эксплуатации [Альтюссер Л., 2011].

В свете изложенного, оценивая существующую в России систему образования, можно сказать, что резкое сокращение в ходе реформ дисциплин, обладающих человекотворческим потенциалом, обусловлено отнюдь не только дефицитом средств у государства, но и потребностью новой элиты формировать определенного типа социального индивида, а именно человека-потребителя, частичного человека (einen Teilmenschen — Маркс). Очевидно, что философия, формирующая системное и критическое мышление, должна была попасть в число дисциплин, подвергнутых «оптимизации». Между тем выход из кризиса, в котором находится наше общество и современная цивилизация, диктует необходимость формирования целостного человека, обладающего гуманистическим мировоззрением. Идею о человеке, человеческой жизни, его правах и свободе как высшей ценности философия буквально выстрадала и вынесла за почти свое трехтысячелетнее существование. И эта идея вошла в Основной закон многих современных государств, в том числе и в Конституцию нашей страны. Гуманистическое мировоззрение — это оптика целостного человека, духовной личности, деятельное существование которой очеловечивает окружающую реальность, придавая ей человекоразмерность.

Духовность нас в стране благодаря активной деятельности РПЦ стала преимущественно ассоциироваться с религиозностью. Отсюда и активно продвигаемая РПЦ идея преподавания в средней и высшей школе соответственно религии и теологии. Кроме того, время от времени выдвигаются и соображения замены преподавания философии теологией. Не отрицая определенного позитивного влияния религиозного мировоззрения на жизнь людей, представляется необходимым отметить, что религия и философия (даже религиозная) способствуют формированию у человека разных социальных качеств. Религия так или иначе формирует у

социальных индивидов догматическое мышление, консерватизм, осторожность, смиренность, политическую терпимость, если конечно власть не проводит политику притеснения верующих и церкви. Философия, напротив, формируя у человека способность критического, доказательного мышления, создает «иммунитет» против догматизма, консерватизма, смиренности, суеверий и предрассудков [Мусаелян Л.А., 2014]. Иначе, философия позволяет человеку освободиться от духовного рабства и превратиться в свободного полноценного человека [Соловьев В.С., 1988, с. 125]. Между тем в последние годы увлечение преподавателей религией стало своеобразной модой, что, конечно, сказывается на самой философии и ее роли в общественной жизни. «...Когда философы, модничая вслед за идеологической толпой, объявляют себя верующими, они подрывают право на свое профессиональное существование» [Кутырев В.А., 1998, с. 14]. С этим выводом В.А. Кутырева нельзя не согласиться. Несомненно, что в падении социального статуса философии у нас в стране в немалой степени виноваты сами философы, точнее те, кто позиционирует себя в качестве философов, но по существу не являются таковыми.

О востребованности философии в современную эпоху

Вернемся, однако, к вопросу, поставленному нами в качестве общего заглавия настоящей публикации. Еще в 1946 г. представители мирового сообщества в ЮНЕСКО, осознав высокую миссию философии по формированию гуманистического мировоззрения, свободного критического мышления и демократических идеалов, приняли программу развития философии в мире [Дианова В.М., 2011]. Международная организация исходила из того, что Вторая мировая война, унесшая почти сто миллионов человеческих жизней, была логическим завершением острой идеологической конфронтации в мире. В этой связи распространение в общественном сознании философских идей способствовало бы укреплению уважительного отношения к личности, человеку, нетерпимости к любым формам национализма и диктата силы. Словом, философия, разрабатывающая интеллектуальный инструментарий решения сложных проблем человечества и утверждаю-

щая в общественной жизни высокие социальные ценности, содействует установлению и поддержанию мира, что «является ключевой миссией Организации» [Парижская декларация...1995]. ЮНЕСКО определило три важнейшие сферы философской деятельности, которые должны быть в центре его внимания. Таковыми были признаны: «философия перед лицом глобальных проблем, преподавание философии в мире и развитие философских мыслей и философских исследований» [Парижская декларация...1995].

Востребована ли философия в настоящее время? Несомненно. Это определяется теми глобальными вызовами, с которыми сталкивается сегодня человечество. В конце XX – начале XXI в. произошло наложение формационного, геополитического, антропологического кризисов, остро поставивших вопрос о самом существовании человечества при господствующем в мире способе производства, образе жизни и международных отношений [Мусаелян Л.А., 2016]. Кроме того, возникновение и интенсивное развитие NBICS-технологий породили угрозы существованию человека и человеческого рода как биологического вида. При продолжении существующих тенденций в области био- и нанотехнологий исторический процесс может уже в обозримом будущем привести к потере человека. Исследователи пишут о приближении человечества к «рубежу невозврата» [Мариносян Х.Э., 2016; Фукуяма Ф., 2004; Черникова И.В., 2016].

В этих условиях философия как критическая рефлексия эпохи и методология решения глобальных проблем, как мировоззрение и ядро гуманистической культуры становится все более востребованной. Соответственно, *в настоящее время вопрос заключается не в том, преподавать философию в вузах или нет, проблема в другом — какую философию и как преподавать.*

О преподавании философии

В постсоветскую эпоху в России помимо массового увлечения постмодернизмом, о чем говорилось выше, появилось много адептов философии Гуссерля, Хайдеггера и других западных мыслителей, представляющих неклассические философские течения. В последующие годы среди исследователей наметился повышен-

ный интерес к реалистическим традициям в эпистемологии и философии науки [«Реалистический поворот»..., 2017]. Несмотря на годы активного шельмования марксизма, в стране сохранились и традиции марксистской философии. Словом, сегодня уже немислим единый учебник по философии. Есть множество учебников и учебных пособий, отличающихся друг от друга по структуре курса, содержанию, методологии анализа и интерпретации узловых («вечных») философских проблем. Какой концепции философии из множества существующих в стране нужно отдать предпочтение для преподавания в вузе? Представляется той, которая обладает должным эвристическим потенциалом для глубокого осмысления и решения сложных проблем, с которыми сталкивается человечество и наша страна. Конечно, автор этих строк далек от мысли, что студенты, прослушав курс лекций по философии, будут готовы участвовать в поисках адекватных ответов на вызовы современности. Речь, прежде всего, идет о формировании у них современного научного мировоззрения как интеллектуальной основы понимания сложных проблем мира и страны, а также критического мышления для противостояния различным формам пропаганды, фашизма, национальной и религиозной нетерпимости, таящих угрозу целостному существованию нашего государства.

На какие базовые принципы должна опираться (включать в себя) преподаваемая философская концепция? Очевидно, что основополагающим принципом любого исследования, претендующего на научность, является объективность. Без объективности нет научности. Но объективность вытекает из материализма, понимаемого как отражение (трактовка) природных и социальных явлений такими, какими они есть на самом деле (Энгельс). Этот же принцип объективности требует рассматривать изучаемый предмет в его динамике, в его развитии. Кроме того, мир (как и социум) носит системный характер. Следовательно, предмет исследования должен рассматриваться как сложная система в его связи с другими явлениями, процессами. Глобальные проблемы так же, как и социальные проблемы, носят системный характер. Их нельзя анализировать и тем более решать изолированно. Если не перечислять далее все остальные требования к научному исследо-

ванию, то можно сказать, что таким требованиям, на наш взгляд, отвечает современная форма научного материализма.

В условиях отсутствия в стране единого образовательного стандарта по философии ответ на вопрос, как преподавать философию, зависит от разного понимания в нашем образовательном сообществе самой философии. Сегодня определяющим требованием к преподавателю является не содержание материала лекций, семинаров, а перечень обязательных компетенций, которые должны быть сформированы у студентов. Согласно эмпирическим обобщениям автора (возможно, и спорным), у нас сформировались два подхода к пониманию философии. В одном случае она сводится к истории философии. Как строится программа курса при таком понимании философии? В начале дается определение философии, показываются ее задачи и роль в общественной жизни. Далее, учитывая количество часов, выделяемых в настоящее время на эту дисциплину, и громадный объем материала, преподаватель вынужден бегло изложить философские воззрения мыслителей разных эпох. Понятно, при этом немаловажное значение будут иметь субъективные предпочтения преподавателя. В своих лекциях он может более или менее подробно проанализировать теоретические наработки одних мыслителей и вследствие того же фактора времени весьма поверхностно коснуться учений других, а третьих вовсе опустить, предложив студентам соответствующую литературу. При таком беглом изложении курса философии редко у кого из студентов возникает интерес к философской проблематике и сомнительно, что у них формируются требуемые компетенции.

У студентов возникает иллюзорное представление о философии как крайне абстрактной дисциплине, мало связанной с реальной жизнью и их будущей профессиональной деятельностью. Поэтому свою задачу они видят в том, чтобы побыстрее как-нибудь «столкнуть» этот предмет. Учитывая указанные сложности, некоторые преподаватели предпочитают не читать весь курс истории философии «галопом по европам», а остановиться лишь на некоторых видных мыслителях, проанализировав отдельные их труды. Такой метод преподавания предлагает В.М. Розин [Розин В.М., 2019]. После прочтения лекций, в которых анализируются

труды нескольких философов, он предлагает своим студентам самим прочитать эти работы, а затем написать эссе, в котором они должны продемонстрировать особенности творческой деятельности авторов этих трудов.

По мнению В.М. Розина, цель обучения — «подвести студента к пониманию того, что делает философ, помочь ему сориентироваться в реальности философии, подобно тому, как туриста ориентировочно знакомят со страной, в которую он прибыл...» [Розин В.М., 2019, с. 52]. Автор полагает, что вчерашним школьникам не под силу понять «предельные экзистенциальные проблемы человека». Поэтому изучение философии он низводит до уровня досуга, отдыха, а преподавателю отводится роль экскурсовода или аниматора. К сожалению, такое понимание цели, задач и методов преподавания философии (и не только философии) в настоящее время стало достаточно распространенным, что свидетельствует, на наш взгляд, о кризисе системы образования. Представляется, что в позиции В.М. Розина есть противоречие. Если студентам отказано в способности понять сложные вопросы бытия, реальности, познания, смысла жизни, добра и зла и т.д., как же они смогут проанализировать труды Платона, Аристотеля, Августина, Хайдеггера, даже если по ним уже и прочитана лекция. При таком подходе к преподаванию философии возникают сомнения в формировании у студентов необходимых компетенций. Понятно, что подобное фрагментарное изучение философии В.М. Розин предлагает не от хорошей жизни. Оно является вынужденной мерой после политики оптимизации высшего образования, проведенной реформаторами. Соглашаясь в целом с тональностью статьи В.М. Розина и его оценкой состояния российской системы образования, сложившейся в результате контрпродуктивной деятельности реформаторов, трудно признать удачным предложенный им фрагментарный метод изучения философии, при котором вне поля зрения преподавателя и студентов остается логика развития самой философии, а без этого, как представляется, трудно продемонстрировать те базовые функции философии, которые сделали возможным ее возникновение и почти трехтысячелетнее существование. Речь идет о мировоззренческой, критической, методологиче-

ской, гуманистической функциях философии. Кроме того, философия есть ядро («квинтэссенция» — Маркс) культуры, которая понимается как синтетическая характеристика уровня развития человеческой сущности, проявляющаяся в деятельности человека и результатах этой деятельности. Очевидно, что при фрагментарном изучении философии ее культурологический аспект фактически выпадает или оказывается слабо выраженным.

Другой подход к пониманию философии можно условно назвать традиционным, включающим в содержание дисциплины три раздела: историю философии, онтологию и теорию познания, а также социальную философию. Поделемся собственным опытом преподавания философии, опирающегося на такой подход к пониманию дисциплины.

Заключение

Наш опыт преподавания философии в современных экстремальных условиях выглядит следующим образом: в рамках четырех кредитов и пятидесяти шести аудиторных часов, выделенных на философию, считаем необходимым ознакомить студентов с историей философии и освоить основные темы онтологии и теории познания и социальной философии.

В историко-философском введении на лекции дается характеристика философии как феномена культуры и мировоззрения, определяется ее предмет, задачи и функции. На основе краткого анализа основных теорий и воззрений крупных мыслителей разных исторических эпох показываются изменения в понимании предмета, задач и роли философии в обществе, демонстрируются достижения философской мысли каждой эпохи. Ввиду недостатка времени приходится рисовать картину исторического развития философии крупными мазками, без подробностей. Но все же это позволяет продемонстрировать связь развития философии с изменяющимися социально-экономическими и политическими обстоятельствами и новыми запросами общества. Показывается, что каждая новая эпоха в развитии философии (революция в философии) является интеллектуальной и духовной предпосылкой возникновения новой социальной реальности. На семинарах под руководством преподавателя студенты более подробно изучают философские учения эпохи,

осваивая рекомендованную им для чтения учебную и научную литературу, в том числе труды (чаще фрагменты трудов) мыслителей, которых они изучают. Самостоятельная работа студентов контролируется преподавателем на семинарах и при прохождении ими контрольных точек, представляющих собой отчеты по пройденным темам.

Лекции при изучении онтологии и теории познания и социальной философии читаются иначе. Осуществляется более подробный и глубокий анализ тем с обязательной демонстрацией методологического значения изучаемого материала для понимания сложных проблем человечества и страны. Вопросы, раскрываемые на лекциях и обсуждаемые на семинарских занятиях, как правило, увязываются с профилем будущей профессиональной деятельности студентов.

Обязательная профилизация философии в вузе, как уже отмечалось, была рекомендована Парижской декларацией ЮНЕСКО (1995 г.), которую подписали и представители России. Многолетний опыт преподавания философии дает основание для вывода: лекция «цепляет» студентов, если анализируемый материал увязывается со сложными проблемами человеческого бытия и, особенно, с вопросами их будущей профессиональной деятельности. Профилизация активизирует внимание студентов к обсуждаемым философским проблемам, мотивирует их на глубокое «погружение» в философию как предмет, несомненно полезный и нужный.

Профилизация философии позволяет с большей вероятностью достичь успеха в формировании у студентов компетенций аналитического, критического мышления, способности системного видения и решения проблем. Если же изложение материала на лекции идет на уровне абстрактной, оторванной от реальной действительности философской «зауми», интерес к философии у вчерашних школьников, как выразился В.М. Розин, пропадает. Да, современные студенты заметно отличаются даже от тех, кто учился пятнадцать-двадцать лет назад. Они тоже жертвы реформ и изменившихся социально-экономических реалий. Но это не значит, что необходимо максимально упростить и сократить излагаемый на лекциях материал и минимизировать требования. Хотелось бы ошибиться в своих наблюдениях, но именно

такие тенденции дают о себе знать в последнее время в вузах, которые в постсоветской России превратились в соответствии с принципами ВТО в хозяйствующих субъектов, предоставляющих образовательные услуги.

Рыночная трактовка функций вуза способствовала искажению и примитивизации роли вуза и, особенно, его будущего продукта — студента, превратив его в заказчика услуг. Между тем учеба в вузе — это прежде всего напряженная систематическая работа, требующая немалых физических, умственных усилий, нацеленных на самосовершенствование и саморазвитие. Многие из нынешних студентов не обладают такой способностью к каждодневной самостоятельной работе. Эти навыки не без усилий приходится преподавателям вуза прививать вчерашним школьникам.

Для преподавателя учебный процесс в современных условиях стал более сложным и трудозатратным. Во-первых, распространение рыночных отношений на систему образования обернулось колоссальным ростом нагрузок. Принцип деятельности хозяйствующих субъектов в условиях рынка — минимум издержек, максимум прибыли. Из-за недостаточного финансирования руководители образовательных учреждений сокращают ставки на кафедрах, увеличивая нагрузку на оставшихся работников. Согласно экспертным оценкам, аудиторные нагрузки преподавателей в вузах России в 3–4 раза выше, чем у их зарубежных коллег [Эрштейн Л.Б., 2021]. Во-вторых, работа преподавателя усложнилась вследствие качественного изменения студенческой аудитории. Сегодня уже недостаточно прочесть содержательную, логически безупречно выстроенную лекцию, чтобы мотивировать студента на изучение философии. Анализ каждой темы на лекции должен осуществляться на основе применения хорошо продуманного дидактического инструментария, с тем чтобы, с одной стороны, продемонстрировать практическую значимость изучаемого теоретического материала, а с другой — способствовать формированию у студентов требуемых компетенций. Очевидно, чтобы достичь этого, в лекции должны быть применены методы продуктивного преподавания с привлечением студентов к философскому осмыслению проблем, существующих в сфере

их будущей профессиональной деятельности. Но и это не все.

Нормальный учебный процесс включает в себя два взаимосвязанных компонента — обучение и воспитание. Коммерциализация системы образования способствовала элиминации из учебного процесса и деятельности преподавателя функции воспитания. Это и понятно. Результаты нравственно-воспитательной деятельности, в отличие от профессиональных знаний, не монетизируются. Нравственные принципы поведения и убеждения выпускника российского вуза не повышают его конкурентоспособности на рынке, особенно за рубежом. Скорее, наоборот. Рынок, как справедливо подметил Дж. Сорос, аморален [Сорос Дж., 2004, с. 21]. Но учитывая, с какими вызовами в настоящее время столкнулась Россия, представляется, что важнейшей задачей преподавателя российских вузов является умение сформировать у своих студентов социально активных, ответственных, творческих личностей с развитым научным мировоззрением, выраженными чертами гуманизма и патриотизма. Возможно, эти суждения могут показаться излишне пафосными, но ведь речь идет о преподавании философии.

Список литературы

- Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html> (дата обращения: 12.12.2021).
- Бузгалин А.В.* Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 3–15.
- Дианова В.М.* Инициативы ЮНЕСКО в области совершенствования и развития философского образования // Философское образование. 2011. № 1(2). С. 63–71.
- Карнов А.О.* Знание, способное породить новое знание // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-103-115>
- Кутырев В.А.* Любовь к мудрости на пороге нового века // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1998. № 3. С. 3–16.
- Мариносян Х.Э.* Электронная цивилизация как глобальная перспектива // Философские науки. 2016. № 6. С. 7–31.

Мнацаканян М.О. Постмодернизм: происхождение, природа и место в современной социологии. М.: Юнити-Дана, 2015. 335 с.

Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.

Мусаелян Л.А. Россия в XXI веке: постиндустриальная цивилизация или эпоха средневековья? // Мусаелян Л.А. Актуальные проблемы социальной философии: сб. науч. тр. Пермь, 2014. С. 188–207.

Панфилова Т.В. Проявление постмодернизма в нашей жизни // Философия и общество. 2017. № 1. С. 48–60.

Парижская декларация по философии / Доклад Генерального директора о межсекторальной стратегии в области философии. UNESCO. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000138673_rus (дата обращения: 01.12.2021).

«Реалистический поворот» в современной эпистемологии, философии сознания и философии науки? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 5–38.

Розин В.М. Преподавание философии: оптимизация — ликвидация или новый старт? // Философские науки. 2019. Т. 62, № 2. С. 42–57. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-2-42-57>

Соловьев В.С. Исторические дела философии // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 118–125.

Сорос Дж. О глобализации. М.: Эксмо, 2004. 224 с.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004. 352 с.

Хеннер Е.К. Профессиональные знания и профессиональные компетенции в высшем образовании // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 2. С. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-9-31>

Черникова И.В. Сохранение природы человека как глобальная проблема // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 36–43.

Эрштейн Л.Б. Чрезмерные нагрузки преподавателей вузов как фактор разрушения высшего образования в России // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 75–87. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.6>

Получена: 01.05.2022. Принята к публикации: 27.05.2022

References

Althusser, L. (2011). [Ideology and ideological apparatuses of the state]. *Neprikosnovennyy zapas* [Emergency Ration]. No. 3. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskije-apparaty-gosudarstva.html> (accessed 12.12.2021).

Buzgalin, A.V. (2004). [Outdated postmodernism... (The decline of neoliberalism might be fraught with the danger of a «Proto-empire»)]. *Voprosy Filosofii*. No. 2, pp. 3–15.

Chernikova, I.V. (2016). [Preservation of human nature as a global problem]. *Voprosy Filosofii*. No. 9, pp. 36–43.

Dianova, V.M. (2011). [UNESCO initiatives in the field of improvement and development of philosophical education]. *Filosofskoe obrazovanie* [Philosophical Education]. No. 1(2), pp. 63–71.

Ershtein, L.B. (2021). [Excessive workload of university teachers as a factor of destruction of higher education in Russia]. *Vestnik Permskogo natsional'no-issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [PNRPU Sociology and Economics Bulletin]. No. 2, pp. 75–87. DOI: <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2021.2.6>

Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchelovecheskoe buduschee. Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our posthuman future. Consequences of the biotech revolution]. Moscow: AST Publ., 352 p.

Karpov, A.O. (2020). *Znanie, sposobnoe porozhdat' novoe znanie* [Knowledge that can generate new knowledge: from the perspective of science and education]. *Voprosy Filosofii*. No. 5, pp. 103–115. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-5-103-115>

Khenner, E.K. (2018). [Professional knowledge and professional competencies in higher education]. *Obrazovanie i nauka* [The Education and Science Journal]. Vol. 20, no. 2, pp. 9–31. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-2-9-31>

Kutyrev, V.A. (1998). [Love for wisdom on the threshold of a new age]. *Vestnik Moskvovskogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy]. No. 3, pp. 3–16.

Marinosyan, Kh.E. (2016). [Electronic civilization as a global perspective]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 6, pp. 7–31.

Mnatsakanyan, M.O. (2015). *Postmodernizm: proiskhozhdenie, priroda i mesto v sovremennoy sotsiologii* [Postmodernism: origin, nature and place in modern sociology]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 335 p.

Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm, 128 p.

Musaelyan, L.A. (2014). [Russia in the 21st century: post-industrial civilization or the Middle Ages?]. *Aktual'nye problemy sotsial'noy filosofii* [Actual Problems of Social Philosophy]. Perm, pp. 188–207.

Panfilova, T.V. (2017). [Manifestation of postmodernism in our life]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 1, pp. 48–60.

[Paris Declaration on Philosophy]. *Report by the Director-General on an intersectoral strategy on philosophy*. UNESCO. Available at: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000138673_rus (accessed 01.12.2021).

«Realisticheskiy povorot» v sovremennoy epistemologii, filosofii soznaniya i filosofii nauki? Materialy «kruglogo stola» (2017). [«Realistic turn» in contemporary epistemology, philosophy of mind and philosophy of science? Materials of «round table»]. *Voprosy filosofii*. No. 1, pp. 5–38.

Rozin, V.M. (2019). [Teaching philosophy: An optimization — liquidation or a new start?]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. Vol. 62, no. 2, pp. 42–57. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-2-42-57>

Solov'ev, V.S. (1988). [Historical affairs of philosophy]. *Voprosy Filosofii*. No. 8, pp. 118–125.

Soros, G. (2004). *O globalizatsii* [About globalization]. Moscow: Eksmo Publ., 224 p.

Received: 01.05.2022. Accepted: 27.05.2022

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>
ResearcherID: N-4762-2017

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>
ResearcherID: N-4762-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья вторая. Какая философия оказалась востребована в постсоветской России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 232–241. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-232-241

For citation:

Musayelyan L.A. [Who needs this philosophy today? Part 2. What kind of philosophy is in demand in post-Soviet Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 232–241 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-232-241

УДК 141.319.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-242-253

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕАТРАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА: ВНУШЕНИЕ И ЕГО СКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Рахимова Майя Вильевна

Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского (Челябинск)

Научный интерес статьи лежит в плоскости философской антропологии, — исследования человека как сложной открытой самоорганизующейся системы, где одним из ее составных качеств, предположительно, является театральность. Автор полагает, что театральные техники, применяемые человеком в повседневной жизни, помогают ему приспособиться к жизни в социуме, к другим и к самому себе. Театральность предстает своеобразным механизмом выживания и способом адаптации к внешним и внутренним вызовам. Будучи на виду, этот удивительный механизм социальной коммуникации до сих пор остается некоторым образом сокрытым, исследованным обильно, но фрагментарно. Сложно отследить генезис формирования феномена театральности человека, трудно понять механизм и цель повседневного театрального его поведения. Игра и театральность как феномены тесно переплетены между собой, но не равны друг другу. Игра не предполагает нарушения правил, в то время как «театральный человек» нарушает правила тогда, когда это ему нужно. Среди элементов театральной природы человека можно выделить притворство, представление, манипуляцию, артистизм, хитрость, прагматизм, а также внушение. Внушение предстает как феномен, весьма распространенный в общественной среде. Оно обладает вирусным потенциалом, является своеобразной «психической заразой» для мозга. Театральный человек стремится задействовать внушение для достижения прагматических целей, в связи с чем сама театральная природа приобретает вирусный потенциал. Размышление о вирусном потенциале внушения («психической заразы») способствует более глубокому анализу вирусного потенциала театральной природы человека, которая не может не опираться на непреодолимую тягу к внушению, понимая и принимая его силу при достижении желаемого.

Ключевые слова: театральный человек, Игра, манипуляция, артистизм, прагматизм, вирус, психическая зараза, мимесис, мем, внушение.

REFLECTIONS ON THE THEATRICAL NATURE OF A HUMAN BEING: SUGGESTION AND ITS HIDDEN POTENTIAL

Maya V. Rakhimova

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky (Chelyabinsk)

The scientific interest of this work lies in the field of philosophical anthropology — the study of a human being as a complex open self-organizing system, where one of the constituent elements is, presumably, Theatricality. The author believes that theatrical techniques used by a human being in everyday life help him to adapt to the life in society, to others, and to himself. Theatricality appears as a kind of survival mechanism and a way of adapting to external and internal challenges. Being in plain sight, this amazing mechanism of social communication still remains somewhat hidden, studied abundantly but fragmentarily. It is difficult to trace the genesis of the formation of the Homo Theatrical's phenomenon as well as to understand the mechanism and purpose of his everyday theatrical behavior. The Play and Theatricality as phenomena are closely intertwined, but not equal to each other. The Play does not involve breaking the rules, while the Homo Theatrical breaks the rules when he needs it. Among the elements of the theatrical nature of a human being, one can distinguish pretense, representation, manipulation, artistry, cunning,

pragmatism, as well as suggestion. Suggestion appears as a phenomenon that is very common in the social environment. It has a viral potential and represents a kind of «psycho infection» for the brain. A Homo Theatrical strives to use suggestion to achieve pragmatic goals and, therefore, the theatrical nature itself acquires a viral potential. Reflection upon the viral potential of suggestion («psycho infection») contributes to a deeper analysis of the viral potential of the theatrical nature of a human being, which cannot but rely on an irresistible craving for suggestion, understanding the power of the influence of suggestion in achieving the desired.

Keywords: Homo Theatrical, the Play, manipulation, artistry, pragmatism, virus, «psycho infection», mimesis, meme, suggestion.

Введение

Есть некоторое весьма устойчивое наблюдение, согласно которому в повседневной практике человек нередко ведет себя театрально, причем часто даже не замечает этого. Для повседневного театрального самовыражения вовсе не обязательно заканчивать театральный вуз, все получается как-то само собой. Иногда очень убедительно, иногда наигранно и манерно, но и в первом, и во втором случаях основа самовыражения сходна, — она, в известной степени, театральна.

Следует сразу уточнить, что в данной работе речь пойдет не о гистрионном (истероидном / театральном) расстройстве личности. Патологический аспект проявления избыточной театрализации в поведении — вопрос отдельной проблемной статьи. Сейчас же хотелось бы сконцентрироваться на размышлении о театральной природе человека и отдельных качествах ее составляющих, в частности, о способности к внушению.

Отдельно отметим, что при всей выпуклости тематики предметная область театроведения не является ведущей для работы, научный интерес которой лежит скорее в плоскости философской антропологии с применением междисциплинарного подхода.

Итак, что мы можем сказать о театральной природе человека, о качествах ее характеризующих, например, о внушении? Можно ли обнаружить во внушении скрытый потенциал, допустим, вирусный как некоторую способность заражать другого либо самого себя идеями, образом, действием, мыслью?

Несколько слов о театральности

Обратимся к работе И. Канта «Антропология с прагматической точки зрения». В разделе «О дозволенной моральной видимости» философ

пишет: «Чем более цивилизованны люди, тем больше они актеры; они внешне выказывают симпатию, уважение к другим, скромность, бескорыстие, хотя этим никого не обманывают, так как всякий другой понимает, что все это неискренне, но очень хорошо, что так принято в мире. В самом деле, благодаря тому что люди играют эту роль, в конце концов добродетели, которые они притворно выказывали в течение долгого времени, мало-помалу могут действительно пробудиться и стать убеждением. Но обмануть обманщика в нас самих, склонность, — значит вновь возвратиться к повиновению закону добродетели; и это не обман, а невинное заблуждение относительно самого себя» [Кант И., 1999, с. 17].

Оставляя за скобками технологии самовоспитания, которые осмысливает Иммануил Кант, признаемся в который раз в некоторой театральной предрасположенности как в общении с людьми, так и в отношении самих себя. Актерские техники, которые человек задействует в повседневности, невольно способствуют формированию феномена человеческой театральности. Что есть театральность?

Под театральностью на данном этапе исследования предлагается понимать сложный самоорганизующийся механизм адаптации человека к внешним и внутренним вызовам. Термин «театральность» представляется удобным, поскольку обозначенный механизм адаптации задействует приемы и навыки, характерные для актерской игры. Речь идет о таких навыках и приемах, как опора на воображение, вера в предлагаемые обстоятельства, память физических действий, навыки воздействия, внушения, манипуляции, притворства, навыки выразительной жестикуляции, декламации.

Театральность, предположительно, есть элемент психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной,

социокультурной направленностью. Театральная природа проявляет себя в мышлении, поведении, действиях, направленных на выживание и преуспевание в общественной среде.

В частности, обращаясь к работам о психике, в том числе к статье «О природе и происхождении психики» В.А. Иванникова, можно найти интересное размышление, во многом приближающее к пониманию глубинной связи феномена театральности и психики.

«Психика — это не только отражение, — пишет автор. — Отражение нужно для управления поведением, а чтобы управлять им на основе психики, надо иметь возможность на основе содержания образов создавать пусковые и регулирующие команды, надо научиться действовать в плане образов так, как действует субъект через различную мышечную активность. Такое умение позволяет субъекту поведения находить новые способы поведения в новых, необычных для него условиях без реальных поведенческих проб. А эта задача требует развития представлений и воображения у субъектов действий, способности решать ими различные приспособительные задачи, т.е. мышления» [Иванников В.А., 2015, с. 21].

Еще одна интересная мысль заключается в следующем тезисе: «Природная психика становится составляющей приспособительной деятельности живого существа (ее субъективным звеном или операцией), поэтому ее содержание и функционирование определяется задачами деятельности (И.М. Сеченов, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн). В.П. Зинченко (Зинченко, 2011) отмечает, что в исследованиях П.Я. Гальперина убедительно показано, что психика находится “внутри” действия. Этим подтверждается позиция И.М. Сеченова и раскрывается положение С.Л. Рубинштейна о единстве психики и деятельности» [Иванников В.А., 2015, с. 21].

Приспособительная деятельность, как видно, вряд ли возможна вне инструментария природной психики, равно как представление и воображение.

В свою очередь, механизм театрального приспособления немислим вне воображаемого мира в человеке, доверяя ему, потребности в нем, его активного участия в принятии решений (интенциональных, физических, мысленных). Виртуальный мир, мир воображения, мир

образов (мир психики) играет большую роль и выполняет целый ряд функций терапевтического, компенсаторного, регулятивного порядка.

Как представляется, театральная природа человека опирается на вполне предсказуемый и наблюдаемый на практике инструментарий. Например, она вряд ли возможна вне воображения и фантазии, вне виртуальных внутренних состояний человека. Можно предположить, что театральный человек, оперируя игровыми технологиями, способен добиваться вполне прагматичного результата; он в известной степени свободен от правил и обладает способностью к манипуляции и симуляции.

Одним из качеств, характерных театральности, является также внушение и самовнушение, точнее, тяга, стремление для достижения определенной цели внушать что-либо кому-либо с опорой на представление, артистическую демонстрацию информации, в некотором смысле обманывая собеседника.

И «природа мудро внедрила в человека склонность охотно поддаваться обману...», и цели обмана предполагаются благие: спасти добродетель или хотя бы направлять к ней [Кант И., 1999, с. 18].

Как жаль, что на практике стремление к всеобщей добродетели, пусть и с помощью мудрой природной предрасположенности к обману, уступает место хищным техникам личного выживания, когда с помощью театральных средств выразительности человек, преследуя исключительно свой интерес, настойчиво навязывает точку зрения, обманывает сознательно!

Для достижения цели им активно используются жестовые, вербальные манипуляции, лесть, притворство, причем сам человек не обязательно отдает себе отчет в манипуляционном размахе, который использует. Вспомним здесь, что человек театрален не только по отношению к окружающим. Он театрален по отношению к самому себе и зачастую имеет дело с собой придуманным, сочиненным. Значит, он навязывает определенные представления, образы и самому себе. Как же он это делает?

Игровой потенциал театральности

Театральность и Игра тесно переплетены между собой как феномены. Об Игре, о косвенной связи игрового и драматического начал писали

многие (Е. Финк, Н. Евреинов, Р. Кайуа, Э. Берн и, конечно, Й. Хейзинга).

Игра довольно часто мыслится глобальным всеобъемлющим феноменом. Так, согласно Е. Финку: «Игра охватывает всю человеческую жизнь до самого основания, овладевает ею и существенным образом определяет бытийный склад человека, а также способ понимания бытия человеком. Она пронизывает другие основные феномены человеческого существования, будучи неразрывно переплетенной и скрепленной с ними. Игра есть исключительная возможность человеческого бытия. Играть может только человек. Ни животное, ни бог играть не могут» [Финк Е., 2017, с. 338].

В то же время Николай Евреинов больше размышляет не об Игре собственно, а о театрализации жизни, которая предстает как «философская концепция, объясняющая человеческую природу, принципы мироустройства и — подобно многим значительным модернистским программам — пути дальнейшей эволюции человечества. Главный принцип театрализации жизни, принцип театра для себя — *не быть самим собой*, создать маску, стать другим».

Что же касается силы Игры (театра как вида искусства), то «главный принцип театра, вырастающего из общечеловеческой театральности, театра как такового — *стать самим собой*, реализовать то, что скрыто в человеческой природе. Игра — лишь способ прийти к полной реализации творческого начала. Можно сказать, что в театре как таковом происходит снятие маски» [Евреинов Н.Н., 2002, с. 17].

Словно объединяя полярные позиции, в работе «*Homo Ludens*» Й. Хейзинга пишет, что «благодаря череде имен от Шекспира до Кальдерона и Расина драма главенствовала во всей поэзии столетия. Каждый поэт, в свою очередь, сравнивал мир с театром, где всякий играет свою роль. Таким образом, казалось, игровой характер культурной жизни признан всеми безоговорочно» [Хейзинга Й., 2004, с. 19–20].

Далее автор предлагает пристальнее всмотреться в сущность сравнения жизни и театральных подмостков и увидеть нравоучительную тенденцию, выделенную поэтами, тогда как сам Хейзинга ставит целью разобраться в самой сути игры, в ее чистом, подлинном «бытии» как культурного явления.

Что ж? Тем интереснее искать со-зависимость двух начал, одно из которых, вероятнее всего, старше другого, — речь идет об игровом начале, которое, как пишет Й. Хейзинга, — «старше самой культуры» [Хейзинга Й., 2004, с. 13].

Опираясь на понимание сложносочиненной природы игры и вспоминая о тесной связи игры и театральности, следует напомнить, что театральность активно формируется и трансформируется непосредственно в сфере культуры, среди людей. И Игра значительно помогает как в становлении межкультурных связей между людьми, так и в развитии театральных техник, ими используемых.

Уже на ранних этапах развития культуры можно заметить, как при повседневной коммуникации между соплеменниками невольно приводятся в действие театральные механизмы (увещевания, внушения), как артистические техники меняют поведение и отношение соплеменников друг к другу. От театральных сценок, на одном дыхании устраиваемых соплеменниками друг другу (мужчинами, женщинами, стариками и т.д.), когда не хочется делать то, что требуется, до, наоборот, сценок, когда нужно склонить общественную среду сделать то, что нужно.

Развитие социальной среды не может не отражаться на развитии психики. Вячеслав Андреевич Иванников пишет по этому поводу следующее: «Становление человека как социального существа меняет статус психики. Психика человека не столько адаптирует его к наличным условиям жизни, сколько конструирует новые способы, новые средства и новые условия жизни, влияющие не только на человека, но и на жизнь многих видов живых существ (то, что К. Маркс называл исторической природой)» [Иванников В.А., 2015, с. 21–22].

Как представляется, новые способы, новые условия и новые средства зачастую носят красочный демонстрационный характер, свидетельствующий об их творческом происхождении и потенциале (игровом и театральном).

Поиск сходств и различий театрального и игрового начал, в свою очередь, приводит к мысли о том, что театральный человек гораздо чаще использует игру, но не играет по-настоящему, с полной отдачей и самозабвением.

Вспомним, как писал Йохан Хейзинга о природе игры: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием “иного бытия”, нежели “обыденная” жизнь» [Хейзинга Й., 2004, с. 56].

Театральное поведение человека свидетельствует о том, что он способен менять правила по ходу игры, способен манипулировать ими, когда нужно добиться конкретного результата. Вряд ли это совпадает с игровой деятельностью в ее чистом виде. Действия человека театрального часто носят корыстный прагматичный характер, и если для достижения цели потребуются задействовать хитрость, обман, притворство, человек применит их [Rakhimova M.V., 2021, p. 46].

В то же время Й. Хейзинга пишет об игре: «...использование хитрости и обмана со всей очевидностью ломает игру и отменяет игровой характер соревнования. Соблюдение правил игры сущностно необходимо» [Хейзинга Й., 2004, с. 93].

Получается, что при определенных сходных характеристиках театральность и игра имеют и нечто, глубоко отличающее их друг от друга. Возможно, одним из отличительных качеств как раз и является внушение.

Несколько слов о внушении

Для характеристики внушения представляется интересным обратиться к работе «Внушение и его роль в общественной жизни» русского психиатра, невропатолога, физиолога и психолога, Владимира Михайловича Бехтерева.

Автор книги обращает внимание на внушение как на важный фактор общественной жизни в принципе и потому отстаивает необходимость исследования «внушения» как междисциплинарного объекта не только со стороны врачей, но и всех вообще лиц, изучающих условия общественной жизни и законы ее проявления. Бехтерев пишет о внушении как о мощном явлении, более широком, нежели собственно гипнотическое внушение, поскольку «оно проявляется и в бодрственном состоянии, в жизни наблюдается везде и всюду, при различных условиях» [Бехтерев В.М., 1908, с. 2].

Опираясь на профессиональный опыт, В.М. Бехтерев приходит к выводу, что «внушать — значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний, помимо его “я”, то есть в обход его самосознающей и критикующей личности» [Бехтерев В.М., 1908, с. 16].

Как автор характеризует саму природу «внушения»? Он полагает, что природа внушения имеет вирусный характер: «В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве “живого контагия” (*contagium vivum*) или т.н. микробов, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о “психическом контагии” (*contagium psychicum*), приводящем к психической заразе» [Бехтерев В.М., 1908, с. 1].

«Психическая зараза» передается через слова и жесты, движения окружающих лиц, через книги, газеты. Одним словом, по Бехтереву, в обществе мы в принципе подвергаемся действию «психических» сил (микробов) и потому находимся в опасности быть психически зараженными.

Для того чтобы «психически» заразиться, хватит одной расслабленности внимания, некоторой рассеянности со стороны человека, некритического подхода к получаемой извне информации. Особенно быстрым может быть заражение, когда «зараза» в своих целях использует такие театральные приемы, как манипуляция, представление, яркие «жесты». Так «психические заразные» силы внушают нам что-либо (идею, образ, мысли), и человек становится носителем внушенных состояний.

В качестве небольшого отступления, впрочем, лишь подтверждающего специфику и всемогущество внушения, следует вспомнить о мимикрии и ее невероятных способностях к симуляции. В книге «Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры» Роже Кайуа обращает наше внимание на инструмент симуляции, упоминая его силу над позвоночными, у которых тенденция к симуляции проявляется,

прежде всего, в чисто физической, почти непреодолимой заразительности (зевание, бег, оскал и так далее). Сами того не подозревая, животные повторяют наблюдаемое ими действие другого животного, так как оно несет в себе потенциал заразительности (зевают вслед за ним, бегут, ускоряя ход, оскаливаются).

Другое дело, что заразительность и подражание, по мнению Р. Кайуа, — это еще не настоящая симуляция, но они делают ее возможной и порождают идею миметизма, вкус к нему. Следуя упомянутой склонности, птицы ведут свои брачные игры, предполагающие горделиво-церемониальную самодемонстрацию, а остроносые крабы (для тех же целей) водружают себе на панцирь всякую водоросль или полипа. И хотя сложно с уверенностью объяснить эту их способность к маскарადу, сам факт ее не оставляет сомнения [Кайуа Р., 2007, с. 58].

Стоит ли оговаривать, что миметическими способностями с заразительным эффектом обладают не только животные, но и люди?

Чтобы почувствовать себя частью большой игры, вовсе не обязательно застревать исключительно в воображаемой среде. Можно, например, самому стать иллюзорным персонажем и вести себя соответственным образом. Обозначенная модель поведения предполагает целый ряд разнообразных явлений, у которых, однако, общая основа, когда субъект игры думает, убеждает сам себя или других, что он кто-то другой [Кайуа Р., 2007, с. 57].

Приспосабливаясь, трансформируясь, внушая, очень удобно добиваться результата. И заразные инструменты мимикрии в состоянии помочь добиться желаемого.

Скрытый потенциал внушения

В чем заключается скрытый потенциал внушения? Возможно, в его вирусной природе и «сверхспособностях», связанных с вирусными техниками проникновения? Обратим внимание на работу самих вирусов: на что, собственно, они способны?

В работе Александра Анатольевича Смородинцева «Сражение с невидимками, или Борьба за жизнь» автор отмечает, что вирусы не способны размножаться самостоятельно, им нужна подходящая живая клетка, и чтобы «проникнуть» в нее, вирусы присоединяются к особым рецепторам на поверхности таких клеток.

Одни вирусы, обладающие специальным «ферментом проникновения», растворяющим клеточную оболочку, внедряются через такое отверстие внутрь клетки. Другие вирусы клетка поглощает сама, принимая их за съедобный белок [Смородинцев А.А., Смородинцева Е.А., 2011, с. 30].

И вот когда вирус «попал» внутрь клетки, происходит невероятное событие — он исчезает. Ученые назвали эту стадию размножения «эклипсом», что в переводе на русский язык значит «затмение». В клетке не удастся обнаружить ни самой вирусной частицы, ни отдельных ее компонентов. В стадии «эклипса» вирусная частица распадается на белки и нуклеиновую кислоту (наследственное вещество вируса).

Такое «раздевание» вируса производит сама клетка с помощью своих ферментов, «надеясь» использовать вирусные белки в качестве пищи, необходимой для построения собственных компонентов. Как представляется, клетка не подозревает о наличии агрессивных намерений со стороны «пришельца» и, более того, расположено доброжелательно, не критично, рассеянно.

Однако освободившаяся нуклеиновая кислота вируса начинает действовать внутри клетки, как агрессор: в интересах вируса она подавляет сигналы от собственных нуклеиновых кислот. Весь процесс синтеза белков и других веществ, необходимых для жизнедеятельности клетки, останавливается. Теперь уже вирус, используя синтезирующие системы самой клетки, «заставляет» ее производить все необходимое для появления многих тысяч новых потомков [Смородинцев А.А., Смородинцева Е.А., 2011, с. 31].

Мы видим, что вирус ведет себя вполне продуманно, у него есть цель, и для реализации задуманного он способен на целый ряд манипуляций, предполагающих обман, притворство, хитрость, представление, мимикрию.

Когда вирусы атакуют человека, они внедряются через те «входные ворота», где могут быстро найти подходящие клетки [Смородинцев А.А., Смородинцева Е.А., 2011, с. 31]. Следовательно, вирус умеет искать слабые места, распознавать их, просчитывать ситуации и т.д.

Почему клетка пропускает «вирус»? Потому что не ожидает подвоха и потому, что вирус «обладает» набором знаний — действий, расчи-

танных на сокрытие подлинной информации о себе, и умелым притворством.

Обратимся теперь к работе Бориса Сидиса «Психология внушения», в которой ученый размышляет о природе внушения и подразумевает под таковым явления (идеи, образы), способные внезапно вторгнуться в сознание и стать частью потока мысли. Причем, по Б. Сидису, внушение воспринимается субъектом без критики и выполняется почти автоматически [Сидис Б., 1902, с. 2].

Борис Сидис замечает во внушении фактор преодоления, обхода противодействия субъекта. Внушенная идея насильно вводится в поток сознания, она нечто чуждое, нежеланный гость, паразит, от которого сознание субъекта стремится избавиться. Поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия. Так представление пытается навязать себя мозгу [Бехтерев В.М., 1908, с. 5].

Сидис приводит примечательный пример того, как работает общественное внушение, заражая собой коллектив: «Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые потоки болтовни, льстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено: они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазееет на “чудесные” предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут — и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они “прекрасные, дешевые”» [Сидис Б., 1902, с. 10].

Тем не менее Бехтерев не согласен с однозначной позицией навязывания, только «насильственного» фактора, подмеченного Сидисом. Бехтерев периодически напоминает о латентном, пассивном внушении, которое повсеместно встречается в общественном пространстве, а также ищет сущность внушения не в тех или иных внешних особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления [Бехтерев В.М., 1908, с. 7–8].

Он говорит о невольном внушении, производимом при естественном общении, и приводит пример «магического влияния при появлении в скупающем обществе какого-нибудь од-

ного веселого господина. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом. В свою очередь, оживление общества действует заразительно и на самого весельчака» [Бехтерев В.М., 1908, с. 37].

На вопрос, каким способом прививаются идеи и психические состояния других лиц, Бехтерев предполагает, что прививание происходит при посредстве органов чувств (слуха, зрения, мимики, жеста, осязательного, мышечного чувства) [Бехтерев В.М., 1908, с. 42–43].

В книге «Эгоистичный ген» Ричард Докинз затрагивает проблематику вирусного потенциала, имеющего место быть в культуре. Он предполагает, что передача культурного наследия аналогична генетической передаче [Докинз Р., 2016, с. 291].

Согласно Докинзу, успешный репликатор нуждается в плодовитости (плодовитости), долговечности (способной поддерживать себя в течение нескольких поколений в течение долгого времени) и точности копирования (верной в точном копировании исходной информации). Пока выполняются все три условия, репликатор будет продолжать размножаться сам, будь то ген, мем или какой-то другой, еще не артикулированный репликатор [Mick-Evans K., 2019].

И равно, как гены являются репликаторами, репликаторами являются и «мемы» — условные единицы информации культуры, культурного наследия.

Примерами мемов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов и яйцеклеток, мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией [Докинз Р., 2016, с. 295].

Мемы можно рассматривать как живые структуры не только в метафорическом, но и в техническом смысле. Посадив в мой разум плодovitый мем, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мема, точно так же, как размножается какой-нибудь вирус, ведущий паразитическое существование в генетическом аппарате клетки-хозяина.

Докинз отмечает при этом, что «выживаемость хорошего мема, входящего в мемифонд, обуславливается его большой психологической привлекательностью» [Докинз Р., 2016, с. 295–296].

Подхватив эстафетную палочку важности «меметической» культуры, Дэниел Деннет представил свою версию о роли заразных и привлекательных мемов в культуре, которые часто оказываются опасными и губительными для общества: «Идеи, а не паразиты — вот кем захвачены наши мозги, — говорит философ, — и они инфекционны». Каждый из нас уже носитель тех или иных мемов. На каждом — ответственность за распространяемые мемы и «вирусы», которые они несут в мир. Для Деннета особенно важна выработка человеком и культурой иммунитета к «токсичным идеям» [Деннет Д., 2020].

Это представляется особенно важным, «поскольку мемы одновременно репрезентируют и конструируют социальные представления, и, по крайней мере, в технологическом плане их распространение через национальные границы стало более легким, чем когда-либо, они могут способствовать созданию даже глобальных цифровых культур» [Nissenbaum A., Shifman L., 2018].

Весь этот разговор о вирусном потенциале «мема» как единицы информации культуры, «внушения» как распространенного элемента общественной жизни и «психической заразы» в конечном итоге помогает распознать и вирусный потенциал театральной природы человека, которая не может не опираться на «меметическое» наследие и тягу к внушению — инструменту влияния и достижения желаемого.

В этой связи не лишним будет обозначить, что о мощной психической театральной силе внушения догадывались в глубоко архаические времена, когда профессиональное мастерство знахарей, колдунов и магов способствовало психическому выздоровлению нечаянно или сознательно пораженных «психической заразой» негативного внушения людей.

О «магической» силе колдунов и знахарей, помогающих избавиться от внушения, упоминает и Бехтерев. Однако хотелось бы привести пример из другой литературы, — антропологического плана.

Несколько слов об антропологическом потенциале театральности

В книге О.Ю. Артемовой «Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным)» есть интересный фрагмент, повествующий о техниках врачевания / исцеления некоторых знахарей и колдунов.

Автор отмечает, что наряду с исполнением определенных обрядов, направленных на достижение тех или иных конкретных целей, во многих племенах одной из функций знахарей «широкого профиля» являлась публичная демонстрация своих экстраординарных способностей во время религиозных обрядов или же во время общедоступных ритуалов. В процессе таких сеансов магии знахари, как рассказывают аборигены, ходили по горячим углям, не получая ожогов, извлекали изо рта (иногда из живота) чрезвычайно длинные шнуры, сплетенные из шерсти животных или человеческих волос; таинственным образом на глазах у зрителей исчезали и возникали вновь; сидя или лежа на земле, внезапно начинали подниматься вверх и так «висели» по несколько минут и т.д. [Артемова О.Ю., 1987, с. 145]. Одним словом, вели себя очень ярко, артистично, театрально.

Не каждый ребенок мог стать потенциальным знахарем. У него должен быть особый взгляд. Кроме того, знахаря можно было отличить и по другому признаку: во время кашля изо рта у него должны вылетать мелкие ракушки, считавшиеся магическими предметами [Артемова О.Ю., 1987, с. 147].

Чтобы ракушки правильно и вовремя «вылетали» потенциальные знахари прибегали в том числе и к театральным средствам выразительности. Например, исследователь Трелькельд «спросил собеседника, видел ли кто-нибудь, как кость выходит из конкретного знахаря. Тот ответил, что никому не разрешается присутствовать при этом, знахарь уходит в заросли, где духи помогают ему в извлечении кости» [Артемова О.Ю., 1987, с. 150].

В ряде случаев маги действуют открыто, представляя соплеменникам доказательства своего искусства и применяя разные, порой сложные трюки. Например, трюк с «высасыванием крови» из тела больного. Там, где знахарь сосет кожу, нет ни ранок, ни царапин. Тем не менее он

регулярно сплевывает в специальный сосуд или на плоский камень красную жидкость.

Секрет хитрости — в следующем: знахарь показал «умным людям» белого человека (антропологам-исследователям) маленький острый осколок камня, который во время «лечения» держал во рту и периодически с силой прижимал языком к небу, делая легкие порезы [Артемова О.Ю., 1987, с. 150].

Получается, он знал, кому можно доверить секретную информацию о производимом им обмане, а кому, — нет. Театрализация — для своих (соплеменников), раскрытие секретов фокуса — для «чужих».

Чтобы соплеменники не сомневались в их способностях, колдуны и знахари «сознательно внушали окружающим совсем иное, чем то, что сами думали о происхождении своих способностей, о смысле колдовских или знахарских обрядов, что знали о своей магической деятельности» [Артемова О.Ю., 1987, с. 152].

Ряд исследователей-антропологов (Дж. Беккет, Элькин) называют это явление «благородной фикцией». Очевидно, правильнее было бы называть его предписанной или санкционированной дезинформацией [Артемова О.Ю., 1987, с. 152], которая, впрочем, устраивала всех.

Одним из наиболее распространенных недугов того времени было то, что врачи-психиатры Дж. Коот и М. Кидеон называют традиционной психической болезнью, — особое состояние психики и нервной системы, которому нет прямых аналогов среди нервно-психических состояний представителей западной культуры.

Причиной недуга могли стать сильные нервно-психические потрясения, душевные переживания, соматические заболевания, травма.

В возникновении «традиционного психического заболевания» большую роль играло самовнушение больного, иногда внушение какого-то другого человека [Артемова О.Ю., 1987, с. 154]. Хватало и малой искры (недоброго взгляда, смешка, вздоха), чтобы сомнения и неуверенность закрались в сознание несчастного.

После размышлений, обсуждений его подозрения перерастали в уверенность. И вот человек уже отказывается есть и пить, ничего вокруг себя не замечает, лежит на земле у костра безучастно и недвижимо, устремив взгляд в одну точку. А может быть иначе: бьется в судорогах, отчаянно кричит, рвет на себе волосы; или

же вдруг начинает в каждом ближнем видеть тайного врага, непрерывно от кого-то убегает и прячется, стремится скрыться в лесу. В любом случае существует реальная угроза для жизни [Артемова О.Ю., 1987, с. 154].

Суть знахарского лечения в таких ситуациях (им удавалось вылечить недуг), очевидно, состояла в продуманном воздействии на психику больного [Артемова О.Ю., 1987, с. 154].

Вот одна из историй болезни и исцеления, рассказанная самим болевшим Б. Спенсеру (этносоциальная группа какаду на севере Арнемленда, начало XX в.).

Проснувшись как-то утром, рассказчик, Мукалакки, почувствовал недомогание. Задумавшись над этим, он решил, что пришло время расплаты за совершенное много лет назад нарушение табу (однажды он ел запретное мясо змеи кульоаньо). Живший поблизости знахарь подтвердил такую версию и заключил: «Сегодня ты умрешь!» К вечеру Мукалакки стало совсем плохо: дух кульоаньо «обвил» его тело, «пронзил» голову и время от времени «высывался из лба, заглядывая прямо в глаза». Все это сопровождалось сильными судорогами, так что нескольким мужчинам пришлось держать Мукалакки за ноги, за руки и за голову.

Сознавая серьезность ситуации и, очевидно, не желая примириться с приговором местного знахаря, родичи больного решили послать за прославленным лекарем из отдаленной группы Морпуном. Этот знахарь не замедлил явиться на зов: подобно скорой помощи, 14 миль он шел, а то и бежал, ни разу не отдохнув. Подойдя к лагерю больного, он остановился на некотором расстоянии и какое-то время, молча, наблюдал за происходящим.

Затем решив, что настало время действовать, Морпун прежде всего велел женщинам, находившимся около больного (и, как можно догадаться, выразавшим свое сочувствие громкими воплями и причитаниями), отойти подальше.

Когда Мукалакки в очередной раз вскочил, потому что «змея кульоаньо снова вылезла у него из лба и стала глядеть ему в глаза», Морпун, подойдя вплотную к больному, внезапным движением схватил «змею» за голову.

Никто, кроме него и Мукалакки, не мог этого видеть. Морпун держал «змею» очень крепко и осторожно «разматывал» ее, освобождая

тело Мукалакки. Когда эта операция была успешно закончена, Морпун «свернул змею кольцами и положил себе в сумку».

Вскоре Мукалакки ощутил большое облегчение, он смог свободно дышать, потом уснул. Знахарь провел ночь на стоянке больного и на следующий день ушел в «свою страну». «Дух кульоаньо» он унес с собой, чтобы далеко в горах выпустить его в один из водоемов со словами: «Лежи на дне, не возвращайся назад».

С тех пор кульоаньо не тревожил Мукалакки, но он пережил огромное потрясение и был уверен, как и все остальные свидетели этого происшествия, что если бы не Морпун, он бы умер [Артемова О.Ю., 1987, с. 154–155].

Перед нами — великолепная демонстрация естественной театрализации жизни, а также использования театральных техник в знахарском ремесле, демонстрация силы «внушения», вирусной природы попадания «психической заразы» в страдальца и героического его исцеления не менее мощным манипуляционным воздействием.

Но кто сказал, что с укреплением цивилизации, развитием «меметической» внутренней культуры человечество освободилось от древних психических пут, которые много времени назад мгновенно поражали и парализовывали сознание аборигена одним только намеком, лаем собаки, злобным взглядом в его сторону?

Судя по скорости распространения «токсичных мемов», психической заразы в общественной среде, сила внушения и самовнушения осталась по-прежнему мощной, артистичной и прагматичной.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что у внушения есть определенный вирусный потенциал. А поскольку театральность как механизм адаптации стремится использовать возможности внушения для достижения цели, можно предположить и некоторые проявления вирусного потенциала у самой театральности.

Выводы

1. Театральность, предположительно, есть элемент психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью.

2. Театральность складывается как сложный самоорганизующийся механизм выживания и

адаптации человека к внешним и внутренним вызовам.

3. Среди элементов театральной природы человека можно выделить такие элементы, как притворство, представление, манипуляцию, артистизм, хитрость, прагматизм, внушение.

4. Игра и театральность как феномены тесно переплетены между собой, но не равны друг другу.

5. Игра не предполагает нарушения правил, в то время как театральный человек нарушает правила тогда, когда это ему нужно.

6. Внушение предстает как феномен, крайне распространенный в общественной среде.

7. Внушение обладает вирусным потенциалом, является «психической заразой» для мозга.

8. Театральный человек стремится использовать внушение для достижения целей, в связи с чем сама театральная природа приобретает вирусный потенциал.

Научный потенциал

Исследование проблемы «театрального человека» представляется весьма перспективным, однако есть и существенные трудности. Во-первых, сложно обозначить границы театральной природы человека. Понятие «театральность» выглядит пока весьма размытым понятием. Театральность можно перепутать с игрой, театральным расстройством личности и т.д.

Во-вторых, как правило, авторы научных работ о театральном поведении человека и общества ограничиваются описанием примеров театрализации, не предлагая осмыслить суть самого феномена «театральный человек». Есть много исследований по психиатрии и психологии, посвященных ряду патологий, ассоциирующихся с театральностью, однако профессиональный диапазон изучения психологическими науками и ограничивается. Не хватает междисциплинарного подхода к данной проблеме, где театральный человек исследовался бы многоаспектно: на биологическом, социокультурном, психологическом, аксиологическом уровнях.

Результаты такой работы могли бы принести пользу для философских наук, наук о человеке, для развития междисциплинарного подхода к исследованию человека как сложной, самоорганизующейся системы. Результаты нашего исследования расширяют представления о человеке как философской проблеме.

Первые его результаты, посвященные исследованию феномена театральности, были апробированы в сборнике трудов конференции «Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 531». Научная статья «Размышления о театральной природе человека: внушение и его скрытый потенциал» выступает как обновленный и углубленный вариант проводимого исследования, которое предполагается продолжить.

Список литературы

Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в ранне-первобытной общине (по австралийским этнографическим данным) / Академия наук СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 200 с.

Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. 3-е изд., знач. доп. СПб.: К.Л. Риккер, 1908. 175 с.

Деннетт Д. Опасные мемы и эволюция культуры: как не стать носителем паразитирующих идей // Моноклер. 2020. URL: <https://monocler.ru/opasnyie-memyi-i-evolyutsiya-kulturyi/> (дата обращения: 29.01.2022).

Докинз Р. Эгоистичный ген / пер с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ: Corpus, 2016. 512 с.

Евреинов Н.Н. Демон театральности / сост., общ. ред. и коммент. А.Ю. Зубкова, В.И. Максимова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.

Иванников В.А. О природе и происхождении психики. // Национальный психологический журнал. 2015. № 3(19). С. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0302>

Кайюа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2007. 304 с.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения: пер. с нем. СПб.: Наука, 1999. 471 с.

Сидис Б. Психология внушения / предисл. У. Джемса; пер. с англ. М. Колоколова. СПб.: Изд. Б.Н. Звонарева, 1902. 398 с.

Смородинцев А.А., Смородинцева Е.А. Сражение с невидимками или борьба за жизнь. СПб.: Н-Л, 2011. 208 с.

Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. В. Ошиса. М.: АСТ, 2004. 540 с.

Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / пер. с нем. А.В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.

Mick-Evans K. One Does Not Simply Preserve Internet Memes: Preserving Internet Memes Via Participatory Community-Based Approaches: Master of Arts Thesis. 2019. URL: <https://www.researchgate.net/publication/334052666> (accessed: 29.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18093.54240>

Nissenbaum A., Shifman L. Meme Templates as Expressive Repertoires in a Globalizing World: A Cross-Linguistic Study // Journal of Computer-Mediated Communication. 2018. Vol. 23, iss. 5. P. 294–310. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy016>

Rakhimova M.V. Is There a Viral Potential in «Suggestion» as a Quality of Theatrical Human Nature? // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Vol. 531: Proceedings of the Conference on Current Problems of Our Time: the Relationship of Man and Society (CPT 2020). Yakutsk: Atlantis Press, 2021. P. 45–51. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/cpt-20/125953289> (accessed: 29.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210225.009>

Получена: 01.02.2022. Принята к публикации: 30.04.2022

References

Artemova, O.Yu. (1987). *Lichnost' i sotsial'nye normy v ranne-pervobytnoy obschine (po avstraliyskim etnograficheskim dannym)* [Personality and social norms in the early primitive community (according to Australian ethnographic data)]. Moscow: Nauka Publ., 200 p.

Bekhterev, V.M. (1908). *Vnusheniye i ego rol' v obschestvennoy zhizni* [Suggestion and its role in public life]. St. Petersburg: K.L. Rikker Publ., 175 p.

Dawkins, R. (2016). *Egoistichnyy gen* [The selfish gene]. Moscow: AST Publ., Corpus Publ., 512 p.

Dennett, D. (2020). *Opasnye memy i evolutsiya kul'tury* [Dangerous memes and the evolution of culture]. *Monokler*. Available at: <https://monocler.ru/opasnyie-memyi-i-evolyutsiya-kulturyi/> (accessed 29.01.2022).

Evreinov, N.N. (2002). *Demon teatral'nosti* [The demon of theatricality]. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad Publ., 535 p.

Fink, E. (2017). *Osnovnyye fenomeny chelovecheskogo bytiya* [The main phenomena of human existence]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 432 p.

Huizinga, J. (2004). *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]. Moscow: AST Publ., 540 p.

Ivannikov, V.A. (2015). [On the nature and origin of the human psyche]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 3(19), pp. 15–23. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0302>

Kant, I. (1999). *Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya* [Anthropology from a pragmatic point of view]. St. Petersburg: Nauka Publ., 471 p.

Kayua, R. (2007). *Igry i Lyudi; Stat'i i Esse po sotsiologii kul'tury* [Games and people; Articles and essays on the sociology of culture]. Moscow: OGI Publ., 304 p.

Mick-Evans, K. (2019). *One does not simply preserve Internet memes: Preserving Internet memes via participatory community-based approaches: master of arts thesis*. Available at:

<https://www.researchgate.net/publication/334052666> (accessed 29.01.2022). DOI:

<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18093.54240>

Nissenbaum, A. and Shifman, L. (2018). Meme templates as expressive repertoires in a globalizing world: across-linguistic study. *Journal of Computer-*

Mediated Communication. Vol. 23, iss. 5, pp. 294–310. DOI: <https://doi.org/10.1093/jcmc/zmy016>

Rakhimova, M.V. (2021). Is there a viral potential in «suggestion» as a quality of theatrical human nature? *Advances in social science, education and humanities research. Vol. 531: Proceedings of the conference on current problems of our time: the relationship of man and society (CPT 2020)*. Yakutsk: Atlantis Press, 2021, pp. 45–51. Available at: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/cpt-20/125953289> (accessed: 29.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210225.009>

Sidis, B. (1902). *Psikhologiya vnusheniya* [Psychology of suggestion]. St. Petersburg: B.N. Zvonarev Publ., 398 p.

Smorodintsev, A.A., Smorodintseva, E.A. (2011). *Srazhenie s nevidimkami ili bor'ba za zhizn'* [The battle with the stealth or fight for life]. St. Petersburg: N-L Publ., 208 p.

Received: 01.02.2022. Accepted: 30.04.2022

Об авторе

Рахимова Майя Вильевна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин

Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского, 454091, Челябинск, ул. Плеханова, 41; e-mail: mayesta@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5343-748X>
ResearcherID: AAD-5419-2022

About the author

Maya V. Rakhimova

Candidate of Philosophy, Docent, Head of the Department, Associate Professor of the Department of Socio-Humanitarian and Psychological-Pedagogical Disciplines

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky, 41, Plekhanov st., Chelyabinsk, 454091, Russia; e-mail: mayesta@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5343-748X>
ResearcherID: AAD-5419-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рахимова М.В. Размышления о театральной природе человека: внушение и его скрытый потенциал // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 242–253. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-242-253](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-242-253)

For citation:

Rakhimova M.V. [Reflections on the theatrical nature of a human being: suggestion and its hidden potential]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 242–253 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-242-253](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-242-253)

УДК 101.1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-254-263

ОТЧУЖДЕННЫЙ ХАРАКТЕР СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ

Мельников Виктор Олегович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

В современном обществе общественно-политические движения все чаще обращают на себя внимание по мере все большего вовлечения людей в политическую активность. Эти процессы становятся объектом анализа многочисленных социологических, политологических исследований. К сожалению, в современной социально-философской литературе общественно-политическим движениям уделяется немного внимания. Приходится констатировать, что сегодня нет даже устоявшегося социально-философского определения данного феномена. В рамках данной статьи предлагается вариант разработки такого определения через концепт отчуждения, поскольку политика и ее институты, включая общественно-политические движения, появляются как результат отчуждения человека от своей родовой сущности, от самого себя. При этом в статье демонстрируется также, что отчуждение является не только ключевой причиной появления данных движений, но и через это проявление в конечном счете — их главной (но не всегда осознаваемой) целью: всякое движение стремится снять его хотя бы частично. В этом смысле все общественно-политические движения объективно стремятся к уничтожению условий для существования общественно-политических движений. Однако реализация данного стремления может вести как к социальному прогрессу, понимаемому как увеличение многообразия человеческих сущностных сил, усложнение человека, так и — к регрессу, содержательному обеднению человека.

Ключевые слова: общественно-политические движения, отчуждение, сущность человека, капитализм, прогресс, регресс.

DEFINING THE PHENOMENON OF SOCIO-POLITICAL MOVEMENT THROUGH THE CONCEPT OF HUMAN ALIENATION

Viktor O. Melnikov

Perm State University (Perm)

In modern society, socio-political movements are increasingly attracting attention as more and more people are becoming involved in political activity. These processes become the object of analysis in numerous social and political studies. Unfortunately, socio-political movements receive little attention in modern socio-philosophical literature. It must be acknowledged that today there is even no established socio-philosophical definition of this phenomenon. The paper suggests developing such a definition through the concept of alienation since politics and its institutions, including socio-political movements, appear as a result of a human's alienation from his generic essence, from himself. The article also demonstrates that alienation is not only the key reason for the emergence of these movements but also, ultimately, their main (but not always realized) goal: every movement seeks to remove alienation, at least partially. In this sense, all socio-political movements objectively struggle to destroy the conditions for the emergence and existence of socio-political movements. However, the implementation of this aspiration may lead to both a social progress, understood as an increase in the diversity of human essential forces, the complication of a human, and to regression.

Keywords: socio-political movements, alienation, human essence, capitalism, progress, regression.

Введение

Современные общественно-политические движения: альтерглобалисты, «зеленые», феминистки, «интернет-пираты» и другие — сегодня вызывают все больше общественного интереса к своей деятельности. Отчасти это связано с нарастанием проблем, против которых они борются (экологическая катастрофа, например), отчасти — с повышенным вниманием СМИ, отчасти — с усилением радикализма данных движений. Ученые тоже не остаются в стороне, и общественно-политические движения становятся предметом изучения разных наук: социологии, политологии, психологии и т.д. Социальная философия также входит в этот перечень, однако, к сожалению, ее присутствие выглядит пока значительно скромнее. Можно сказать, что сегодня в отечественной социальной философии не только не сложились подходы к целостному осмыслению этого феномена, но и практически нет даже осторожных подступов к нему. Так, например, до сих пор вопрос о социально-философском определении общественно-политических движений остается открытым. Между тем тема фундаментальных оснований существования и развития данного феномена представляет собой большой теоретический (а также практический, как мы отметили выше) интерес. Отсюда и вытекает цель статьи: попытаться выработать социально-философское определение феномена общественно-политических движений.

Наша методологическая платформа подразумевает, что исследование любого феномена социальной реальности следует начинать с человека, его сущности, так как общество — это люди как материальные социальные существа «плюс» связи между ними. Марксистская концепция сущности человека имела и имеет разные интерпретации у различных ее представительниц. Мы базируемся на видении человека как социального материального существа, который посредством преобразования мира вокруг себя создает себя и свое бытие (являясь, таким образом, субстанцией исторического процесса) [Орлов В.В., Васильева Т.С., 1991, с. 8–15]. При этом под «миром вокруг себя» понимается не только (и даже не столько) природа, но и общественный мир, т.е. люди и отношения между

ними. Под «преобразованием мира» — жизненный процесс реальных исторических индивидов, заключенный в их повседневности. Этот процесс представляет собой реализацию потенций человеческих сущностных сил: труда, общения, сознания и др. Отсюда получается, что человек (человечество) ежедневно творит себя во всех своих бесчисленных формах и проявлениях.

Однако разумеется, что делает он это отнюдь не произвольным образом: как известно, сущность человека в рамках антагонистических формаций деформируется, приобретает отчужденный характер. Феномен отчуждения впервые становится предметом внимания со стороны философов в рамках немецкой классической философии: И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинга, Г.В.Ф. Гегеля и Л.А. Фейербаха. Однако именно К. Маркс дал последовательную материалистическую интерпретацию данному феномену, увязав его с историческими условиями существования живых, конкретных индивидов. При этом, вопреки мнению некоторых ученых, тема отчуждения, активно разрабатываемая Марксом в ранних работах («К еврейскому вопросу», «Критика Гегелевской философии права», «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и т.д.), никуда не исчезает и в т.н. «поздний период». В «Капитале» и предварительных работах к нему Маркс фактически развивает концепцию отчуждения на более конкретном уровне — посредством анализа товарного производства (см., напр.: [Рагозин Н.П., 2017]). Тема отчуждения развивалась и после К. Маркса, например, такими авторами, как Д. Лукач, Э. Фромм, Г. Маркузе и т.д. [Лукач Д., 1987; Фромм Э., 2005; Маркузе Г., 2003], — на Западе, Г.С. Батищевым, А.П. Огурцовым, И.С. Нарским и т.д. — в советской философии [Батищев Г.С., 1997; Огурцов А.П., 1967; Нарский И.С., 1983]. Не утратила популярности тема сущности человека, его отчуждения и среди современных авторов (см., напр.: [Шетулова Е.Д., 2010; Булавка-Бузгалина Л.А., 2018; Кондрашов П.Н., 2019; Прозументик К.В., 2020]).

Отчужденный характер производства людьми своей жизни приводит к разрыву *целостности* сущности человека. «...Все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального

рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека [einen Teilmenschen], принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности, отчуждают от рабочего духовные силы процесса труда в той мере, в какой наука входит в процесс труда как самостоятельная сила; делают отвратительными условия, при которых рабочий работает...» [Маркс К., 1960, с. 660]. Создание «частичного рабочего» создает такого же «частичного» человека: не имея возможности полноценно реализовывать свои творческие потенции в труде, человек лишается возможности выстраивать себя как гармонично развитого существа. В этом объяснении кроется большой эвристический потенциал для понимания наиболее фундаментальных оснований многих современных социальных феноменов, в т.ч. и общественно-политических движений.

Отчуждение и общественно-политические движения

Отчуждение человеческой сущности — это объективный процесс, начавшийся с разделения труда на духовный и материальный. Известно, что пока труд был слабо дифференцирован, он был малопродуктивным. Поскольку не было разделения труда внутри общины, трудовая деятельность совершалась в рамках простой кооперации, род и индивид фактически не были разделены, и на основе этого отдельный человек не мыслил себя вне той общности, к которой он принадлежал. Тем не менее на определенном этапе развития произошла настоящая революция (продолжавшаяся очень долгий исторический период): непосредственным трудом и управлением им стали заниматься разные индивиды, что позволило резко увеличить общую производительность, т.к. появилась возможность реализации более сложных задач: например, выстраивать систему ирригации в долинах крупных рек. Все дальнейшее развитие труда, накопление общественного богатства, увеличение способности людей к труду было связано с его разделением. Таким образом, если в первобытно-общинном строе была ситуация равенства, когда человек мог удовлетворить свои потребности, занима-

ясь совместным трудом с другими людьми и пользуясь наравне с ними результатами данного труда, то с разделением труда на духовный и материальный образовалась ситуация, когда есть когорта людей, не занимающихся материальным трудом непосредственно. Они получали материальные блага через присвоение общественного продукта, однако продукт их труда не отчуждался в пользу большинства населения. Данное присвоение в рамках всех антагонистических формаций проходило через отчуждение средств производства. При этом отчуждению подвергался не только вещественный компонент производительных сил, но и личный: отчужденный труд стал основой формирования модели общественного развития, при которой жизненные силы одних становятся средством развития других. Формирование института частной собственности уже закрепило данную модель, которая достигает своего апогея при капитализме, когда формой частной собственности становится капитал. Капитал — это стоимость, возрастающая по мере накопления «живого труда» людей и разделяющая их сущность на две стороны: отчужденную сторону, производимую абстрактным трудом, доминирующую сегодня, и неотчуждаемую сторону, производимую конкретным трудом [Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006, с. 112]. Постепенное содержательное обогащение рода на протяжении всей истории шло через обнищание индивида, и это противоречие, противоречие между родовой и индивидуальной сущностью человека, является стержнем исторического процесса.

После обретения определенным слоем населения возможности контроля над средствами производства (в первую очередь — над самими людьми) развивается борьба за реализацию этой возможности, т.е. появляется политика и ее институты: классы, государство, общественно-политические движения и т.д.

Не останавливаясь на первых двух, укажем, что они явные продукты отчужденного характера сущности человека. В той или иной форме это признается практически всеми учеными. Однако общественно-политические движения — это еще один важный институт помимо классов и государства, который формируется в рамках процесса разделения труда и появления частной собственности. В этом смысле это

один из древнейших институтов человечества и он также есть продукт отчуждения. Тем не менее чаще всего определения данного института носят абстрактный характер, как, например следующее: «Это добровольное, самоуправляемое формирование, созданное по инициативе людей снизу, объединившихся на основе общности интересов для осуществления общих целей. Движение, как правило, структурно не оформлено. При общности интересов в нем могут быть разномыслящие люди. Цели и задачи общественно-политического движения подвижны, часто не конкретны, постоянно видоизменяются и расширяются. В движении наличествует широкий, массовый и подвижный состав участников, широкая социальная база, организационная, идейная и духовно-ментальная рыхлость и нестабильность его участников» [Коновалов В.Н., 2010]. В данном определении зафиксировано немало действительных признаков движения, однако среди них не выделено ключевого, главного, в результате чего получается перечислительное определение со всеми вытекающими проблемами. Самое же главное — то, что признак отчуждения никоим образом в определение не вписан (отчасти это можно объяснить тем, что оно является политологическим). Поскольку целью данной работы является выведение социально-философского определения общественно-политических движений, попытаемся сначала дать ряд предварительных заключений.

Итак, как мы уже отметили, человек действительно производит себя во всех своих формах и проявлениях и в рамках антагонистических формаций этот процесс приобретает отчужденный характер. Это относится и к производству различных идентичностей: семейных, этнических, профессиональных, классовых и так далее, которые ежедневно воспроизводятся миллиардами людей по всему миру в рамках своей жизнедеятельности. Часть из этих идентичностей приобретает политическое выражение, тем самым формируя фундамент общественно-политического движения. Таким образом, отчуждение становится причиной появления и развития общественно-политических движений. Отчуждение при этом может быть самых разных форм и видов — их количество равняется количеству граней, сторон человеческой сущности, т.е. потенциально бесконечно.

Несмотря на появляющееся отсюда многообразие общественно-политических движений, следует заметить, что их все-таки можно типологизировать по основным формам и видам отчуждения: в труде, общении и сознании. Так, разделение труда, частная собственность, превращение рабочего в товар, бессмысленность рабочего процесса и т.д. способствуют появлению, например, рабочего движения. Институт государства с его системой подавления личности, классовые различия, объективация индивида и другие виды отчуждения в общении, в свою очередь, также порождают самые разные движения. В частности, невозможность осуществления каких-либо действий из-за принадлежности к определенной расе инициирует антирасистское движение, невозможность воспроизводства себя как представителя определенной этнической группы — национальное. Культ потребительства, денег, мещанские ценности и другие виды отчуждения в сознании по такому же принципу могут порождать движения, которые борются с этим «в сфере идей» (хотя методы могут быть и вполне материальные): наиболее ярким примером могут быть религиозные организации, порицающие современный капитализм за антигуманность, за превращение людей в последователей Рынка и т.д.

Далее стоит отметить, что отчуждение является не только причиной появления, существования и развития общественно-политических движений, но и их целью: все они так или иначе стремятся к его снятию хотя бы в частичном виде. Здесь нужно иметь в виду несколько моментов. Во-первых, не стоит преувеличивать их масштаб: далеко не все движения борются за «преодоление разрыва между индивидуальной и родовой сущностью человека» и почти нет движений, в которых бы вообще использовали подобную риторику в своих программах, манифестах и т.д. Однако отсутствие какого-либо предмета в общественном дискурсе еще не означает, что его нет в действительности, вскрыть объективные условия развития которой — задача социальной философии. Этот глубинный, абстрактный уровень зачастую не фиксируется сознанием даже представителей руководства движений.

Во-вторых, «снятие отчуждения» понимается в материалистическом ключе, т.е. в первую очередь — через разрушение тех материальных

условий, которые и создают основу для отчуждения.

В третьих, даже среди марксистов нет консенсуса по поводу принципиальной возможности «окончательного, положительного снятия отчуждения». Ряд ученых считает наличие отчуждения необходимостью для развития (см., напр.: [Шетулова Е.Д., 2010]), что через снятие одних форм отчуждения (и достижение определенной ступени прогресса) неминуемо следует образование других. Данная точка зрения представляется убедительной, однако при этом нужно добавить, что «положительное снятие отчуждения между родовой и индивидуальной человеческой сущностью» все же может быть неким вектором, направлением, не каким-то состоянием, а «действительным движением». В этом смысле, по аналогии с предложенным В.И. Лениным описанием процесса постижения абсолютной истины через постижение относительной [Ленин В.И., 1953], можно полагать, что снятие отчуждения между родовой и индивидуальной человеческой сущностью возможно через элиминацию каких-то его особенных форм, т.е. в относительном виде. Степень относительности может быть при этом разной: от Великой Французской революции, давшей достаточно большому числу людей определенный горизонт возможностей и свобод, до пусть и скромной, но, тем не менее, важной победы какого-нибудь локального профсоюза в борьбе за улучшение условий труда в пределах своего предприятия.

В четвертых, направленность каждого общественно-политического движения на снятие отчуждения не гарантирует, что это движение не зайдет в тупик: объективность основания и возможности снятия не равна субъективной ее реализации. Более того, как бы прогрессивная, благородная цель — избавление от отчуждения, возвращение целостности человеку — отнюдь не является гарантией выбора таких же благородных и прогрессивных методов борьбы: нередко гуманистическую цель пытаются добиться антигуманными методами. В этом смысле многие движения сами по себе становятся не только проводниками, но и агентами цивилизационного кризиса. Как во времена первой промышленной революции существовало движение луддитов, которое считало машины угрозой для собственного существования, так и се-

годня можно найти десятки примеров неолуддитских движений, борющихся против автоматизации производства, т.к. она ведет к безработице. Хотя есть определенная истина в том, что техника усугубляет существование человека, все же вряд ли можно считать такие воззрения прогрессивными, поскольку ухудшает существование рабочих не техника, а форма собственности на данную технику. Общее недоверие к науке и прогрессу в среде рабочего класса вырастает из объективных условий существования науки в капиталистических рамках — если в Средневековье она была «служанкой богословия», то сегодня она является «служанкой капитала» [Парсонс Г., 1985]. Таким образом, антисциентизм — движение против развития науки — является очевидным агентом углубления кризисности современного общества, т.к. только на основе научного подхода и можно вывести его из этого состояния. В среде борцов против угнетения со стороны государства тоже можно найти немало реакционных элементов. Терроризм и международный экстремизм — самые явные из них. Террористические акты как средства борьбы порицаются практически всеми общественными силами, включая марксистов. Они же указывают на реальные причины терроризма — отчаяние в возможности разрешения социальных проблем со стороны общества и государства, вызванных их буржуазным характером. Наконец, потребительской идеологии, массовой культуре с ее деградирующим влиянием на общественное сознание противостоят, например, религиозные фундаменталисты и традиционалисты, которых также вряд ли можно занести в прогрессивный лагерь, скорее они усугубляют кризисные процессы, т.к. зачастую имеют установку «против всего нового и непонятного» как принцип. Однако даже самые реакционные силы имплицитно, в извращенной форме, но преследовали цель возврата человека к целостному характеру своей сущности, выбирая при этом зачастую абсолютно неприемлемые, антигуманные средства. К примеру, какой-нибудь представитель радикального ислама действительно считает, что создание Мирового Халифата и установление во всех регионах норм шариата поможет остановить «деградацию» общества, вернет человека к «истинному пути» и т.д. В этом ключе его действия подготовлены односторонне схваченным

пониманием отчужденности своего бытия и бытия общества, в котором он живет. В том случае, если он пытается бороться с отчужденным характером своего существования путем организации террора, то он не только не достигает своей конечной (даже вполне не осознаваемой) цели, но и усугубляет ситуацию, поскольку, не признавая человеческой жизни как высшей ценности, он на определенную долю увеличивает уровень дегуманизации в обществе.

Из вышесказанного вытекает пятый момент, о котором нужно сказать. Сегодня концепты «отчуждения» и «борьбы с отчуждением» во многих научных источниках оказываются «перегруженными» с морально-этических позиций, что может мешать адекватному анализу феномена общественно-политических движений. «Отчуждение» зачастую воспринимается как что-то крайне плохое, а борьба с ним — как нечто позитивное, причем такое, что можно допустить только для тех движений, которые соответствуют ценностям говорящего. Такой подход нередко затушевывает анализ причин появления, выбора форм деятельности и прочего тех движений, которым тот или иной автор не импонирует. Представляется, что различные виды отчуждения и общественно-политические движения, которые пытаются с ними бороться, необходимо рассматривать с беспристрастных позиций, по крайней мере, насколько это возможно. Разумеется, что нельзя поставить, например, радикальных исламистов и альтерглобалистов в один ряд просто по факту того, что и то и другое движение борется против отчуждения — методы достижения цели крайне важны (как и степень ее осознанности). В этом ключе движения можно делить, например, на прогрессивные и реакционные, исходя из того, приводит ли их деятельность к увеличению многообразия сущностных сил человека, или к сохранению существующих, или же — к их уменьшению.

Тем не менее какими бы ни были методы, они так или иначе связаны с политикой: борьба за политическую власть является еще одной неотъемлемой чертой общественно-политических движений. При этом под «борьбой за политическую власть» понимаются не только (и даже не столько) выборные кампании и попытки занять какие-либо места в государственном аппарате, но и низовое давление на улицах

(различные акции, пикеты и так далее), лоббизм, борьба за гегемонию в общественном дискурсе и т.д.

Наконец, общественно-политические движения — это общественный институт в том смысле, что они являются частью общества, всегда связаны с ним, т.е. конкретно-исторически обусловлены. Институциональность движения в данном случае — свидетельство того, что если конкретные движения и могут быть крайне недолговечным образованием, то само их существование на протяжении всей истории человечества отражает их устойчивый характер как формы деятельности. Причем не просто деятельности, а политической деятельности, что означает, что общественно-политические движения всегда являются частью любой политической системы, где они борются за власть как за возможность контроля над средствами воспроизводства человеческой жизни (общества филателистов, и любителей шахмат в этой связи движениями не являются). Институциональность движения свидетельствует также о том, что само оно порождает отчуждение для своих членов, поскольку даже для самого прогрессивного движения они интересны только как борцы, активисты, участники и так далее, но не как люди. В этом смысле отчуждение невозможно снять до тех пор, пока существуют общественно-политические движения.

Резюмируя, можно с учетом всех вышеописанных моментов сформулировать следующее социально-философское определение общественно-политических движений: *это общественный институт борьбы за политическую власть, постоянно порождаемый отчуждением человеческой сущности и направленный на его снятие.*

Данное определение охватывает несколько признаков движения и при этом не теряет ключевого — того, что движение порождается отчуждением и стремится к его снятию при всех вышеописанных оговорках про это «стремление»: оно объективное, а не субъективное, хотя порою и может становиться субъективным, если будет осознано представителями движения. По-видимому, степень осознанности этой конечной цели напрямую зависит от близости того или иного общественно-политического движения к материальному производству, базису общественно-экономической формации. В этом

смысле любые общественно-политические движения крепко связаны с классами, хотя далеко и не всегда включают в себя представителей только одного класса. К слову, в движения входят и представители правящего класса, т.к. их существование также носит частичный характер, ведь они не занимаются материальным трудом (несмотря на то, что уровень жизни у них куда лучше, чем у угнетенного класса).

Снятие отчуждения?

В чем объективные основания устремленности движения к снятию отчуждения с человека? Как мы уже упоминали, в рамках антагонистических формаций, и особенно при капитализме, индивидуальная (да и родовая) сущность человека как бы раздваивается, где одна (доминирующая) часть производится при помощи абстрактного труда и выражает количественный рост богатства всего общества и обеднение отдельного человека. Данный процесс находит свое отражение и в социально-классовой структуре общества, и в общественном сознании. В таких условиях каждый индивид — участник движений (а они всегда состоят из реальных индивидов) — является носителем такой отчужденной, абстрактной сущности. Движение в таком случае, объединяя подобных индивидов, становится обобщенным носителем этой абстрактности. Получающаяся таким образом универсальность движения делает его тождественным всему обществу. Данное обстоятельство позволяет говорить о наличии у движения потенциала к изменению общества, тем большего, чем больше тождественности обществу это движение несет. В случае с абстрактной составляющей сущности человека речь идет о количестве участников движения. Несмотря на то что потенциально это количество ограничено лишь количеством населения на определенной территории, у любого движения на этом пути возникают конкуренты — другие движения и государство как наибольший с количественной точки зрения институт («всеобщий абстрактный интерес» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955b, с. 31–32]). Именно поэтому движения бьются за политическую власть, как за захват (полноценный или частичный) этого института, так и за его уничтожение.

Тождественность обществу как способ снятия отчуждения и, следовательно, достижения

ключевой цели общественно-политического движения признавалась в специфической (классовой) форме и классиками марксизма: «коммунистическая революция выступает против существующего до сих пор характера деятельности, устраняет труд и уничтожает господство классов вместе с самими классами, потому что эта революция совершается тем классом, который в обществе уже не считается более классом, не признается в качестве класса и является уже выражением разложения всех классов, национальностей и т.д.» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955b, с. 70]. Отсюда не только вытекает тезис о том, что окончательно отчуждение преодолевается силами всего планетарного общества, но и подтверждается высказанное выше положение, что общественно-политическое движение может достигнуть своей конечной цели — положительного снятия отчужденного характера человеческой сущности, — только перестав быть общественно-политическим движением.

Однако количественная сторона процесса снятия отчуждения не может быть единственным основанием для этого процесса — должна быть и качественная. По мере развития абстрактного труда развивается и конкретный — способность человека создавать потребительные стоимости, вещественное богатство общества. Развитие данной стороны также используется капиталом для самовозрастания, что ведет к различным противоречиям. Однако сегодня возникает ряд мнений о том, что образуемая с помощью данного труда сторона сущности человека достигла такого уровня развития, что может получить эмансипацию от абстрактной, отчужденной стороны, а точнее — поглотить ее. Этот процесс с разных сторон и с разной степенью проработки рассматривается в ряде работ современных марксистов (см., напр.: [Бузгалин А.В., Колганов А.И., 2019; Орлов В.В., Васильева Т.С., 2006; Гриценко В.С., 2012; Рагозин Н.П., 2017]). Нас же здесь интересует только тот момент, что формирование «всеобщего», «автоматизированного», «научного», «творческого» и тому подобного труда (которое мы наблюдаем сегодня) способствует эмансипации человеческой сущности, выходу ее из отчужденного состояния, причем на основе тех общественных законов развития, сообщивших ей эту отчужденность.

При этом целостный характер сущности человека — это еще и социальный идеал, результат действий как объективных, так и субъективных факторов исторического процесса. В этой связи, как мы уже отмечали, можно разделить все общественно-политические движения на две большие и, к сожалению, неравные группы: прогрессивные и реакционные. Уже говорилось и о том, что все движения так или иначе стремятся снять отчужденный характер бытия человека, но пытаются этого добиться разными методами, с разными последствиями для всего общества. Порою деятельность движений из реакционного лагеря может способствовать частичному возвращению человека к самому себе (например, в рамках деятельности религиозных организаций). Однако при таком подходе отчуждение «снимается» посредством упрощения человека, т.е. ограничения многообразия и развитости его сущностных сил, в то время как действительное, положительное снятие отчуждения возможно лишь при умножении этих сил, всестороннем развитии человека. Направленность на положительное снятие отчуждения — устранение самих основ появления общественно-политических движений — это лакмусовая бумажка, по которой можно занести определенное движение в прогрессивный или реакционный лагерь. Движения, которые борются за благополучие как можно большего числа людей, за условия жизни, когда «свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955а, с. 447], — это движения, которые способны повести человечество к социальному идеалу, не важно: достижимому в реальности или нет.

Заключение

Как мы выяснили, общественно-политические движения — это продукт отчужденного характера сущности человека. Однако неужели в таком случае различные определения из других наук являются ошибочными? Отнюдь — фиксация таких признаков движения, как самоуправляемость, добровольность, наличие какой-либо организационной структуры и прочие, — все это действительно важно. Более того, это соотносится с сущностью человека, ведь сама возможность объединения людей для решения каких-то вопросов управления процес-

сом общественного воспроизводства укоренена в ней — люди — это социальные существа. Объединения людей для достижения общих целей присутствуют и будут присутствовать во всех общественно-экономических формациях. Однако принципиальная разница состоит в том (и это фиксирует социальная философия как наука о наиболее общих, фундаментальных сторонах жизнедеятельности общества), что в рамках антагонистических формаций деятельность людей носит неполноценный, отчужденный характер — сама политика и различные ее формы (включая движения) появляются как отчужденное материальное бытие людей. От того, насколько последовательно современные общественно-политические движения будут идти по пути снятия этого отчуждения и всего, что оно породило (включая самих себя), будет зависеть будущее человечества. «Человечество создает новый тип цивилизации, полностью соответствующий сущностным силам человека и единственно достойный его... это знаменует собой эпоху, когда человек, как это предвидел К. Маркс, будет действительно присваивать себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, следовательно, как целостный человек» [Фролов И.Т., 2008, с. 287].

Список литературы

- Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997. 464 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Детерминанты социально-классового структурирования общества и их специфика в условиях системных трансформаций // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440005336-4>
- Булавка-Бузгалина Л.А.* Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 167–179. DOI: <https://doi.org/10.7868/s0042874418060146>
- Гриценко В.С.* Труд в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2012. 221 с.
- Кондрашов П.Н.* Философия Карла Маркса: экзистенциально-антропологические аспекты / Ин-т философии и права УО РАН. М.: URSS, 2019. 216 с.
- Словарь по политологии* / под ред. проф. В.Н. Коновалова. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2001. 285 с.

Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Госполитиздат, 1953. 352 с.

Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.

Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 7–544.

Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ, 2003. 331 с.

Нарский И.С. Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса. М.: Мысль, 1983. 144 с.

Огурцов А.П. Отчуждение и человек: историко-философский очерк // Человек, творчество, наука. Философские проблемы: тр. Моск. конф. молодых ученых. М.: Наука, 1967. С. 41–82.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Труд и социализм. Пермь: Перм. ун-т, 1991. 204 с.

Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 266 с.

Парсонс Г. Человек в современном мире. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

Прозументик К.В. Феномен человеческого отчуждения: социально-онтологический аспект // Философия и культура. 2020. № 3. С. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.3.32269>

Рагозин Н.П. Проблема всеобщего труда и его отчуждения в «Капитале» К. Маркса // Культура и цивилизация (Донецк). 2017. № 2(6). С. 36–59.

Фролов И.Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 296 с.

Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. 574 с.

Шетулова Е.Д. Социально-философский анализ отчуждения в историческом процессе: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2010. 310 с.

Получена: 08.12.2021. Принята к публикации: 15.03.2022

References

Batischev, G.S. (1997). *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the dialectic of creativity]. St. Petersburg: RHGI Publ., 464 p.

Bulavka-Buzgalina, L.A. (2018). [Dealienation: from philosophical abstraction to sociocultural practices]. *Voprosy Filosofii*. No. 6, pp. 167–179. DOI <https://doi.org/10.7868/s0042874418060146>

Buzgalin, A.V. and Kolganov, A.I. (2019). [Determinants of the social-class structuring of the society and its specificity in the conditions of system transformations]. *Voprosy Filosofii*. No. 6, pp. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440005336-4>

Frolov, I.T. (2008). *Perspektivy cheloveka: opyt kompleksnoy postanovki problem, diskussii, obobsheniya* [Human perspectives: experience of complex problem formulation, discussions, generalizations]. Moscow: LKI Publ., 296 p.

Fromm, E. (2005). *Zdorovoe obschestvo. Dogmat o Khriste* [The sane society. The dogma of Christ]. Moscow: AST Publ., 574 p.

Gritsenko, V.S. (2012). *Trud v postindustrial'nom obschestve: dis. ... kand. filoz. nauk* [The labor in post-industrial society: dissertation]. Perm, 221 p.

Kondrashov, P.N. (2019). *Filosofia Karla Marksa: ekzistentsial'no-antropologicheskie aspekty* [The philosophy of Karl Marx: existential and anthropological aspects]. Moscow: URRS Publ., 216 p.

Konovalov, V.N. (ed.) (2001). *Slovar' po politologii* [Dictionary of political science]. Rostov-on-Don: RSU Publ., 285 p.

Lenin, V.I. (1953). *Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskie zametki ob odnoy reaktivnoy filosofii* [Materialism and empirio-criticism. Critical comments on a reactionary philosophy]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 352 p.

Lukács, G. (1987). *Molodoy Gegel' i problemy kapitalisticheskogo obschestva* [The young Hegel and the problem of capitalistic society]. Moscow: Nauka Publ., 616 p.

Marcuse, H. (2003). *Odnomernyy chelovek* [One-dimensional man]. Moscow: AST Publ., 331 p.

Marx, K. (1960). [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 23, 908 p.

Marx, K. and Engels, F. (1955). [The communist manifesto]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 4, pp. 419–459.

Marx, K. and Engels, F. (1955). [The German ideology]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Gospolitizdat Publ., vol. 3, pp. 7–544.

Narsky, I.S. (1983). *Otchuzdenie i trud: po stranitsam proizvedeniy K. Marksa* [Alienation and labor. Through the pages of K. Marx's works]. Moscow: Mysl' Publ., 144 p.

Ogurtsov, A.P. (1967). [Alienation and man: historical and philosophical essay]. *Chelovek, tvorcherstvo, nauka. Filososkie problem: tr. Mosk. konf. molodykh uchenykh* [Man, creativity, science. Philosophical problems: proceedings of the Moscow conference of young scientists]. Moscow: Nauka Publ., pp. 41–82.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (1991). *Trud i sotsializm* [Labor and socialism]. Perm: PSU Publ., 204 p.

Orlov, V.V. and Vasil'eva, T.S. (2006). *Filosofiya ekonomiki* [Philosophy of the economy]. Perm: PSU Publ., 266 p.

Parsons, G. (1985). *Chelovek v sovremennom mire* [A human in the modern world]. Moscow: Progress Publ., 430 p.

Prozumentik, K.V. (2020). [The phenomenon of human alienation: socio-ontological aspect]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. No. 3, pp. 45–57. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.3.32269>

Ragozin, N.P. (2019). [Problem of universal labour and its alienation in K. Marx's «The Capital»]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization]. No. 2(6), pp. 36–59.

Shetulova, E.D. (2010). *Sotsial'no-filosofskiy analiz otchuzdeniya v istoricheskom protsesse: dis. ... d-ra fil. nauk* [Socio-philosophical analysis of alienation in the historical process: dissertation]. Nizhniy Novgorod: 310 p.

Received: 08.12.2021. Accepted: 15.03.2022

Об авторе

Мельников Виктор Олегович

преподаватель кафедры культурологии
и социально-гуманитарных технологий

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>
ResearcherID: GLS-8750-2022

About the author

Viktor O. Melnikov

Lecturer of the Department of Cultural Studies
and Social-Humanitarian Technologies

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: viktor_melnikov_psu@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0483-7364>
ResearcherID: GLS-8750-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мельников В.О. Отчужденный характер сущности человека и общественно-политические движения: к вопросу об определении понятия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 254–263. 10.17072/2078-7898/2022-2-254-263

For citation:

Melnikov V.O. [Defining the phenomenon of socio-political movement through the concept of human alienation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 254–263 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-254-263

УДК 177.8:159.99

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-264-276

СКУЛШУТИНГ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

Узлов Николай Дмитриевич

*Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования
и профессионального обучения (Москва)*

Оконская Наталья Камильевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Внутских Александр Юрьевич

*Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь),
Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)*

Вооруженные нападения учащихся на образовательные учреждения с целью массовых убийств («скулшутинг») исследуются посредством обращения к понятию трансгрессии, определяемому как преодоление внешних и внутренних пределов личности. Скулшутинг рассматривается как деструктивный вариант такого трансгрессивного акта. Авторы исходят из того, что существенным социальным фактором, обуславливающим эту деструктивную трансгрессию, является потеря образованием автономности вследствие его подчинения интересам экономики и политики. Соответственно, образовательная среда утрачивает собственные институциональные границы. Оценка достижений учеников формируется опосредованно: через рейтинг коммерциализации учебного заведения, когда ключевую роль начинают играть не знания и компетенции учащихся, а капитал спонсоров или родителей. Молодежь фактически втягивается в соревнование с профессиональными участниками общественного разделения труда, не обладая при этом их экономической автономностью. Теряя преимущества своей возрастной группы, учащиеся в ситуации искусственно заданной беспомощности испытывают не только отторжение от системы образования, но и агрессию как ее закономерное следствие, что может проявлять себя страшными преступлениями. Авторы статьи полагают, что ограничения на оборот оружия в изоляции от других мер не могут стать эффективным инструментом блокировки деструктивной культуры скулшутинга. Необходимо модернизировать ценностную систему сферы образования, что особенно важно в условиях тех геополитических вызовов, с которыми в последние месяцы столкнулась наша страна. В организации деятельности системы образования следует исходить из того, что возможности использования обучающимися цифровых технологий, их материальное благополучие, наследуемый статус и престиж, внешность, уровень здоровья не должны играть определяющей роли в реализации миссии образования. В противном случае разбалансировка человеческих и экономических ценностей будет способствовать трансгрессии внутренних пределов личности и ее деструкции.

Ключевые слова: скулшутинг, трансгрессия, Предел, Другой, социальные и психологические факторы.

SCHOOL SHOOTING: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE ISSUE

Nikolay D. Uzlov

National Research Institute for Additional Education and Professional Training (Moscow)

Natalia K. Okonskaya

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University (Perm),

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Armed students' attacks at educational institutions for the purpose of mass murder (*school shooting*) are explored in the paper through the conception of transgression. Transgression is defined as overcoming the external and internal limits of human personality. School shooting is a destructive version of transgression. The authors suggest that an important social factor which leads to this destructive transgression is the loss of autonomy by the educational sphere and its subordination to the interests of economy and politics. The educational environment loses its own institutional boundaries. The evaluation of students' achievements is formed indirectly: it depends on the commercialization ratings of educational institutions; the key role is played by the money of sponsors or parents, but not students' knowledge and competences. In fact, young people are forced to take part in a competition with professional participants in the social division of labor, though not having an economic autonomy, in contrast to the latter. Thus, students lose the advantages of their age group and find themselves in a situation of artificially imposed helplessness. They feel rejection from the educational system, and aggression as its consequence. It can lead to terrible crimes. The authors believe that control of the proliferation of firearms alone, without other measures taken, is not an effective tool for blocking the destructive culture of school shooting. It is necessary to change the value system of the educational sphere. This is especially important due to the geopolitical challenges faced by our country in the recent months. The organization of the educational system should be based on the assumption that students' digital opportunities, material well-being, inherited status and prestige, appearance, health level should not play a key role in realizing the mission of education. Otherwise, the imbalance of human and economic values will contribute into transgression of the inner limits of personality and its destruction.

Keywords: school shooting, transgression, Limit, Other, social and psychological factors.

Введение

В конце сентября Пермский классический университет (ПГНИУ) будет отмечать скорбную дату: 20 сентября 2021 г. на территории университета студент-первокурсник совершил массовое убийство — погибли 6 и были ранены 47 человек. Один из авторов данной статьи находился в это время на территории кампуса и четко помнит ощущение нереальности происходящего. Но, к сожалению, эти страшные явления стали неотъемлемой частью современной социальной действительности, в которой, по видимому, функционируют механизмы их воспроизводства. Действительно, даже для России и Пермского края это было далеко не первое происшествие такого рода, не говоря уже, например, об удерживающих печальное первенство по количеству массовых убийств США: достаточно вспомнить об очередном расстреле, который был учинен 18-летним молодым человеком в Буффало 17 мая 2022 г. и унес жизни 10 человек [Марков З., 2022]. На взгляд авторов, очевидно, что факторы, обуславливающие массовые убийства в целом и, в частности, скулшутинг, совершаемый, как правило, молодыми людьми, должны стать пред-

метом именно *комплексного исследования*, в котором значимую роль должны играть философские и психологические понятия и подходы.

Проблема нападений на учебные заведения с целью совершения массового убийства резко обострилась в конце XX – начале XXI в., захватив все континенты [Fiedler N. et al., 2020]. Знаковым стало массовое убийство в школе «Колумбайн» (г. Лиллтон, штат Колорадо, 1999 г.), поскольку именно оно вызвало явную волну подражаний и получило широкую огласку в СМИ. Возникло даже особое понятие — «Колумбайн-эффект». С этого времени школьных убийц стали называть «колумбайнерами», а вооруженные нападения на учебные учреждения — скулшутингом (от англ. school shooting — «школьная стрельба»). Было предложено следующее рабочее определение данного явления: «скулшутинг — это планирование, организация, совершение вооруженного нападения на территории образовательного учреждения (любого уровня) одним или несколькими учащимися с целью массового убийства» [Карпова А.Ю., Максимова Н.Г., 2021, с. 93].

Как отмечалось выше, в последние годы и по России прокатилась волна вооруженных нападений учащихся на учебные заведения. Самые

резонансные преступления последних лет с большим количеством жертв имели место в Керчи (17 октября 2018 г., политехнический колледж, убийца Владислав Росляков), Казани (11 мая 2021 г., гимназия № 175, убийца Ильназ Галявиев), Перми (20 сентября 2021 г., ПГНИУ, убийца Тимур Бекмансуров).

Проблема, однако, состоит в том, что попытки исследовать факторы, приводящие к скулшутингу, пока не выливаются в создание общепринятых рекомендаций и прогнозов. Исследователи, занимающиеся данной проблемой, пришли к выводу, что это особый молодежный криминальный феномен, который не вписывается ни в одну из известных теорий, объясняющих поведение одиночных или серийных убийц. Скулшутинг принципиально отличается от других сходных преступных действий с использованием огнестрельного оружия [Malkki L., 2014; Амелина Я.А., 2018; Давыдов Д.Г., Хломов К.Д., 2018 и др.] Ученые вынуждены признать, что в настоящее время не существует достаточно надежных диагностических признаков для выявления потенциальных «стрелков», как и эффективных программ превенции подобных преступлений.

Социологи, психологи, психиатры, юристы, педагоги пытаются осмыслить феномен скулшутинга с опорой на профессиональные приоритеты своих научных дисциплин. Обсуждаются провоцирующее влияние масс-медиа и доступность оружия; делается акцент на изучении личности «стрелков»; указывается роль психопатологии; подчеркивается значимость факторов социального окружения подростка (семья и воспитание, школьный буллинг, стигматизация, погружение подростков в компьютерные игры, деструктивные сообщества в соцсетях и проч.) [Muschert G.V., 2007; Langman P., 2009; Лангман П., 2022; Карпов В.О., 2018; Книжничкова С.В., 2019; Дозорцева Е.Г. и др., 2020].

На взгляд авторов, определенные результаты при исследовании проблемы скулшутинга можно получить с использованием концептов «трансгрессия», «Предел» и «Другой», имеющих как философское, так и конкретно-научное — психологическое — значение. Соответственно, целью данного исследования является рассмотрение феномена скулшутинга через призму трансгрессивного опыта.

Результаты и обсуждение

«Новая философская энциклопедия» определяет трансгрессию как «эксцесс (избыток или недостаток сил), как особое состояние, приводящее к нарушению нормы, закона или правила. Трансгрессия — это пространство перехода от одного фиксированного состояния к другому, это граница перехода, скользящая черта, указывающая на возможность перехода». В свою очередь «пределом можно назвать то, что ограничивает беспредельную активность трансгрессивных состояний» [Новая философская энциклопедия, 2010b, с. 91].

Трансгрессия и Предел находятся в постоянном противоборстве. Трансгрессия утверждает предел, отрицая его, и этим позитивным утверждающим отрицанием она прокладывает себе путь. Как только трансгрессивное состояние теряет свою мощь и начинает ослабевать, на его месте утверждается запрет, т.е. возникает новый Предел.

Концепт «Другой» рассматривается нами на онтологическом и социокультурном уровнях. Это «обобщающая характеристика, объединяющая тех, кто противостоит мне (не Я), находится по ту сторону меня, моих ценностей, моего мировоззрения. В крайнем выражении в роли Другого может пониматься и весь социум» [Новая философская энциклопедия, 2010a, с. 257].

В XX в. феномен трансгрессии становится самостоятельной философской проблемой, получившей развитие в философии Ж. Батая, М. Фуко, М. Бланшо, Ж. Бодрийяра, Ж. Дерриды, Ж. Делеза, Ф. Гваттари и ряда других ученых. В отечественных исследованиях проблема трансгрессии активно разрабатывается как в общетеоретическом и онтологическом плане [Герасимова П.С., 2007; Ивановская О.В., 2010; Фаритов В.Т., 2015; Каштанова С.М., 2016], так и в прикладных ее аспектах: исследовании сексуальности [Узлов Н.Д., 2010; Краснухина Е.К., 2011], кросс-культурного диалога и фронтальных пространств [Якушенков С.Н., Якушенкова О.С., 2014]; религиозного сознания [Якушенкова О.С., 2015; Топчиев М.С., 2015; Хлышева Е.В., Дрягалов В.С., 2020]; сетевых взаимодействий [Черных О.Н., 2011], в частности «групп смерти» в социальных сетях [Узлов Н.Д., Семенова М.Н., 2017 и др.].

Появившееся в 60-х гг. прошлого века понятие трансгрессии трансформировалось в последние десятилетия века нынешнего. Трансгрессивные изменения в последние десятилетия наблюдаются во всех значимых сферах человеческой жизни, в том числе и в наиболее консервативных, в которых ранее четко обозначались границы допустимого, — религия, семья, пол и гендер, образование, медицина, национальная принадлежность и др. В этой связи современные исследователи говорят уже о «трансгрессирующем обществе» [Громова Е.А., 2015], в котором произошла очевидная смена ценностных ориентаций [Ульянова Л.Н., Шуралев Р.И., 2019]. Они исходят из того, что концепт трансгрессии служит постижению нового, неизведанного, позволяет анализировать процессы функционирования законов культуры во вновь возникающих условиях (глобализации, транскультуральности, виртуализации и проч.). Несомненно, трансгрессия связана с диалектическим понятием саморазвития: в этом смысле она не может не играть позитивной роли в разрешении противоречий — внешних и внутренних. В частности, данная идея получила развитие в «трансгрессивной концепции личности» польского психолога Я. Козелецкого, анализу творчества которого посвящена работа И. Пуфаль-Струзик [Пуфаль-Струзик И., 2002]. Исследователь подчеркивает значимость в формировании личности творческих и экспансивных трансгрессий, но вместе с тем указывает, что трансгрессивные мысли и действия человека влияют на то, как он позиционируется в пространстве добра и зла, становясь *гуманным* (человеко-ориентированным и прогрессивно направленным) *или*, напротив, *негуманным*. В этом смысле убийство можно рассматривать как одностороннее противоположное воплощение трансгрессии (представитель высшей — социальной — формы организации материи уничтожает других ее представителей).

Тем не менее, некоторые исследователи полагают, что убийство заложено в самой природе общества и составляет неотъемлемую часть его бытия. «Убийство, как и другие виды насилия, включено в социальную природу человека, в социально-психологические особенности его личности, в силу которых он иногда склонен разрешать свои проблемы запрещенными средствами, в том числе с помощью силы» [Антонян Ю.М.,

1997, с. 96]. Трансгрессия в форме убийства может быть даже легитимизирована (например, убийство врага на войне) или выступать в форме общественно приемлемой имитационной практики (военные учения, компьютерные игры, пейнтбол и др.).

Концепцию «трансгрессивного опыта», позволяющего преодолеть предел, в своем крайнем, экстремальном варианте, разрабатывал, в частности, Жорж Батай — последователь Ф. Ницше, в свою очередь оказавший существенное влияние на философов-постструктуралистов. Ж. Батай превращает трансгрессию в сакральный акт и необходимое условие самореализации. «Люди отличаются от животных тем, что соблюдают запреты, но запреты двусмысленны. Люди их соблюдают, но испытывают потребность их нарушить. Нарушение запретов не означает их незнания и требует мужества и решительности. Если у человека есть мужество, необходимое для нарушения границ, — писал Ж. Батай, — можно считать, что он состоялся» [Батай Ж., 2006, с. 12].

Батай трактует опыт трансгрессии как саморазрушительный и даже убийственный. Эстетизируя хаос, Батай низводит, благодаря трансгрессии, субъекта до состояния полного отрицания меры, границ, морально-нравственных самоограничений. Трансгрессивный опыт, по его мнению, приобретает именно благодаря неумеренности, расточительности. Более того, Батай идет еще дальше: он постулирует идею саморасточительности, при этом наивысшим саморасточительством является принесение себя в жертву. И здесь не важен результат такого «самопожертвования», важен сам процесс, когда человек помещает себя в «область предсмертия» [Батай Ж., 2006].

Нечто подобное мы наблюдаем и сейчас в отношении мировосприятия в подростковых «группах смерти» в социальных сетях. Совершая акт самоубийства, подросток-суицидент перестает существовать в своем физическом теле, но еще длительное время презентуется в виртуальном пространстве, так или иначе заявляя о себе через «цифровые следы». Таким образом, посредством испытания конечностью существования и благодаря трансгрессивному переходу, у членов таких групп создается иллюзия виртуального бессмертия ушедших [Узлов Н.Д., 2017].

А что обещает людям, преодолевшим Предел, постструктуралистская философия? За границей предела, по мнению М. Фуко, находится пространство так называемой *гетеротопии* [Фуко М., 1994, 2006]. В *физическом мире* это могут быть новые природные территории. Исторические примеры — открытие и освоение европейцами Америки, русскими — Сибири, Аляски [Якушенков С.Н., Якушенкова О.С., 2014], а также специфические, закрытые области пребывания людей (психиатрические и инфекционные больницы, тюрьмы и т.п.). При вхождении на эти территории происходит встреча с Другим, что неминуемо меняет образ жизни и мироощущение человека, перешедшего этот Предел. Потенциально такой переход может сулить достижение неограниченной свободы, власти, доступ к новым, ранее неведомым, ресурсам, которые дает, например, современная наука (нанотехнологии, геновая инженерия, искусственный интеллект и проч.).

Однако не все обстоит так просто, когда речь идет о *духовном мире* человека. Ведь, как отмечалось выше, способ преодоления Предела может быть как конструктивным, так и деструктивным. Деструктивный способ преодоления Предела, морально-нравственных границ неминуемо приводит к расчеловечиванию, к тупику, и в итоге к смерти не только физической, социальной, но и духовной.

Конечно, наивно предполагать, что скулшутеры штудируют в библиотеках труды модных философов, чтобы обосновать «идеологически» свои будущие преступления. Большинство из них просто не владеют философскими идеями на уровне рефлексии. Их представления являются, скорее всего, набором культурных штампов, почерпнутых из масс-медиа, фильмов и компьютерных игр, следствием увлечения мистикой, специфической музыкой, результатом влияния сетевого окружения. Но, возможно, упомянутые философы-иррационалисты «угадали» что-то очень важное и пугающее в современном обществе — обществе, порождающем самовлюбленных *нарциссов, стремящихся к безудержному потреблению*.

Поясняя эту мысль, начнем с того, что СМИ уделяют огромное внимание скулшутингу. Трагедия в Колумбайне стала восприниматься обществом как знаковая в том числе и потому, что она была первой транслируемой телевидением в

прямом эфире. Особое внимание СМИ уделяют посланиям, которые оставляют скулшутеры. В масс-медиа такие тексты именуются торжественно — «манифесты», они объявляются «визитными карточками», которые якобы раскрывают «жизненную философию» и мотивы совершения преступления скулшутеров. Часто для их интерпретации привлекают известных экспертов — психиатров, психологов, юристов, лингвистов. Публикации с их комментариями становятся достоянием широкой аудитории. А потребителями такой информации опять же становятся подростки — самые активные пользователи Интернета, которые, в свою очередь, начинают обсуждать эти события в социальных сетях. В результате возрастает нездоровый интерес к данной теме, доходящий даже до героизации преступников и способствующий активизации их подражателей [Узлов Н.Д., 2021].

Рассмотрим содержание некоторых «манифестов» на конкретных примерах. Так, согласно дневнику «колумбайнеровского убийцы» Д. Клиболда, он «осознал» себя и своего сообщника существами, равными Богу, достойными творить высший суд над людьми [Торро G., 2009]. Этот же мотив очевиден и для казанского «стрелка» Ильназа Галявиева, что следует из протоколов его допроса: «Я бог. Все остальные — мои рабы и считаются “биомусором”. Все они должны делать, что я захочу, а я хочу, чтобы... каждый из моих рабов убил более десяти человек и сам себя убил» [Соколова К., Колесников Р., 2021]. Пекка-Эрик Аувинен, 17-летний финский подросток, 7 ноября 2007 г. в своем лице г. Йокела убивший 8 и ранивший 12 человек, в своем «манифесте», размещенном незадолго до нападения на школу на портале YouTube, также подчеркивал: «Я — и бог, и дьявол своей собственной жизни... Я есть закон, судья и палач. Нет большей власти, чем я сам» [Кетчпул Д., 2020].

С психиатрической точки зрения такие заявления можно трактовать как проявление параноидной симптоматики, бредовых идей величия, что может служить основанием для диагностики расстройств шизофренического спектра, приводя к сомнениям во вменяемости преступника. Однако, научно обоснованно судить о вменяемости по оставленным преступниками текстам сложно, а в ситуациях, когда «стрелок» остается

в живых — он нередко признается вменяемым (как, например, в случае Т. Бекмансурава).

Вместе с тем, едва ли позволяя объективно судить о вменяемости скулшутеров в целом, их дневники, «манифесты» и материалы их допросов явно указывают на одну базовую черту личности — нарциссизм [Антонян Ю.М., 1997; Логунова О.А., 2011; Тейлор Р., 2021]. Эрих Фромм, рассуждая об этой черте, пишет: «Нарциссизм является пристрастием такой интенсивности, которая у многих людей сравнима с половым инстинктом и инстинктом самосохранения. Иногда он проявляется даже сильнее, чем оба эти инстинкта» [Фромм Э., 1992, с. 53].

Ядром нарциссизма является чувство «грандиозности Я». В психоаналитической литературе описано четыре способа взаимодействия разных форм «грандиозного Я» с Другим (в этой роли может выступать психотерапевт, окружение нарцисса или мир в целом). «Богородно-грандиозное Я» выполняет функцию отторжения, неприятия Другого; «агрессивно-грандиозное Я» направлено на разрушение Другого. Две остальные формы носят менее деструктивный характер: «альтруистически-грандиозное Я» и «необыкновенно-грандиозное Я» выполняют функции поддержки или внушение восхищения Другому своей личностью, что по сути является проявлением тонкой и изощренной манипуляции.

Нарцисс уязвим, и его «всемогущество» призвано гиперкомпенсировать болезненно переживаемое чувство неполноценности, «инаковости», иногда (но не всегда) связанное с психопатологическими отклонениями (например, начальными проявлениями расстройств шизофренического спектра у некоторых скулшутеров). Самый пугающий для нарцисса опыт — унижение, самая пугающая эмоция — стыд [Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П., 2001]. Нарциссический субъект не просто ощущает себя центром Вселенной — в своем восприятии он и есть весь мир, поэтому ничто не может внушить ему страх. «Но если он чувствует, что его единственная защита против страха — самовозвеличение — находится под угрозой, страх появляется снова и приводит его в сильную ярость. Эта ярость будет проявляться интенсивнее, если для него не будет существовать возможности уменьшить опасность с помощью соответствующих ответных мер; только уничтожение кри-

тика или собственное уничтожение могут предохранить такого человека от потери его нарциссической безопасности», — пишет Э. Фромм [Фромм Э., 1992, с. 55].

Обратим внимание на два последних пункта, характерные и для мироощущения «стрелков»: «уничтожение критика» (т.е. Другого в широком смысле — враждебного мира в целом, а не только конкретных обидчиков) и «самоуничтожение» («саморастрчивание» в терминологии Ж. Батая) — суицид, но опять же грандиозный, расширенный, масштабный, запоминающийся участникам этих событий ужасом массового убийства Других.

Что символически выражают эти действия? Здесь можно согласиться с мнением Ю.М. Антоняна, который пишет, что таким образом убийца пытается «преодолеть свою ничтожность и малость, осознание которых весьма травматично, а поэтому изгоняется в бессознательное; это — желание утвердить себя, в том числе в собственных глазах, преодолеть свою изоляцию и доказать свою нужность» [Антонян Ю.М., 1997, с. 88].

Но применительно к скулшутингу батаевский «трансгрессивный опыт» преодоления Предела, не может рассматриваться ни как своеобразный способ «отчаянной» самореализации, ни как обретение свободы. В исследуемых феноменах как внешний, так и внутренний Предел, который у большинства людей представлен в форме интериоризированного табу на убийство, не срываются, так как все противоречия рождаются и взрываются внутри еще не ставшего личностью опустошенного молодого человека.

К объяснению возможных причин, которые приводят юных скулшутеров к выбору в пользу именно разрушительного варианта «трансгрессивного опыта», можно привлечь известную теорию психосоциального развития Э. Эриксона [Эриксон Э., 1996]. При прохождении стадий и соответствующих возрастных кризисов еще до достижения подросткового возраста будущий убийца накапливает дефицит добродетелей («virtues») — надежды и доверия к миру; воли и самоконтроля; целеполагания; принятия социальных норм и самоограничений; уверенности в себе; способности к кооперации; здоровой соревновательности.

Следующий этап, собственно подростковый, предполагает установление доминирующей по-

зитивной идентичности. Но скулшутер подходит к нему, накапливая деформации, связанные с его неспособностью использовать позитивный потенциал, который дает прохождение предшествующих этапов личностного развития. Его мир наполнен обидами и разочарованиями, испытываемыми в отношениях с родителями и сверстниками, или чувством ущербности, приводящими к социальной изоляции. Он не умеет выстраивать партнерские отношения, отстаивать свои интересы; отсутствует включенность компенсаторных или гиперкомпенсаторных механизмов на уровне здоровых увлечений и интересов. Накапливается хроническое напряжение, которое постепенно нарастает и достигает своего пика, когда последней каплей становится очередное реальное или воображаемое психотравмирующее событие, после чего наступает этап планирования и реализации преступного замысла. В научной литературе, объясняющей поведение скулшутеров, это нашло отражение в теории кумулятивного эффекта [Levin J., Madfis E., 2009].

Можно также сказать, что путь негативной трансгрессии приводит к формированию *антиличности*. Термин «антиличность» является антитезой понятию цельной, здоровой личности. Если истинная личность — личность творческая, нравственная, гуманная, то антиличность лишена какой-либо внутренней ответственности и движима безнравственным произволом. Она эгоистична, индивидуалистична, самовлюблена, самозабвенна в своем устремлении к цели — вплоть до самопожертвования, рассматривает других людей как средство осуществления своих замыслов, считает, что цель оправдывает средства. Насилие, зависть, гордыня, ненависть, месть, злорадство, вероломство, обман, лицемерие — ее основные качества. Антиличность — это человек, отрицающий не только общественную мораль, но и собственную внутреннюю гуманистическую духовность, нравственность и совесть, лишенный чувств милосердия и сострадания, основывающийся в своем поведении на антигуманных идеях, инстинктивных импульсах, внешних стимулах и животных потребностях [Оконская Н.К., 2001; Лихачев Б.Т., 2010].

Хотя этот вопрос требует специального исследования, но, можно предположить, что деструктивная форма преодоления Предела провоцируется и тем, что социализация современ-

ной молодежи все чаще происходит в социальных сетях. Молодые затрачивают на освоение этого опыта гораздо больше личного времени, при этом проигрывая в традиционных формах социализации, локализованных в объективной реальности, внешней по отношению к сознанию субъекта, и непосредственно связанных с сознанием компонентах виртуальной реальности. Несмотря на очевидные плюсы виртуальной коммуникации, из Интернета многими представителями молодежи черпается также негативный контент ненависти и насилия [Красиков В.И., Фоменко Е.В., 2020]. Опыт молодых и так ограничен в силу возраста, а цифровизация делает каждого из них первопроходцем во взаимодействии с виртуальным миром. Причем цифровая среда в условиях современного общества в существенной мере формируется как *среда, ориентированная на мгновенное удовлетворение желания потребителя*. Как правило, единственное усилие, требующееся от потребителя, связано с его платежеспособностью. А значит, «цифровое первопроходчество» молодых поколений пока осуществляется в мире, который, по классификации Ф.Е. Василюка, соответствует «внутренне легкому» и «внешне простому» *инфантильному миру, отнюдь не способствующему формированию личности* [Василюк Ф.Е., 1997]. Напротив, позитивная трансгрессия, вносящая свой вклад в формирование полноценной личности, всегда в определенной (иногда в очень большой) степени трудна и сложна, деструктивная же легка и проста. И Предел, который играет важную защитную роль, во втором случае преодолевается очень легко.

Трансгрессивный принцип построения опыта подразумевает, что целостность личности обретается именно в постоянном движении по *преодолению относительных границ внутреннего опыта в его взаимосвязи с внешними позициями Другого*, иными словами, путем согласования с нормами, требованиями и ценностями социума. Очевидно, что определенная категория молодых людей, не прошедших адекватно этапы психосоциального развития и вставших на путь формирования антиличности, является крайне уязвимой для идей человеконенавистничества и потенциально может реализовать их в различных формах насилия, включая скулшутинг.

К сожалению, современное общество демонстрирует амбивалентное отношение к насилию, с одной стороны, осуждая, с другой — фактиче-

ски пропагандируя его в масс-медиа. Эта пропаганда имеет экономические основания, ведь известно, что хорошие новости «продаются» хуже. Кроме того, известные зарубежные исследователи М. Класен, Д. Джонсон, Дж. Кьельгард-Кристиансен отмечают, что «люди демонстрируют тенденцию находить удовольствие в воображаемом опыте с угрожающими сценариями, т.к. такой опыт выполняет адаптивную функцию подготовки к угрожающим ситуациям в реальном мире», где они случаются все чаще [Clasen M. et al., 2018, p. 29].

Предполагалось, что снизить уровень насилия в обществе помогут программы, направленные на формирование толерантности в обществе. Однако практика зарубежных стран показывает, что эти программы недостаточно эффективны. Вероятно, чтобы этот инструмент по-настоящему заработал, должна быть подготовлена соответствующая почва новых социальных институтов, заботы о подрастающем поколении, дающая возможность целенаправленного формирования ценностных ориентаций молодежи.

Заключение

В качестве итога остановимся на вопросе о профилактике скулшутинга. В свете вышеизложенного формы такой профилактики должны заключаться в движении при формировании личности современного молодого человека в направлении, противоположном деструктивной трансгрессии, — в сторону укрепления того Предела, содержанием которого является человеколюбие и уважение к закону. Конкретно речь здесь может идти об *интенциональной трансценденции*, о повышении уровня *осознанности и рефлексии* в отношении подлинной человеческой ценности своих поступков, о становлении полноценного субъекта, способного гармонично взаимодействовать со своим окружением.

Воспитание этой способности у детей и подростков само по себе является сложной педагогической и идеологической задачей, — но она будет совершенно нереализуемой в отсутствие поддержки соответствующих действий со стороны объективных социальных факторов. Приходится признать, что в современном мире фактически нет зоны детства и юности, надежно охраняемых от проникновения взрослых игр и техноноваций, так или иначе легитимизирующих насилие, предполагающих у участников

развитое чувство моральной ответственности и социальной автономности, которые у детей и подростков еще только складываются.

Чтобы обозначенные выше педагогические методы заработали как эффективный инструмент профилактики скулшутинга, должна быть подготовлена соответствующая почва *новых социальных институтов* заботы о подрастающем поколении, дающая возможность корректировки ценностных ориентаций молодежи, в частности, в период цифровой трансформации общества.

Список литературы

Амелина Я.А. Трансформация деструктивных практик после разгрома т.н. «Исламского государства»: последние тенденции. «Колумбайн» в российских школах — далее везде?.. / Кавказский геополитический клуб. М.: Изд-ль Воробьев А.В., 2018. 172 с.

Антонян Ю.М. Психология убийства. М.: Юристъ, 1997. 304 с.

Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.

Васильюк Ф.Е. Психотехника выбора // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии: сб. ст. / под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 284–314.

Герасимова П.С. О некоторых философско-психологических аспектах трансгрессии // Социокультурные проблемы современной молодежи: материалы II Междунар. науч.-практич. конф. / под ред. О.А. Шамшиковой, Н.Я. Большуновой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007. Ч. 1. С. 153–160.

Громова Е.А. Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3(29). С. 58–63.

Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62–76. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 97–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>

* Запрещена в России.

Ивановская О.В. Трансценденция против трансгрессии // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 256–268.

Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4(34). С. 442–446. DOI:

<https://doi.org/10.24420/KUI.2018.49.27.001>

Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. DOI:

<https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920>

Капитанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016. 24 с.

Кетчуп Д. О чем думает убийца // Разумный замысел. 2020. 20 мая. URL:

<http://www.origins.org.ua/author/?id=75> (дата обращения: 23.10.2021).

Книжникова С.В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 152–168. DOI:

<https://doi.org/10.17759/sps.2019100109>

Красиков В.И., Фоменко Е.В. Группы ненависти в Рунете: ареалы Интернет-распространения и типология // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4. С. 5–27.

Краснухина Е.К. Эротическое и негативное // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2011. Вып. 4. С. 19–24.

Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Эксмо, 2022. 304 с.

Лихачев Б.Т. Философия воспитания: специальный курс. М.: ВЛАДОС, 2010. 335 с.

Логанова О.А. Некоторые теоретические и прикладные аспекты изучения личности и поведения серийных сексуальных убийц (обзор зарубежных исследований) // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 163–174.

Марков З. The Hill: Байден признает массовое убийство в Буффало террористическим актом // Газета.RU. 2022. 17 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/17/17755478.shtml> (дата обращения: 17.05.2022).

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина и др. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с.

Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина и др. М.: Мысль, 2010. Т. 4. 736 с.

Оконская Н.К. Цивилизация и культура. Проблемы личности. Пермь: ПГТУ, 2001. 76 с.

Пуфаль-Струзик И. Творческий путь в «трансгрессивной концепции личности» Я. Козелецкого // Психологическая наука и образование. 2002. Т. 7, № 2. С. 76–85.

Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. М.: Учеб.-метод. коллектор «Психология», 2001. 90 с.

Соколова К., Колесников Р. «Я стрелял по школьникам, целясь в головы»: допрос Ильназа Галявиева раскрыл все детали бойни в гимназии // БИЗНЕС Online. 2021. 13 мая. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/509119> (дата обращения: 17.10.2021).

Тейлор Р. Разум убийцы. Как работает мозг тех, кто совершает преступления. М.: Бомбора, 2021. 432 с.

Топчиев М.С. Религиозная трансгрессия и ее влияние на современное общество // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–3(61). С. 153–157.

Узлов Н.Д. Насилие на экране: как масс-медиа провоцируют по подростков на скулшутинг // Психотерапия. 2021. № 4. С. 7–11.

Узлов Н.Д. Трансгрессия сексуальности: экзгибизирующие женщины в Сети и психологическая кастрация мужчин // Отклоняющееся поведение человека в современном мире: проблемы и решения: материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2010. С. 98–106.

Узлов Н.Д. Трансгрессия суицидальности, виртуальная реальность и искушение смертью // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности: сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Р.В. Кадырова. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2017. С. 80–91.

Узлов Н.Д., Семенова М.Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // Суицидология. 2017. Т. 8, № 3(28). С. 40–53.

Ульянова Л.Н., Шуралев Р.И. Трансгрессивный опыт в эстетическом дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 6(92). С. 108–116. DOI: <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10614>

Фаритов В.Т. Трансгрессия и трансценденция как онтологические перспективы дискурса: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2015. 35 с.

Фромм Э. Душа человека. Ее способность к добру и злу // Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 13–108.

Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века / сост. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994. С. 111–132.

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

Хлыщев Е.В., Дрягалов В.С. От обращения к трансгрессии: проблемы современного дискурса религиозных переходов // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 2(14). С. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-43-52>

Черных О.Н. Трансгрессивный принцип опыта сетевых взаимодействий // Studia Culturae. 2011. № 13. С. 105–113.

Эрикссон Э. Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

Якушенко С.Н., Якушенко О.С. Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2014. № 3(40). С. 276–284.

Якушенко О.С. Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113(09). С. 219–229.

Clasen M., Kjeldgaard-Christiansen J., Johnson J. Horror, Personality, and Threat Simulation: A Survey on the Psychology of Scary Media // Evolutionary Behavioral Sciences. 2018. Vol. 14, iss. 3. P. 213–230. DOI: <https://doi.org/10.1037/ebc0000152>

Fiedler N., Sommer F., Leuschner V. et al. Teacher and Peer Responses to Warning Behavior in 11 School Shooting Cases in Germany // Frontiers in Psychology. Vol. 11. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.01592/full> (accessed: 04.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01592>

Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model // American Behavioral Scientist. 2009. Vol. 52, iss. 9, pp. 1227–1245. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209332543>

Langman P. Rampage school shooters: A typology // Aggression and Violent Behavior. 2009. Vol. 14, iss. 1. P. 79–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2008.10.003>

Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America // Terrorism and Political Violence. 2014. Vol. 26, iss. 1. P. 185–210. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546553.2014.849933>

Muschert G.W. Research in School Shootings // Sociology Compass. 2007. Vol. 1, iss. 1. P. 60–80. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2007.00008.x>

Toppe G. 10 years later, the real story behind Columbine // USA Today. 2009. URL: https://usatoday30.usatoday.com/news/nation/2009-04-13-columbine-myths_N.htm (accessed: 01.05.2022)

Получена: 01.05.2022. Принята к публикации: 30.05.2022

References

Amelina, Ya.A. (2018). *Transformatsiya destruktivnykh praktik posle razgroma t.n. «Islamskogo gosudarstva»: poslednie tendentsii. «Kolumbayn» v rossiyskikh shkolakh — dalee vezde?* [Transformation of destructive practices after the defeat of the so-called. «Islamic State»: recent trends. «Columbine» in Russian schools - further everywhere?]. Moscow: Vorob'ev A.V. Publ., 172 p.

Antonyan, Yu.M. (1997). *Psikhologiya ubiystva* [Psychology of murder]. Moscow: Yurist Publ., 304 p.

Bataille, J. (2006). *Proklyataya chast': Sakral'naya sotsiologiya* [The cursed part: sacred sociology]. Moscow: Lodomir Publ., 742 p.

Chernykh, O.N. (2011). [Transgressive principle of experience of network interactions]. *Studia Culturae*. No. 13, pp. 105–113.

Clasen, M., Kjeldgaard-Christiansen, J. and Johnson, J. (2018). Horror, personality, and threat simulation: a survey on the psychology of scary media. *Evolutionary Behavioral Sciences*. Vol. 14, iss. 3, pp. 213–230. DOI: <https://doi.org/10.1037/ebc0000152>

Davydov, D.G. and Khlomov, K.D. (2018). [Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 4(32), pp. 62–76. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406>

Dozortseva, E.G. and Oshevsky, D.S. and Syrovkashina, K.V. (2020). [Psychological, social and informational aspects of attacks by minors on educational institutions]. *Psikhologiya i parvo* [Psychology

* Запрещена в России.

- and Law]. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100208>
- Erickson, E. (1996). *Detstvo i obschestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg: Lenato Publ., AST Publ., Fond «Universitetskaya Kniga» Publ., 592 p.
- Faritov, V.T. (2015). *Transgressiya i transtsendentsiya kak ontologicheskie perspektivy diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Transgression and transcendence as ontological perspectives of discourse: Abstract of D.Sc. dissertation]. Moscow, 35 p.
- Fiedler, N., Sommer, F., Leuschner, V. et al. (2020). Teacher and peer responses to warning behavior in 11 school shooting cases in Germany. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.01592/full> (accessed: 04.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01592>
- Foucault, M. (1994). [On transgression]. *Tanatografiya erosa: Zhorzh Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka, sost. S.L. Fokin* [S.L. Fokin (ed.) Thanatology of Eros. Georges Bataille and French thought of the mid-20th century]. St. Petersburg: Mifril Publ., pp. 111–132.
- Foucault, M. (2006). [Other spaces]. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Moscow: Praxis Publ., pt. 3, pp. 191–204.
- Fromm, E. (1992). [The human soul. Her capacity for good and evil]. *Dusha cheloveka* [Soul of Man]. Moscow: Respublika Publ., pp. 13–108.
- Gerasimova, P.S. (2007). [On some philosophical and psychological aspects of transgression]. *Sotsiokul'turnye problemy sovremennoy molodezhi: materialy 2-oy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Sociocultural Problems of Modern Youth: Materials of the 2nd International scientific and practical conference]. Novosibirsk: NSPU Publ., pt. 1, pp. 153–160.
- Gromova, E.A. (2015). [Transgressing society: on metamorphoses of the social order]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* [Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]. No. 3(29), pp. 58–63.
- Ivanovskaya, O.V. (2010). [Transcendence against transgression]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific Problems of Humanitarian Research]. No. 1, pp. 256–268.
- Karpov, V.O. (2018). [Cult of columbine: main reasons for school shooting]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia]. No. 4(34), pp. 442–446. DOI: <https://doi.org/10.24420/KUI.2018.49.27.001>
- Karpova, A.Yu. and Maksimova, N.G. (2021). [School shooting in Russia: what Matters?]. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 29, no. 1, pp. 93–108. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.792>
- Kashtanova, S.M. (2016). *Transgressiya kak sotsial'no-filosofskoe ponyatie: avtoreferat dis. ... kand. filos. nauk* [Transgression as a socio-philosophical concept: Abstract of Ph.D. dissertation]. St. Petersburg, 24 p.
- Ketchpul, D. (2020). [What the killer thinks about]. *Razumnyy zamysel* [Reasonable Design]. May 20. Available at: <http://www.origins.org.ua/author/?id=75> (accessed 23.10.2021).
- Khlysheva, E.V. and Dryagalov, V.S. (2020). [From appeal to transgression: problems of modern discourse of religious transitions]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture.]. Vol. 4, no. 2(14), pp. 43–52. DOI: <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-2-14-43-52>
- Knizhnikova, S.V. (2019). [Amok: relevance of school attacks exploring, causes, and primary prevention possibilities]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 10, no. 1, pp. 152–168. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2019100109>
- Krasikov, V.I. and Fomenko, E.V. (2020). [Hate groups in Russian internet: areas of internet distribution and typology]. *Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii* [Herald of the Russian Law Academy]. No. 4, pp. 5–27.
- Krasnukhina, E.K. (2011). [Erotic and negative]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg State University Series 6: Philosophy. Culturology. Political Science. Law. International Relations]. Vol. 4, pp. 19–24.
- Langman, P. (2009). Rampage school shooters: A typology. *Aggression and Violent Behavior*. Vol. 14, iss. 1, pp. 79–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2008.10.003>
- Langman, P. (2022). *Pochemu deti ubivayut: chto proiskhodit v golove u shkol'nogo strelka* [Why children kill: what goes on in the head of a school shooter]. Moscow: Eksmo Publ., 304 p.
- Levin, J. and Madfis, E. (2009). Mass murder at school and cumulative strain: a sequential model. *American Behavioral Scientist*. Vol. 52, iss. 9, pp. 1227–1245. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764209332543>
- Likhachev, B.T. (2010). *Filosofiya vospitaniya: spetsial'nyy kurs* [Philosophy of education: a special course]. Moscow: VLADOS Publ., 335 p.

Logunova, O.A. (2011). [Some theoretical and applied aspects of studying the personality and behavior of serial sexual killers (a review of foreign studies)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology]. No. 3, pp. 163–174.

Malkki, L. (2014). Political elements in post-Columbine school shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*. Vol. 26, iss. 1, pp. 185–210. DOI:

<https://doi.org/10.1080/09546553.2014.849933>

Markov, Z. (2022). [The Hill: Biden recognizes massacre in Buffalo as a terrorist attack]. *Gazeta.RU*. May 17. Available at: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/17/17755478.shtml> (accessed 17.05.2022).

Muschert, G.W. (2007). Research in school shootings. *Sociology Compass*. Vol. 1, iss. 1, pp. 60–80.

DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2007.00008.x>

Okonskaya, N.K. (2001). *Tsivilizatsiya i kul'tura. Problemy lichnosti* [Civilization and culture. Personality problems]. Perm: PSTU Publ., 76 p.

Pufal-Struzik, I. (2002). [Creative path in the «transgressive concept of personality» by Ya. Kozeletsky]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. Vol. 7, no. 2, pp. 76–85.

Sokolova, E.T. and Chechel'nitskaya, E.P. (2001). *Psikhologiya nartsissizma* [Psychology of narcissism]. Moscow: Psikhologiya Publ., 90 p.

Sokolova, K. and Kolesnikov, R. (2021). [«I shot at schoolchildren, aiming at their heads»: interrogation of Ilnaz Galyaviev revealed all the details of the massacre in the gymnasium]. *BUSINESS Online*. May 13. Available at: <https://www.business-gazeta.ru/article/509119> (accessed 17.10.2021).

Stepin, V.S. et al. (ed.) (2010). *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 1, 744 p.

Stepin, V.S. et al. (ed.) (2010). *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, 736 p.

Taylor, R. (2021). *Razum ubiytsy. Kak rabotaet mozg tekhn, kto sovershaet prestupleniya* [The mind of a killer. How the brain of those who commit crimes works]. Moscow: Bombora Publ., 432 p.

Topchiev, M.S. (2015). [Religious transgression and its impact on contemporary society]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice]. No. 11–3(61), pp. 153–157.

Toppo, G. (2009). 10 years later, the real story behind Columbine. *USA Today*. Available at:

https://usatoday30.usatoday.com/news/nation/2009-04-13-columbine-myths_N.htm (accessed 01.05.2022).

Ul'yanova, L.N. and Shuralev, R.I. (2019). [Transgression in the context of aesthetic experience]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts]. No. 6 (92), pp. 108–116. DOI: <https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10614>

Uzlov, N.D. (2021). [Violence on the screen: how the media provoke teenagers into school shooting]. *Psikhoterapiya* [Psychotherapy]. No. 4, pp. 7–11.

Uzlov, N.D. (2017). [Transgression of suicidality, virtual reality and the temptation of death]. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti: Sbornik nauchnykh statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Personality in extreme conditions and crises of life: Collection of scientific articles of the VII International Scientific and Practical Conference]. Vladivostok: MSU Publ., pp. 80–91.

Uzlov, N.D. (2010). [Transgression of sexuality: exhibiting women on the net and psychological castration of men]. *Otklonyayuscheesya povedenie cheloveka v sovremennom mire: problemy i resheniya: mater. Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Deviant human behavior in the modern world: problems and solutions: materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference]. Vladimir: VSU Publ., pp. 98–106.

Uzlov, N.D. and Semenova, M.N. (2017). [Game, transgression and network suicide]. *Suitsidologiya* [Suicidology]. Vol. 8, no. 3(28), pp. 40–53.

Vasilyuk, F.E. (1997). *Psychotechnics of choice. Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoj psikhologii: sbornik statey, pod red. D.A. Leont'eva, V.G. Shchur* [D.A. Leontyev, V.G. Shchur (eds.) Psychology with a human face: a humanistic perspective in post-Soviet psychology: collected articles]. Moscow: Smysl Publ., pp. 284–314.

Yakushenkov, S.N. and Yakushenkova, O.S. (2014). [Transgression in the conditions of heterotopic spaces of the frontier]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. No. 3(40), pp. 276–284.

Yakushenkova, O.S. (2015). [Religious transgression in conditions of heterotopia]. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Scientific Journal of KubSAU]. No. 113(09), pp. 219–229.

Received: 01.02.2022. Accepted: 30.04.2022

Об авторах

Узлов Николай Дмитриевич

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры психологии и социальной работы

Национальный исследовательский институт
дополнительного образования
и профессионального обучения,
117556, Москва, Черноморский бульвар, 4/3;
e-mail: knots51@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1942-6055>
ResearcherID: AAC-6656-2022

Оконская Наталия Камильевна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6052-5827>
ResearcherID: AAS-2052-2021

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

профессор кафедры философии и права,
Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
ResearcherID: R-3075-2017

About the authors

Nikolay D. Uzlov

Candidate of Medicine, Associate Professor
of the Department of Psychology and Social Work

National Research Institute for Additional Education
and Professional Training,
4/3, Chernomorskiy Blvd., Moscow, 117556, Russia;
e-mail: knots51@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1942-6055>
ResearcherID: AAC-6656-2022

Natalia K. Okonskaya

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6052-5827>
ResearcherID: AAS-2052-2021

Alexander Yu. Vnutskikh

Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

Professor of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
ResearcherID: R-3075-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Узлов Н.Д., Оконская Н.К., Внутских А.Ю. Скулшутинг: социально-философский аспект проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 264–276.

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-264-276

For citation:

Uzlov N.D., Okonskaya N.K., Vnutskikh A.Yu. [School shooting: socio-philosophical aspect of the issue]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 264–276 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-264-276

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-277-286

**МОДЕЛЬ ПСИХИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА (ПО ОЦЕНКАМ РОДИТЕЛЕЙ И ПЕДАГОГОВ)***Лебедева Евгения Игоревна**Институт психологии Российской академии наук*

Изучалась роль модели психического в развитии социально-эмоциональной компетентности (по оценкам учителей и родителей) у детей младшего школьного возраста, а именно 7–9 лет, что и было целью исследования. Для оценки уровня социально-эмоциональной компетентности детей учителями и родителями был разработан опросник, направленный на оценку распознавания и понимания эмоций; понимания ментальных состояний других людей и возможности использования их для прогнозирования поведения; понимания обмана, неверных мнений и недоразумений в социальных ситуациях; эмпатии, просоциального поведения, понимания морально-нравственных норм и правил; развития социально-коммуникативных навыков. Развитие модели психического оценивалось с помощью теста «Взгляд» («Reading the Mind in the Eyes») и теста «Распознавание недоразумений в социальных ситуациях» («Faux Pas Recognition Test»). В исследовании приняли участие 49 детей 7–9 лет (из них 21 девочка). При оценке социально-эмоциональной компетентности детей младшего школьного возраста взрослые больше опирались на такие навыки социального понимания, как распознавание эмоций и проявление эмпатии. Результаты исследования продемонстрировали различия оценок социально-эмоциональной компетентности в зависимости от успешности выполнения детьми тестов на модель психического. Были обнаружены также достоверные взаимосвязи между распознаванием детьми ментальных состояний по выражениям глаз и оценками взрослых. Небезинтересно, что достоверных взаимосвязей между проявлением понимания неверных мнений и оценками учителей социально-эмоциональной компетентности не было обнаружено, в отличие от оценок родителей. Интерпретация результатов предполагает возможное различие контекстов наблюдения поведения детей в среде сверстников (учителями) и в среде взрослых и сиблингов (родителями).

Ключевые слова: модель психического, социально-эмоциональная компетентность, социальное познание, понимание неверных мнений.

**THEORY OF MIND AND SOCIO-EMOTIONAL COMPETENCE IN CHILDREN
OF PRIMARY SCHOOL AGE (AS ESTIMATED BY PARENTS AND TEACHERS)***Evgeniya I. Lebedeva**Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences*

The paper deals with the role of theory of mind in the development of socio-emotional competence in children of primary school age. The purpose was to study the role of theory of mind in the socio-emotional competence of children aged 7–9 as assessed by parents and teachers. To assess the level of children's social and emotional competence, teachers and parents have developed a questionnaire aimed

at assessing: the recognition and understanding of emotions; the understanding of the mental states of other people and the possibility of using them to predict behavior; the understanding of deception, false beliefs, and misunderstandings in social situations; empathy, pro-social behavior, the understanding of moral and ethical norms and rules; the development of social and communication skills. The development of theory of mind was assessed using the «Reading the Mind in the Eyes» test and the «Faux Pas Recognition Test». The study involved 49 children aged 7–9 (21 girls). When assessing the socio-emotional competence of primary school children, adults mainly rely on social understanding skills such as recognizing emotions and expressing empathy. The results of the study demonstrate differences in the assessments of socio-emotional competence depending on the children's performance in tests for theory of mind. Significant relationships were found between the children's recognition of mental states by eye expressions and adults' assessments. Interestingly, no significant correlations were found between understanding of false beliefs and teachers' assessments of socio-emotional competence, in contrast to the parents' assessments. Interpretation of the results suggests a possible difference in the observation of children's behavior among peers (by teachers) and among adults and siblings (by parents).

Keywords: theory of mind, socio-emotional competence, social cognition, understanding of false beliefs.

В последние десятилетия резко возросло количество исследований, посвященных развитию социальных навыков у детей и социально-эмоциональной компетентности в частности. Данный интерес отчасти обусловлен тем, что индивидуальные различия в социальной компетентности детей могут быть обусловлены в том числе и различным уровнем развития социального познания. Мы рассматриваем социально-эмоциональную компетентность как эффективное взаимодействие ребенка со сверстниками и взрослыми, как поведенческое проявление способности к социальному познанию при взаимодействии с другими людьми. Предполагается, что проявление социально-эмоциональной компетентности может зависеть от множества развивающихся и прививаемых в детском возрасте навыков, в том числе и от развитых навыков социального познания или модели психического, обеспечивающих успешность социального взаимодействия.

Модель психического — это способность приписывать и распознавать ментальные состояния других людей, чтобы предсказывать и объяснять их поведение [Сергиенко Е.А. и др., 2009, 2020]. Одно из бурно развивающихся направлений в исследовании модели психического в настоящее время является изучение взаимного влияния модели психического как механизма социального познания на социальное функционирование детей со сверстниками и взрослыми [Сергиенко Е.А., 2015; Paine A.L. et al., 2018; McAlister A., Peterson C., 2007; Song J.H., Volling B.L., 2018].

Исследований взаимосвязи модели психического и социальной компетентности детей младшего школьного возраста и подростков сравнительно немного в отличие от таковых дошкольного возраста, и большинство из них сосредоточено на периоде перехода из детского сада в школу. В одном из таких лонгитюдных исследований были выявлены двунаправленные взаимосвязи между моделью психического и социальной компетентностью: понимание неверных мнений в младшей школе было связано с социальной компетентностью в детском саду, и социальная компетентность в младшей школе была связана с пониманием неверных мнений в детском саду [Razza R.A., Blair C., 2009]. В метаанализе исследований взаимосвязи модели психического и просоциального поведения детей была установлена взаимосвязь между успешностью выполнения задач на модель психического и тремя типами просоциального поведения (отзывчивостью на просьбы других людей, готовностью утешать другого и готовностью делиться) [Imuta K. et al., 2016]. Не было выявлено гендерных различий в силе связи, но установлено, что величина эффекта была немного сильнее у детей старше 6 лет, чем у детей дошкольного возраста.

Если вопрос о влиянии опыта социальных отношений со взрослыми и сверстниками на развитие модели психического действительно хорошо исследован, то вопрос о взаимосвязи между развитием модели психического и социальной компетентностью детей остается открытым. Действительно, способность учитывать ментальные состояния собеседника является

сложным социально-когнитивным навыком, который развивается с раннего детства до позднего подросткового возраста. Собеседник любого возраста может попасть в ситуацию недоразумения, если он не примет во внимание знания слушателя о предмете разговора, его интересы, коммуникативные намерения. Способность модели психического может проявляться не только в коммуникативной области, но и в области социальной компетентности, отражающейся в успешности социального взаимодействия, включая проявление эмпатии, умения распознавать и понимать различные виды обмана, влиять на ментальные состояния других людей (уметь убеждать, манипулировать). И особенно ярко эти сложные социально-когнитивные навыки могут проявляться при смене социальной ситуации, например, в связи с обучением в школе.

Исследования развития понимания ментального мира других людей в младшем школьном и подростковом возрасте показывают, что развитие модели психического (оцененное с помощью тестов на понимание неверных мнений) коррелирует с коммуникативными навыками, которые дети демонстрируют в повседневном общении в школе (по оценке учителей) [De Rosnay M. et al., 2014]. В исследованиях взаимосвязи понимания неверных мнений 2-го порядка («я думаю, что он думает ... и поэтому он поступит так») и социальной компетентности детей 10–11 лет было показано, что действительно возможность распознавать мнения других людей об их ментальных состояниях и прогнозировать их поведение на основе этого знания связано с пониманием и учетом во взаимодействии ментальных состояний других людей с регуляцией собственного поведения и проявлением эмпатии, согласно оценкам учителей [Liddle B., Nettle D., 2006].

В лонгитюдном исследовании развития модели психического, просоциального поведения, оцененного учителями, и рейтинга сверстников у детей 5–7 лет было показано не прямое влияние таких социально-когнитивных навыков, как понимание эмоций и понимание неверных мнений, на улучшение социальных взаимоотношений со сверстниками через развитие просоциального поведения [Caputi M. et al., 2012].

Косвенным доказательством взаимосвязи социально-эмоциональной компетентности (по оценкам родителей) и понимания внутреннего мира других людей являлись также результаты

сравнительного исследования детей с нарушениями интеллекта, обучающихся в условиях инклюзивных и коррекционных школ [Борисова Е.Ю., 2019]. Результаты показали, что для детей в условиях инклюзии характерны менее выраженные проявления социальной дезадаптации и родители оценивают их как более социально самостоятельных, чем детей из коррекционных школ. Это может свидетельствовать, как о влиянии большего социального опыта (в условиях инклюзии) на развитие социальной компетентности, так и о возможном влиянии родительского отношения и опыта взаимодействия с ребенком на его социальное развитие. Вместе с тем результаты исследований социальной компетентности у детей и подростков с интеллектуальными нарушениями не показали достоверной связи между успешностью решения задач на понимание неверных мнений и уровнем развития социальных навыков, оцененным с помощью Шкалы адаптивного поведения [Charman T., Campbell A., 2002].

Таким образом, возникают вопросы, действительно ли, что те дети, которых учителя и родители оценивают как успешных собеседников, хорошо понимающих ментальные состояния других людей и прогнозирующих их поведение, так же успешно справляются с тестами на распознавание эмоций и понимание неверных мнений в младшем школьном возрасте? Связаны ли демонстрируемые детьми навыки социальной компетентности и социально-эмоционального развития с успешностью решения тестов модели психического?

При использовании комплексных тестов на оценку модели психического часто страдает именно экологическая валидность, поскольку зачастую они могут не охватывать тех аспектов модели психического, которые могут проявляться именно в повседневном общении и взаимодействии детьми с ровесниками и взрослыми [Raver C., Leadbeater B.J., 1993]. В связи с этим хотелось бы оценить те аспекты социального понимания и социально-эмоциональной компетентности детей, которые сложно оценить классическими «лабораторными» задачами. Был разработан опросник для родителей и учителей, он помог оценить такие аспекты социального понимания и социальной компетентности младших школьников, как понимание причин сложных эмоций и понимание амбивалентности эмоций,

понимание причин поведения других людей при отсутствии у них доступа к актуальной информации о ситуации, проявление сочувствия и эмпатии, коммуникативных способностей, понимание и следование общепринятым правилам морали и поведения. Данные оценки социального понимания и социально-эмоциональной компетентности детей учителями и родителями в сопоставлении с оценками развития модели психического, согласно тестовым задачам, помогут полнее раскрыть картину социально-эмоционального развития в детском возрасте.

Цель исследования состояла в изучении роли модели психического в развитии социально-эмоциональной компетентности детей 7–9 лет, оцененной родителями и педагогами.

Гипотеза исследования: существуют различия в оценке взрослыми социально-эмоциональной компетентности детей, объясняемые разным уровнем успешности выполнения тестов на модель психического. Родители и педагоги будут выше оценивать социально-эмоциональную компетентность детей, которые лучше распознают ментальные состояния других людей и лучше понимают неверные мнения в ситуациях недоразумения.

Участники исследования

В исследовании приняли участие 49 детей 7–9 лет (от 7 лет 9 мес. до 9 лет; $M = 8$ лет 3 мес.; 21 девочка), обучающихся во 2-х классах общеобразовательных школ г. Москвы.

Методы и процедура исследования

Для оценки понимания ментальных состояний по их внешним проявлениям в поведении (мимике) использовался тест «Взгляд» («Reading the Mind in the Eyes»), разработанный С. Бароном-Коеном с коллегами [Baron-Cohen S. et al., 2001] для детей 6–12 лет, переведенный на русский язык и адаптированный Е. Саприной с коллегами (Центр психического здоровья РАМН). Материалы теста представляют собой буклет с 28 фотографиями глаз лиц разного возраста, выражающих то или иное ментальное состояние (задумчивость, грусть, гнев, интерес, сожаление, беспокойство, уверенность и т.п.), которые предъявляются последовательно. Ребенку необходимо распознать ментальное состояние человека на фотографии, выбрав одно из 4 названий

состояний, которые написаны около фотографии. Правильные ответы суммировались.

Развитие модели психического оценивалось с помощью теста «Распознавание недоразумений в социальных ситуациях» («Faux Pas Recognition Test»), разработанного С. Бароном-Коеном с коллегами [Baron-Cohen S. et al., 1999] для детей 7–11 лет, переведенный на русский язык и адаптированный сотрудниками лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН. Из теста были выбраны 5 историй, содержащих недоразумение; ребенку необходимо распознать недоразумение и ответить на вопросы, направленные на оценку понимания неверных мнений персонажей истории. Оценивалось понимание неверных мнений в ситуациях недоразумения и понимание недоразумений в общем; правильные ответы по всем 5 историям суммировались. Максимальная общая сумма баллов на понимание неверных мнений — 5 баллов.

Для оценки уровня социально-эмоциональной компетентности детей учителями и родителями, сотрудниками лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях ИП РАН разработан «Опросник оценки социально-эмоционального развития детей младшего школьного возраста», состоящий из 15 утверждений (по 3 на каждый блок), направленных на оценку:

- распознавания и понимания эмоций;
- понимания ментальных состояний других людей и возможности использования их для прогнозирования поведения;
- понимания обмана, неверных мнений и недоразумений в социальных ситуациях;
- эмпатии, просоциального поведения, понимания морально-нравственных норм и правил;
- развития социально-коммуникативных навыков.

Респондентов просили выбрать один вариант ответа на каждое утверждение, который, по их мнению, наиболее подходит для ребенка. Использовалась 5-балльная шкала: 1 — точно нет, 2 — скорее нет, 3 — затрудняюсь ответить, 4 — скорее да и 5 — точно да. Ответы суммировались по блокам (max — 15 баллов по каждому блоку). На каждого ребенка, принявшего уча-

стие в исследовании, анкету заполнял классный руководитель и один из родителей (законных представителей).

Статистические методы

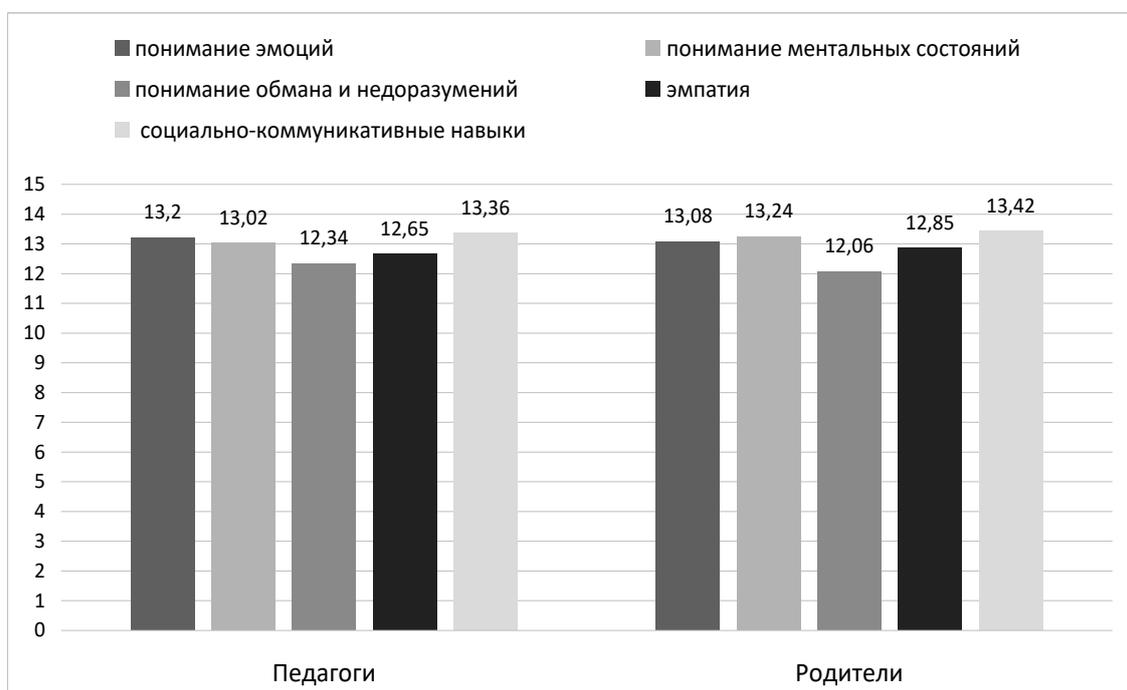
Обработка результатов исследования проводилась при помощи статистической программы SPSS 23.0. Для проверки гипотезы о различиях в оценках социально-эмоциональной компетентности взрослыми дети были разделены на 2 подгруппы по медианному критерию показателей тестов на модель психического. Выбор медианного показателя для разделения на подгруппы обусловлен небольшим количеством участников исследования и отсутствием нормального распределения переменных, оцененного с помощью непараметрического критерия Колмогорова–Смирнова с поправкой Лиллиефорс ($Z = ,200$ $p = ,008$ – «Взгляд»; $Z = ,329$ $p = ,000$ – «Распознавание недоразумений в социальных ситуациях»).

Для анализа различий переменных социально-эмоциональной компетентности у подгрупп детей с «высокими» и «низкими» показателями

по тестам на модель психического использовался непараметрический критерий Манна–Уитни. Для сравнения показателей оценок родителей и педагогов социально-эмоциональной компетентности детей использовался непараметрический критерий Вилкоксона. Для оценки связей между показателями успешности выполнения тестов на модель психического и оценками социально-эмоциональной компетентности детей родителями и педагогами использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования

В целом, педагоги и родители достаточно высоко оценивали социально-эмоциональную компетентность детей (рис. 1). При межгрупповом сравнении социально-эмоциональной компетентности не было выявлено достоверных различий по отдельным блокам опросника между оценками родителей и педагогов. Это означает, что родители и педагоги оценивают различные сферы социально-эмоциональной компетентности детей примерно одинаково (табл. 1).

Оценки социально-эмоциональной компетентности детей младшего школьного возраста (в баллах)

Assessments of socio-emotional competence of children of primary school age (in points)

Таблица 1. Сравнение показателей социально-эмоциональной компетентности, оцененной родителями и педагогами (критерий Вилкоксона)

Table 1. Comparison of indicators of socio-emotional competence, assessed by parents and teachers (Wilcoxon criterion)

Социально-эмоциональная компетентность	Z	Значимость (2-сторонняя)
Понимание эмоций	,425	,671
Понимание ментальных состояний	,278	,781
Понимание обмана и недоразумений	,809	,418
Проявления эмпатии	,385	,700
Социально-коммуникативные навыки	,360	,718

Анализируя оценки по каждому блоку, можно отметить, что понимание детьми обмана и недоразумений в социальных ситуациях, а так-

же проявление эмпатии и родители, и педагоги оценивают ниже, чем другие аспекты социальной компетентности (табл. 2).

Таблица 2. Сравнение оценок отдельных аспектов социально-эмоциональной компетентности детей родителями и педагогами (критерий Вилкоксона)

Table 2. Comparison of assessments of certain aspects of socio-emotional competence of children by parents and teachers (Wilcoxon criterion)

Группа сравнения	Родители		Педагоги	
	Z	Значимость (2-сторонняя)	Z	Значимость (2-сторонняя)
Понимание эмоций – Понимание обмана и недоразумений	4,27	,000	4,08	,000
Понимание ментальных состояний – Понимание обмана и недоразумений	4,57	,000	2,88	,004
Развитие социально-коммуникативных навыков – Понимание обмана и недоразумений	4,67	,000	3,55	,000
Понимание эмоций – Проявления эмпатии	0,78	,433	2,65	,008
Понимание ментальных состояний – Проявления эмпатии	2,11	,034	1,72	,089
Развитие социально-коммуникативных навыков – Проявления эмпатии	2,42	,015	3,32	,001

Рассматривая модель психического как возможный фактор развития социально-эмоциональной компетентности детей, сравнивались оценки социально-эмоциональной компетентности двух групп детей, разделенных по успешности выполнения теста на понимание ментальных состояний по внешним проявлениям в поведении (медианный критерий по результатам теста «Взгляд»). Были обнаружены межгрупповые различия по общей оценке родителями социально-эмоциональной компетентности детей ($U = 188,5$ при $p = 0,032$), а также по оценкам проявления эмпатии ($U = 174,5$ при $p = 0,013$), понимания ментальных состояний других людей ($U = 188$ при $p = 0,028$) и распознавания эмоций (на уровне тенденции $U = 206$ при $p = 0,069$). Это означает, что детей, которые лучше распознают эмоции и другие ментальные состояния по выражению глаз людей, родители оценивают как более социально-компетентных, чаще проявляющих эмпатию и другое просоци-

альное поведение, лучше понимающих эмоции и ментальные состояния других людей.

Сравнивались также оценки социально-эмоциональной компетентности, данные родителями, у групп детей, разделенных по успешности понимания неверных мнений в ситуациях недоразумения. Оказалось, что дети, лучше понимающие неверные мнения, также воспринимаются родителями как социально компетентные (по общему баллу анкеты: $U = 186$ при $p = 0,025$), лучше понимающие эмоции ($U = 182,5$ при $p = 0,018$) и ментальные состояния других людей ($U = 181$ при $p = 0,017$). Эти данные подтверждают достоверные взаимосвязи между оценкой социально-эмоционального развития детей родителями (общий балл анкеты) и распознаванием ментальных состояний по выражению глаз (тест «Взгляд», $r = 0,325$, $p = 0,023$) и пониманием неверных мнений в ситуациях недоразумения ($r = 0,284$, $p = 0,048$). Несмотря на небольшую силу связи, можно за-

ключить, что развитие модели психического и социально-эмоциональная компетентность (по оценкам родителей) оказываются взаимосвязанными.

Сравнением показателей развития модели психического у детей и оценок их социально-эмоциональной компетентности педагогами были выявлены достоверные различия между группами детей, разделенных по успешности выполнения теста «Взгляд» и успешности понимания неверных мнений в ситуациях недоразумения по отдельным показателям социально-эмоциональной компетентности. Было обнаружено, что дети, которые лучше понимали ментальные состояния по выражению глаз, лучше распознавали эмоции ($U = 202$ при $p = 0,05$) и чаще проявляли эмпатию ($U = 184$ при $p = 0,023$), по мнению педагогов. Показательно, что не было обнаружено различий в оценках педагогов социально-эмоциональной компетентности детей успешных и неуспешных в понимании неверных мнений, в отличие от оценок родителей. Корреляционный анализ выявил достоверные связи между успешностью распознавания эмоций и других ментальных состояний по выражению глаз и проявлениями эмпатии и другого просоциального поведения, по оценкам педагогов ($r = 0,297$, $p = 0,038$).

Обсуждение результатов

Наши данные согласуются с данными других исследований взаимосвязи модели психического и социально-эмоциональной компетентности, по оценкам родителей и учителей [Slaughter V. et al., 2015; De Rosnay M. et al., 2014]. Действительно, именно понимание эмоций и неверных мнений чаще всего оказывается связанным с развитием просоциального поведения [Caputi M., et al., 2012; Imuta K. et al., 2016; Liddle B., Nettle D., 2006]. Сравнительные исследования инклюзивного и коррекционного образования для детей с интеллектуальными нарушениями также демонстрируют достоверные связи между социальной компетентностью (по оценкам родителей и учителей) и выполнением задач по модели психического [Борисова Е.Ю., 2019; Yukselen A., Yaban E.H., 2013].

Результаты нашего исследования не выявили достоверных различий между оценками социально-эмоциональной компетентности родителями и учителями, хотя, по данным литературы, согласованность оценок описывается как низкая

или средняя [Carneiro A. et al., 2021]. Результаты сравнительного исследования социально-эмоциональной компетентности младших школьников показали преобладание оценок социальных навыков и саморегуляции, данных родителями, над оценками педагогов [Чеснокова О.Б., Тарасова К.С., 2015]. Авторы объясняют эти различия различиями ситуаций, в которых взрослые наблюдают ребенка: учителя имеют больше возможностей наблюдать общение детей со сверстниками и, соответственно, объективнее оценивать их социальные навыки.

Интересным, однако, является результат отсутствия достоверных взаимосвязей между проявлением понимания неверных мнений и оценками учителями социально-эмоциональной компетентности, в отличие от оценок родителей. Это может быть связано как с разным контекстом, в котором поведение ребенка наблюдают родители и учителя, так и с индивидуальными различиями ребенка в проявлении социальных навыков. Вероятно, не все дети, хорошо выполняющие стандартные тесты на модель психического, могут использовать это понимание в повседневном взаимодействии со сверстниками: это может быть сопряжено как с их способностями к саморегуляции, так и с вербальными способностями [Hughes C., 2011]. Данное предположение подтверждает точку зрения, что модель психического можно рассматривать как «нейтральный инструмент социального понимания», который может реализоваться как в просоциальном поведении, проявляющемся в эмпатии, альтруизме и стремлении к сотрудничеству с другими, так и в манипуляции другими и воздействии на них для достижения собственной выгоды [Caravita S.C.S. et al., 2010; Smith K.P., 2017]. Таким образом, учителя могут невысоко оценивать социально-эмоциональную компетентность детей, которые применяют свои навыки социального понимания для манипуляции поведением других людей, а не для помощи им. Это предположение нуждается в проверке в будущих исследованиях.

Выводы

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

1. Существуют различия в оценках социально-эмоциональной компетентности детей, которые лучше или хуже справлялись с тестами на модель психического. Родители и педагоги вы-

ше оценивали социально-эмоциональную компетентность детей, которые лучше распознавали ментальные состояния других людей и лучше понимали неверные мнения в ситуациях недоразумения.

2. При оценке социально-эмоциональной компетентности детей младшего школьного возраста взрослые больше опирались на такие навыки социального понимания, как распознавание эмоций и проявления эмпатии.

Список литературы

Борисова Е.Ю. Возможности социализации младших школьников с интеллектуальными нарушениями в условиях инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24, № 4. С. 81–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2019240407>

Сергиенко Е.А. Модель психического и социального познание // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/535> (дата обращения: 31.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.535>

Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического как основа становления понимания себя и Другого в онтогенезе человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 416 с.

Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И. Модель психического. Структура и динамика. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. 503 с.

Чеснокова О.Б., Тарасова К.С. Согласованность в оценке социо-эмоциональной компетентности младших школьников учителями и родителями // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сб. материалов юб. конф.: в 5 т. / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 152–155.

Baron-Cohen S., O’Riordan M., Jones R., Stone V.E., Plaisted K. A new test of social sensitivity: Detection of faux pas in normal children and children with Asperger syndrome // Journal of Autism and Developmental Disorders. 1999. Vol. 29, iss. 5. P. 407–418. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023035012436>

Baron-Cohen S., Wheelwright S., Spong A., Scacchi V., Lawson J. Are intuitive physics and intuitive psychology independent? A test with children with Asperger Syndrome // Journal of Developmental and Learning Disorders. 2001. Vol. 5, iss. 1. P. 47–78.

Caputi M., Lecce S., Pagnin A., Banerjee R. Longitudinal effects of theory of mind on later peer relations: the role of prosocial behavior // Developmental

Psychology. 2012. Vol. 48, iss. 1. P. 257–270. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0025402>

Caravita S.C.S., Di Blasio P., Salmivalli C. Early adolescents’ participation in bullying: Is ToM involved? // The Journal of Early Adolescence. 2010. Vol. 30, iss. 1. P. 138–170. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431609342983>

Carneiro A., Soares I., Rescorla L., Dias P. Meta-analysis on parent–teacher agreement on preschoolers’ emotional and behavioural problems // Child Psychiatry & Human Development. 2021. Vol. 52, iss. 4. P. 609–618. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01044-y>

Charman T., Campbell A. Theory of Mind and Social Competence in Individuals with a Mental Handicap // Journal of Developmental and Physical Disabilities. 2002. Vol. 14, iss. 3. P. 263–276. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1016076405731>

De Rosnay M., Fink E., Begeer S., Slaughter V., Peterson C. Talking theory of mind talk: young school-aged children’s everyday conversation and understanding of mind and emotion // Journal of Child Language. 2014. Vol. 41, iss. 5. P. 1179–1193. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0305000913000433>

Hughes C. Social understanding and social lives: From toddlerhood through to the transition to school. N.Y.: Psychology Press, 2011. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203813225>

Imuta K., Henry J.D., Slaughter V., Selcuk B., Ruffman T. Theory of mind and prosocial behavior in childhood: A meta-analytic review // Developmental Psychology. 2016. Vol. 52, iss. 8. P. 1192–1205. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000140>

Liddle B., Nettle D. Higher-order theory of mind and social competence in school-age children // Journal of Cultural and Evolutionary Psychology. 2006. Vol. 4, iss. 3–4. P. 231–244. DOI: <https://doi.org/10.1556/jcep.4.2006.3-4.3>

McAlister A., Peterson C. A longitudinal study of child siblings and theory of mind development // Cognitive Development. 2007. Vol. 22, iss. 2. P. 258–270. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2006.10.009>

Paine A.L., Pearce H., van Goozen S.H., de Sonnevill L.M., Hay D.F. Late, but not early, arriving younger siblings foster firstborns’ understanding of second-order false belief // Journal of Experimental Child Psychology. 2018. Vol. 166. P. 251–265. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2017.08.007>

Raver C., Leadbeater B.J. The problem of the other in research on theory of mind and social development // Human Development. 1993. Vol. 36, no. 6. P. 350–362. DOI: <https://doi.org/10.1159/000278223>

Razza R.A., Blair C. Associations among false-belief understanding, executive function, and social

competence: A longitudinal analysis // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2009. Vol. 30, iss. 3. P. 332–343. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.12.020>

Slaughter V., Imuta K., Peterson C.C., Henry J.D. Meta-analysis of theory of mind and peer popularity in the preschool and early school years // *Child Development*. 2015. Vol. 86, iss. 4. P. 1159–1174. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.12372>

Smith K.P. Bullying and theory of mind: A review // *Current Psychiatry Reviews*. 2017. Vol. 13, iss. 2. P. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.2174/1573400513666170502123214>

Song J.H., Volling B.L. Theory-of-Mind development and early sibling relationships after the birth of a sibling: Parental discipline matters // *Infant and Child Development*. 2018. Vol. 27, iss. 1. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/icd.2053> (accessed: 31.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.1002/icd.2053>

Yukselen A., Yaban E.H. Social competence of integrated children with mild intellectual disability // *Hacettepe University Journal of Education*. 2013. Vol. 28, iss. 3. P. 457–471.

Получена: 01.11.2021. Доработана после рецензирования: 23.03.2022. Принята к публикации: 05.04.2022

References

Baron-Cohen, S., O’Riordan, M., Jones, R., Stone, V.E. and Plaisted, K. (1999). A new test of social sensitivity: Detection of faux pas in normal children and children with Asperger syndrome. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. Vol. 29, iss. 5, pp. 407–418. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023035012436>

Baron-Cohen, S., Wheelwright, S., Spong, A., Scallion, V. and Lawson, J. (2001). Are intuitive physics and intuitive psychology independent? A test with children with Asperger Syndrome. *Journal of Developmental and Learning Disorders*. Vol. 5, iss. 1, pp. 47–78.

Borisova, E.Yu. (2019). [Opportunities of socialization of younger school students with intellectual disabilities in inclusive education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 24, no. 4, pp. 81–91. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2019240407>

Caputi, M., Lecce, S., Pagnin, A. and Banerjee, R. (2012). Longitudinal effects of theory of mind on later peer relations: the role of prosocial behavior. *Developmental Psychology*. Vol. 48, iss. 1, pp. 257–270. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0025402>

Caravita, S.C.S., Di Blasio, P. and Salmivalli, C. (2010). Early adolescents’ participation in bullying: Is ToM involved? *The Journal of Early Adolescence*. Vol. 30, iss. 1, pp. 138–170. DOI: <https://doi.org/10.1177/0272431609342983>

Carneiro, A., Soares, I., Rescorla, L. and Dias, P. (2021). Meta-analysis on parent–teacher agreement on preschoolers’ emotional and behavioural problems. *Child Psychiatry & Human Development*. Vol. 52, iss. 4, pp. 609–618. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10578-020-01044-y>

Charman, T. and Campbell, A. (2002). Theory of mind and social competence in individuals with a mental handicap. *Journal of Developmental and Physical Disabilities*. Vol. 14, iss. 3, pp. 263–276. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1016076405731>

Chesnokova, O.B. and Tarasova, K.S. (2015). [Consistency in the assessment of the socio-emotional competence of primary schoolchildren by teachers and parents]. *Ot istokov k sovremennosti. 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete: sbornik materialov yubileynoy konferentsii: v 5 t.* [From the origins to the present. 130 years of the organization of the psychological society at Moscow University: collection of materials from the anniversary conference: in 5 vols]. Moscow: Cogito-Centre Publ., pp. 152–155.

De Rosnay, M., Fink, E., Begeer, S., Slaughter, V. and Peterson, C. (2014). Talking theory of mind talk: young school-aged children’s everyday conversation and understanding of mind and emotion. *Journal of Child Language*. Vol. 41, iss. 5, pp. 1179–1193. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0305000913000433>

Hughes, C. (2011). *Social understanding and social lives: From toddlerhood through to the transition to school*. New York: Psychology Press, 256 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203813225>

Imuta, K., Henry, J.D., Slaughter, V., Selcuk, B. and Ruffman, T. (2016). Theory of mind and prosocial behavior in childhood: A meta-analytic review. *Developmental Psychology*. Vol. 52, iss. 8, pp. 1192–1205. DOI: <https://doi.org/10.1037/dev0000140>

Little, B. and Nettle, D. (2006). Higher-order theory of mind and social competence in school-age children. *Journal of Cultural and Evolutionary Psychology*. Vol. 4, iss. 3–4, pp. 231–244. DOI: <https://doi.org/10.1556/jcep.4.2006.3-4.3>

McAlister, A. and Peterson, C. (2007). A longitudinal study of child siblings and theory of mind development. *Cognitive Development*. Vol. 22, iss. 2, pp. 258–270. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2006.10.009>

Paine, A.L., Pearce, H., van Goozen, S.H., de Sonnevill, L.M. and Hay, D.F. (2018). Late, but

not early, arriving younger siblings foster firstborns' understanding of second-order false belief. *Journal of Experimental Child Psychology*. Vol. 166, pp. 251–265. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jecp.2017.08.007>

Raver, C. and Leadbeater, B.J. (1993). The problem of the other in research on theory of mind and social development. *Human Development*. Vol. 36, no. 6, pp. 350–362. DOI: <https://doi.org/10.1159/000278223>

Razza, R.A. and Blair, C. (2009). Associations among false-belief understanding, executive function, and social competence: A longitudinal analysis. *Journal of Applied Developmental Psychology*. Vol. 30, iss. 3, pp. 332–343. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2008.12.020>

Sergienko, E.A. (2015). [Theory of mind and social cognition]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 42. Available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/535> (accessed 31.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.535>

Sergienko, E.A., Lebedeva, E.I. and Prusakova, O.A. (2009). *Model' psikhicheskogo kak osnova stanovleniya ponimaniya sebya i Drugogo v ontogeneze cheloveka* [The mental model as the basis for the formation of an understanding of the self and the Other in human ontogenesis]. Moscow: IP RAS Publ., 416 p.

Sergienko, E.A., Ulanova, A.Yu. and Lebedeva, E.I. (2009). *Model' psikhicheskogo. Struktura i dinamika* [Theory of mind. Structure and dynamics]. Moscow: IP RAS Publ., 503 p.

Slaughter, V., Imuta, K., Peterson, C.C. and Henry, J.D. (2015). Meta-analysis of theory of mind and peer popularity in the preschool and early school years. *Child Development*. Vol. 86, iss. 4, pp. 1159–1174. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdev.12372>

Smith, K.P. (2017). Bullying and theory of mind: A review. *Current Psychiatry Reviews*. Vol. 13, iss. 2, pp. 90–95. DOI: <https://doi.org/10.2174/1573400513666170502123214>

Song, J.H. and Volling, B.L. (2018). Theory-of-Mind development and early sibling relationships after the birth of a sibling: Parental discipline matters. *Infant and Child Development*. Vol. 27, iss. 1. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/icd.2053> (accessed 31.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.1002/icd.2053>

Yukselen, A. and Yaban, E.H. (2013). Social competence of integrated children with mild intellectual disability. *Hacettepe University Journal of Education*. Vol. 28, iss. 3, pp. 457–471.

Received: 01.11.2021. Revised: 23.03.2022. Accepted: 05.04.2022

Об авторе

Лебедева Евгения Игоревна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
психологии развития субъекта в нормальных
и посттравматических условиях

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: evlebedeva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0888-8273>
ResearcherID: Q-7550-2016

About the author

Evgeniya I. Lebedeva

Candidate of Psychology, Senior Researcher
of the Laboratory of Developmental Psychology
of the Subject in the Normal and Post-traumatic States

Institute of Psychology, Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaaya st., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: evlebedeva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0888-8273>
ResearcherID: Q-7550-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лебедева Е.И. Модель психического и социально-эмоциональная компетентность детей младшего школьного возраста (по оценкам родителей и педагогов) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 277–286. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-277-286](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-277-286)

For citation:

Lebedeva E.I. [Theory of mind and socio-emotional competence in children of primary school age (as estimated by parents and teachers)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 277–286 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-277-286](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-277-286)

УДК 159.922.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-287-295

СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ: СРАВНЕНИЕ САМООТЧЕТА И ВНЕШНЕЙ ОЦЕНКИ

Уланова Анна Юрьевна

Институт психологии Российской академии наук (Москва)

Эффективная оценка социально-эмоциональной компетентности детей и подростков важна не только для изучения индивидуальных и возрастных различий, но и для предупреждения поведенческих и эмоциональных трудностей и определения мишеней для педагогического воздействия. Разные способы оценки (самоотчет и внешняя оценка учителями, родителями, сверстниками) позволяют получить информацию о социально-эмоциональном развитии в разных социальных контекстах, однако не всегда обнаруживают связность, так как каждый из информантов имеет свой опыт наблюдения за теми или иными характеристиками детей. В настоящем исследовании социально-эмоциональная компетентность старших подростков рассматривается на примере эмоционального интеллекта, измеренного методом самоотчета, и внешней оценки школьным учителем разных форм социального поведения. Ставится вопрос соответствия оценок учеников и таковых учителей. Выборку исследования составили 42 подростка 14–16 лет и два учителя классов, в которых респонденты проходили обучение. Подростки заполняли опросник ЭМИн, направленный на оценку представлений респондентов о своем эмоциональном интеллекте. Учителя заполняли анкету, включающую оценку пяти разных аспектов социально-эмоционального развития, в том числе понимание эмоций и возможности использования их для прогнозирования поведения, понимание социальных ситуаций, эмпатии, просоциального поведения, коммуникативных навыков и др. В результате анализа полученных данных показана фрагментарная согласованность оценок подростков и учителей. Корреляция была обнаружена только в оценке аспекта понимания эмоций. При этом анализ согласованности оценок внутри двух разных классов (и соответственно у разных учителей) выявил существенные различия, что актуализирует вопросы качества внешней оценки и подбора экспертов при проведении исследований. Полученные результаты подводят к необходимости постановки новых исследовательских вопросов, дальнейшего поиска внешних критериев социально-эмоциональной компетентности в подростковом возрасте и подбора адекватных способов их оценки.

Ключевые слова: социально-эмоциональная компетентность, эмоциональный интеллект, согласованность оценок, эмоциональная компетентность учителей, старший подростковый возраст.

SOCIO-EMOTIONAL COMPETENCE OF OLDER ADOLESCENTS: A COMPARISON OF SELF-REPORT AND EXTERNAL ASSESSMENT

Anna Yu. Ulanova

Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences

Effective assessment of the social and emotional competence of children and adolescents is important for studying individual and age differences, as well as for preventing behavioral and emotional difficulties and developing assistance measures. Different types of assessment (self-report and external assessment by teachers, parents, peers) provide important information about social and emotional development, but

they do not always show concordance since each informant has his own experience of observing certain characteristics of children. In this study, we examine the socio-emotional competence of older adolescents through emotional intelligence, measured by the self-report method, and external assessment of various forms of social behavior by school teachers. Particular attention is given to the question of correspondence between the assessments of students and teachers. The study involved 42 teenagers aged 14-16 and their class teachers. The adolescents filled out the EmIn questionnaire aimed at assessing the respondents' perceptions of their emotional intelligence. The teachers filled out a questionnaire that included an assessment of five different aspects of social and emotional development: understanding of emotions and the ability to predict behavior based on that, understanding of social situations, empathy, prosocial behavior, communication skills, etc. The analysis of the data showed low concordance between the assessments given by adolescents and teachers. Correlation was found only in the assessment of the aspect of understanding emotions. At the same time, the analysis of assessments given in two different classes (and, accordingly, by different teachers) revealed significant differences. This highlights the importance of quality of external evaluation and selection of experts to conduct research. The results raise new research questions and indicate the need for further search for external criteria of socio-emotional competence in adolescence and for selection of adequate assessment methods.

Keywords: socio-emotional competence, emotional intelligence, concordance of assessments, emotional competence of teachers, senior adolescence.

С первых дней жизни общение не только является фактором психического развития ребенка, но и становится для него важнейшей сферой жизни, которая позволяет познавать окружающий мир, формировать эмоциональные реакции и в дальнейшем осваивать модели социального поведения. В современной литературе многие исследователи, характеризуя способность человека эффективно взаимодействовать с окружающими его людьми, оперируют понятием социально-эмоциональной компетентности. Среди близких понятий (эмоциональная компетентность, социальная компетентность, эмоциональный интеллект, социальный интеллект и др.) данный исследовательский конструкт представляется наиболее интегративным и позволяет комплексно оценивать совокупность как эмоциональных, так и социальных компетенций, обеспечивающих адаптивность субъекта к разным социальным ситуациям [Пархоменко К.С., 2015; Ahmad S. et al., 2019]. При этом компетентностный подход как парадигма включает в себя интеграцию как знаний, так и опыта человека, определяющих меру успешности индивида в обществе. Таким образом, высокая социально-эмоциональная компетентность предполагает не только ориентацию в социальных ситуациях, состояниях других людей, средствах общения, но и практический аспект — владение коммуникативными навыками, способами преодоления трудностей, решение коммуникативных задач. Уровень развития социально-эмоциональной компетентности отражает-

ся в степени эффективности в социальном взаимодействии [Buckley M. et al., 2003]. Среди многообразия теоретических представлений о социально-эмоциональной компетентности можно выделить несколько общих компонентов: понимание эмоций, саморегуляция, эмпатия, коммуникативные и социальные навыки [Durlak J.A. et al., 2011].

Способ оценки социально-эмоциональной компетентности детей и подростков может быть основан как на самоотчете, так и внешней оценке выраженности тех или иных компонентов. Метод внешней оценки (учителями, родителями, сверстниками) позволяет описать выраженность компонентов социально-эмоциональной компетентности в разных социальных контекстах. Причем к ограничениям данного метода относится субъективный характер такой оценки, который соотносится со способностями респондентов к распознаванию социально-эмоциональных аспектов развития. Например, серия исследований М. Пулу показывают, что собственная эмоциональная компетентность учителей имеет значение как для установления качества взаимоотношений с учениками, так и для восприятия их социальных навыков [Poulou M.S., 2017 и др.]. Использование системного подхода к диагностике социально-эмоциональной компетентности позволяет снять данные ограничения и является на сегодняшний день «золотым стандартом» проведения исследований [Пархоменко К.С., 2015; Renk K., 2005]. Однако при этом встает вопрос

о согласованности оценок разных респондентов. В метааналитическом исследовании К. Ренка, В. Фареса показано, что величина эффекта между оценками ребенком/подростком своей социальной компетентности и ее внешней оценкой (учителем, родителем, сверстниками) в среднем имеет слабую выраженность (от 0.21 до 0.30) [Renk K., Phares V., 2004]. Анализ соответствия оценок ученика и таковых учителя показывает, что их согласованность снижается с возрастом и наименьшее значение имеет в подростковом возрасте. Причем наибольшее соответствие демонстрируют оценки учителей и сверстников (0.48) [Renk K., Phares V., 2004]. Понимание специфики представлений о социально-эмоциональной компетентности детей и подростков у разных информантов позволяет точнее подойти к выбору релевантной экспертной группы.

В качестве одного из конструктов, который дает возможность содержательно раскрывать некоторые аспекты социально-эмоциональной компетентности, можно рассматривать эмоциональный интеллект. Среди прочих компонентов, обеспечивающих успешность в социальном взаимодействии, данный конструкт позволяет сфокусироваться на анализе эмоциональных способностей. Поэтому в структуре эмоционального интеллекта большинство авторов отмечают наличие таких компонентов, как идентификация и понимание эмоций, использование эмоций в решении проблем, способность к управлению эмоциями (Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Гоулман, Р. Бар-Он, М.А. Манойлова, Д.В. Люсин). Эти способности развиваются непрерывно начиная с раннего возраста, но в разной степени выражены у детей, подростков, взрослых разного возраста. Особенно сензитивным периодом в формировании эмоционального интеллекта является подростковый возраст. Стремительная социализация подростков обуславливает возникновение потребностей в самоутверждении, популярности и способствует формированию социальных умений и навыков, усвоению социальных ролей.

Множество эмпирических данных накоплено относительно связи эмоционального интеллекта детей и подростков с различными показателями социальной успешности. Так, описана сопряженность эмоционального интеллекта с восприятием и положительными оценками в

среде сверстников в разные периоды школьного обучения [Mavroveli S. et al., 2009]. Подростки с более высоким эмоциональным интеллектом и развитыми социальными навыками реже сталкиваются с эмоциональными и поведенческими трудностями [Poulou M.S., 2014]. В исследовании Петридес с коллегами дети младшего школьного возраста с более высокими баллами по эмоциональному интеллекту были отмечены сверстниками как более склонные к сотрудничеству и проявлению лидерских качеств, а учителями — как склонные к просоциальному поведению [Petrides K.V. et al., 2006]. В другом исследовании выделяется три показателя социально-эмоциональной компетентности, в которых эмоциональный интеллект имеет прогностический потенциал: выявление психопатологических симптомов, популярность и высокие оценки личных качеств среди сверстников [Frederickson N. et al., 2012]. В этой работе обсуждается также проблема выделения внешних критериев социально-эмоциональной компетентности и согласованности оценок, полученных от разных экспертов, — разные информанты устанавливают свои специфические взаимосвязи социально-эмоционального развития с эмоциональным интеллектом.

Поскольку существуют различия во взглядах на природу эмоционального интеллекта, вопрос методического обеспечения решается исследователями по-разному [Mavroveli S. et al., 2008]. Использование метода самоотчета на подростковой выборке вызывает сомнения у некоторых авторов ввиду возможных искажений (в сторону социальной желательности) и ограниченных способностей респондентов к рефлексии. Однако в исследовании Дж. Чиаррочи с коллегами, проведенном на выборке 13–15-летних подростков, сообщается, что оценки участниками своего эмоционального интеллекта были надежными, сопоставимыми с результатами на взрослой выборке и демонстрировали связь с рядом ожидаемых показателей (пол, распознавание эмоций по мимике, количество социальных контактов и др.) даже при контроле параметров самооценки и тревожности [Ciarrrochi J. et al., 2001]. В отечественной литературе отмечается, что использование метода самоотчета при оценке эмоционального интеллекта подростков позволяет также исследовать взаимо-

связи с разными аспектами психологического благополучия и межличностных отношений [Кочетова Ю.А., 2019; Уланова А.Ю., 2021, Чежина Я.В., 2021 и др.], что свидетельствует о результативности такого способа сбора данных. Собственная оценка подростками своей эмоциональной компетентности представляет интерес как один из аспектов становления представлений о себе.

В настоящем исследовании планируется сопоставить представления о своем эмоциональном интеллекте у подростков с рядом поведенческих показателей социально-эмоциональной компетентности, измеренных учителями. Эмоциональный интеллект рассматривается как способность к пониманию и управлению эмоциями у себя и другого и предполагается, что данный показатель будет соотноситься с тем, какие социальные навыки и компетенции ребенок демонстрирует в повседневной жизни. При этом в исследовании ставится также вопрос соответствия оценок подростков и учителей: исследуемые показатели будут интерпретироваться в терминах представлений. Цель исследования — изучить взаимосвязь между представлениями об уровне своего эмоционального интеллекта у подростков и представлениями об их социально-эмоциональной компетентности у педагогов.

Участники и методы исследования

В исследовании приняли участие 42 респондента старшего подросткового возраста (14–16 лет). Выборка была уравнена по полу (21 юноша, 21 девушка). Все участники на момент исследования проходили обучение в двух разных классах одной школы.

Для оценки эмоционального интеллекта (далее — ЭИ) подростков был использован опросник ЭМИн — психодиагностическая методика, разработанная на российской выборке [Люсин Д.В., 2009]. В основе опросника лежит трактовка эмоционального интеллекта как способности к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими. Опросник основан на самоотчете респондентов и поэтому измеряет не саму способность понимать эмоции или управлять ими, а представления респондентов о своем эмоциональном интеллекте. На бланке опросника предложено 46 утверждений, по отноше-

нию к которым испытуемый должен выразить степень своего согласия, используя 4-балльную шкалу (совсем не согласен, скорее не согласен, скорее согласен, полностью согласен). Утверждения объединяются в четыре шкалы: межличностный ЭИ (способность к пониманию эмоций других людей и управлению ими), внутриличностный ЭИ (способность к пониманию собственных эмоций и управлению ими), понимание эмоций (способность к пониманию своих и чужих эмоций), управление эмоциями (способность к управлению своими и чужими эмоциями).

Для внешней оценки уровня социально-эмоциональной компетентности подростков (далее — СЭК) была использована «Анкета оценки социально-эмоциональной компетентности детей подросткового возраста». Пункты анкеты были разработаны коллективом сотрудников Института психологии РАН (Е.А. Сергиенко, Е.И. Лебедева, А.Ю. Уланова) с целью проведения комплексной оценки различных факторов, составляющих социально-эмоциональную компетентность. Анализ литературных источников позволили выделить ряд целевых показателей с учетом возрастных особенностей респондентов [Durlak J.A. et al., 2011; Frederickson N. et al., 2012 и др.]. Утверждения анкеты описывали различные компетенции с примерами их выраженности в поведении подростков. Пример утверждения: «Проявляет сочувствие к другому человеку и стремится помочь. Если видит, что другой человек расстроен — спрашивает, что случилось, жалеет, предлагает помощь». Всего анкета включала 15 утверждений, направленных на оценку пяти разных аспектов: распознавания и понимания эмоций; понимания ментальных состояний других людей и возможности использования их для прогнозирования поведения; понимания обмана и недоразумений в социальных ситуациях; эмпатии; просоциального поведения, понимания морально-нравственных норм и правил; развития социально-коммуникативных навыков. Респонденту предлагалось оценить каждое утверждение анкеты по 5-балльной шкале в соответствии с уровнем развития подростка (от «точно нет» до «точно да»). На всех участников исследования анкета была заполне-

на учителем класса, в котором ребенок проходит обучение.

Поскольку часть вопросов анкеты оценивает те же способности ребенка, что и опросник, в исследовании ставится вопрос о согласованности внешней оценки взрослым с результатами заполнения опросника подростками.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS Statistics. Для корреляционного анализа был использован непараметрический критерий Спирмена, для поиска различий — критерий Манна–Уитни.

*Средние значения и стандартное отклонение для показателей шкал опросника ЭМИн
Average values and standard deviation for indicators of scales of the EmIn questionnaire*

Значение	Шкалы ЭИ			
	Межличностный ЭИ	Внутриличностный ЭИ	Понимание эмоций	Управление эмоциями
Среднее	42,83	44,71	43,36	44,19
SD	9,86	9,68	9,63	9,30

Полученные средние значения сопоставимы с выраженностью признаков на взрослой выборке, приведенной в литературе, однако разброс значений выше для всех шкал [Люсин Д.В., 2009]. При оценке половой специфики был обнаружен более высокий уровень (но не достигающий значимости) межличностного эмоционального интеллекта у девушек, показатели других шкал были выше у юношей. Данный результат отчасти поддерживает тенденцию, выявленную на взрослой выборке, где показатели по всем шкалам были выше у мужчин. Однако в некоторых отечественных исследованиях, проведенных с помощью данной методики на подростковой выборке, также прослеживалось увеличение показателей межличностного эмоционального интеллекта у девушек по сравнению с юношами [Кочетова Ю.А., Климакова М.В., 2017; Каргина А.Е., Морозова И.С., 2020]. Возможно, в рамках самоотчета юноши в целом демонстрируют большую уверенность в своей компетентности, однако область межличностных взаимодействий кажется им сложнее.

Анализ анкеты, заполненной учителями, показывает равномерное распределение средних значений при оценке разных блоков социально-эмоциональной компетентности (от 12.62 до 12.90). Незначительно выше были оценки по блоку вопросов, направленных на оценку распознавания и понимания эмоций (13.43). При

Результаты и их обсуждение

Первая линия анализа данных позволила описать количественные показатели социально-эмоциональной компетентности в подростковом возрасте. При изучении результатов опросника на эмоциональный интеллект было выявлено, что выраженность отдельных шкал опросника (внутриличностного и межличностного, понимания и управления эмоциями) не имеет значимых различий (см. таблицу).

оценке половых различий было обнаружено, что девушки оценивались учителями как более компетентные по всем пяти аспектам анкеты, однако только различия между показателями развития социально-коммуникативных навыков у юношей и девушек достигли уровня тенденции ($U = 150$, при $p = 0.74$).

Далее для сравнения показателей эмоционального интеллекта и социально-эмоциональной компетентности по оценкам учителей был проведен корреляционный анализ. Результаты анализа данных на общей выборке, вопреки нашему предположению, не обнаружили выраженной взаимозависимости. Единственная корреляция появилась между шкалой понимания эмоций (по оценкам ученика) и блоком вопросов, в котором учителя оценивали понимание участниками ментальных состояний других людей и возможности использования их для прогнозирования поведения ($r = 0.315$, $p = 0.042$). В данном случае можно говорить о том, что самооценка уровня понимания эмоций подростками соотносилась с тем, как учителя оценивали их способности к пониманию причин эмоций и разделению чужой точки зрения.

Принимая во внимание субъективный характер внешней оценки и различные возможности к оцениванию и распознаванию социально-эмоциональных аспектов развития учителями, заполняющими анкеты, был проведен также

корреляционный анализ отдельно для каждого из участвующих в исследовании школьных классов. Таким образом, удалось сопоставить согласованность представлений подростков о себе и таковых их учителей в двух разных классах.

В одном из классов ($N = 27$) было обнаружено несколько взаимосвязей: блок вопросов анкеты, оценивающих проявления у детей эмпатии, просоциального поведения, понимания морально-нравственных норм выявил корреляцию с тремя шкалами эмоционального интеллекта — внутриличностным компонентом ($r = 0.452$, $p = 0.018$), пониманием эмоций ($r = 0.442$, $p = 0.021$) и контролем экспрессии ($r = 0.464$, $p = 0.015$). Можно предположить, что поведение, связанное с проявлением помощи или моральным выбором, является одним из доступных для наблюдения признаков развития компетентности и позволяет наблюдающему делать более точные выводы о развитии соответствующих способностей. Кроме того, в данном классе оценки подростками своего уровня понимания эмоций обнаружили взаимосвязь с оценкой учителем понимания ментальных состояний других людей (не только эмоций) ($r = 0.536$, $p = 0.004$).

В другом классе ($N = 15$) были установлены только две взаимосвязи, при этом обе с отрицательным знаком. Обратную согласованность обнаружила субшкала «контроль экспрессии» из опросника на эмоциональный интеллект с двумя блоками вопросов: на оценку понимания обмана и недоразумений в социальных ситуациях ($r = -0.544$, $p = 0.036$) и развития социально-коммуникативных навыков ($r = -0.654$, $p = 0.008$). Подростки, которые указывали, что способны лучше контролировать проявления своих эмоций, получали более низкие оценки относительно коммуникативных навыков и понимания социальных ситуаций. Возможно, излишний контроль за внешним проявлением эмоций может создавать со стороны картину недостаточной социальной интегрированности подростка.

Таким образом, оценки социально-эмоциональной компетентности подростков и оценки учителей характеризуются фрагментарной согласованностью и зависимостью от навыков эксперта. Интерпретация полученного результата может быть проведена с разных то-

чек зрения. С одной стороны, представления подростка могут отличаться недостаточной зрелостью, а ответы на некоторые вопросы отражать субъективно или социально желательный результат, желание казаться «более взрослым». Однако, как и в исследовании Дж. Чиаррочи с коллегами, анализ средних значений и распределения ответов отражает соответствие результатов данным, получаемым на взрослых выборках [Ciarrochi J. et al., 2001]. С другой стороны, оценка социально-эмоциональной компетентности учителями, как и любая внешняя оценка, отражает субъективное представление о способностях детей и ограничена возможностями распознавания разных эмоциональных состояний и наблюдательностью респондента. Эта точка зрения подтверждается результатами сопоставления согласованности оценок учителей и оценок учеников в двух классах. Разные учителя продемонстрировали различную согласованность оценок с оценками учеников. Кроме того, представление учителя о социально-эмоциональной компетентности формируется на основе взаимодействий внутри школы, что уже не является единственным социальным контекстом подростка. Стоит учитывать также ограниченность текущего исследования, которое заключается в небольшой выборке участников.

Таким образом, результаты работы продемонстрировали традиционную для данной области исследований методическую трудность — несогласованность оценок двух разных информантов, что в англоязычной литературе обозначается термином «inter-informant agreement». Аналогичный результат описан в литературе с указанием на то, что согласованность в оценках учителей и оценках учеников снижается с возрастом и особенно слабую выраженность имеет касательно подросткового периода [Renk K., Phares V., 2004].

На основе полученных данных сформулированы следующие *выводы*:

1. При сравнении показателей эмоционального интеллекта старших подростков, измеренного методом самоотчета и внешней оценки поведенческих показателей социально-эмоциональной компетентности учителями обнаружена лишь фрагментарная взаимосвязь. Согласованными оказались только оценки понима-

ния эмоций, данный аспект ученики и учителя оценивали схожим образом.

2. При рассмотрении согласованности оценок внутри двух разных классов выявлены существенные различия, что позволяет акцентировать важность качества внешней оценки и необходимость подбора экспертов при проведении исследований.

Полученные результаты — свидетельство необходимости постановки новых исследовательских вопросов, дальнейшего поиска внешних критериев социально-эмоциональной компетентности в подростковом возрасте и подбора адекватных способов их оценки.

Выражение признательности

Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2022-0005 «Онто- и субъектогенез психического развития человека в разных жизненных ситуациях».

Acknowledgements

The research was carried out in accordance with State Assignment No. 0138-2022-0005 of Ministry of Education and Science of the RF «Onto- and subjectogenesis of human mental development in different life situations».

Список литературы

Каргина А.Е., Морозова И.С. Гендерные различия параметров эмоционального интеллекта подростков // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 9. С. 59–63. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.9.10>

Кочетова Ю.А. Эмоциональный интеллект и тип межличностного общения на этапе ранней юности // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/51PSMN519.html> (дата обращения: 21.10.2021).

Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Гендерные различия в эмоциональном интеллекте у старших подростков // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 4. С. 65–74. DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090407>

Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭИИ: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 264–278.

Пархоменко К.С. Анализ подходов к оценке социо-эмоциональной компетентности в дошкольном и младшем школьном возрасте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 2. С. 69–73.

Уланова А.Ю. Соотношение эмоционального интеллекта и когнитивной регуляции эмоций в старшем подростковом возрасте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 1. С. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-97-107>

Чежина Я.В. Взаимосвязь лидерских качеств и характеристик эмоционального интеллекта у подростков // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 2. С. 174–183. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-174-183>

Ahmad S., Peterson E.R., Waldie K.E., Morton S.M.B. Development of an index of socio-emotional competence for preschool children in the growing up in New Zealand study // Frontiers in Education. 2019. Vol. 4. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2019.00002/full> (accessed: 21.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.3389/educ.2019.00002>

Buckley M., Storino M., Saarni C. Promoting emotional competence in children and adolescents: Implications for school psychologists // School Psychology Quarterly. 2003. Vol. 18, iss. 2. P. 177–191. DOI: <https://doi.org/10.1521/scpq.18.2.177.21855>

Ciarrochi J., Chan A.Y.C., Bajgar J. Measuring emotional intelligence in adolescents // Personality and Individual Differences. 2001. Vol. 31, iss. 7. P. 1105–1119. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(00\)00207-5](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(00)00207-5)

Durlak J.A., Weissberg R.P., Dymnicki A.B., Taylor R.D., Schellinger K.B. The impact of enhancing students' social and emotional learning: A meta-analysis of school based universal programs // Child Development. 2011. Vol. 82, iss. 1. P. 405–432. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01564.x>

Frederickson N., Petrides K.V., Simmonds E. Trait emotional intelligence as a predictor of socio-emotional outcomes in early adolescence // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 52, iss. 3. P. 323–328. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.10.034>

Mavroveli S., Petrides K.V., Sangareau Y., Furnham A. Exploring the Relationships between Trait Emotional Intelligence and Objective Socio-Emotional Outcomes in Childhood // British Journal of Educational Psychology. 2009. Vol. 79, iss. 2.

P. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1348/000709908x368848>

Mavroveli S., Petrides K.V., Shove C., Whitehead A. Investigation of the construct of trait emotional intelligence in children // *European Child & Adolescent Psychiatry*. 2008. Vol. 17, iss. 8. P. 516–526. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-008-0696-6>

Petrides K.V. Sangareau Y., Furnham A., Frederickson N. Trait emotional intelligence and children's peer relations at school // *Social Development*. 2006. Vol. 15, iss. 3. P. 537–547. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2006.00355.x>

Poulou M.S. An examination of the relationship among teachers' perceptions of social-emotional learning, teaching efficacy, teacher-student interactions, and students' behavioral difficulties // *International Journal of School & Educational Psychology*. 2017. Vol. 5, iss. 2. P. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/21683603.2016.1203851>

Poulou M.S. How are trait emotional intelligence and social skills related to emotional and behavioral difficulties in adolescents? // *Educational Psychology*. 2014. Vol. 34, iss. 3. P. 354–366. DOI: <https://doi.org/10.1080/01443410.2013.785062>

Renk K. Cross-informant ratings of the behavior of children and adolescents: The «gold standard» // *Journal of Child and Family Studies*. 2005. Vol. 14, iss. 4. P. 457–468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-005-7182-2>

Renk K., Phares V. Cross-informant ratings of social competence in children and adolescents // *Clinical Psychology Review*. 2004. Vol. 24, iss. 2. P. 239–254. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.01.004>

Получена: 08.11.2021. Доработана после рецензирования: 06.05.2022. Принята к публикации: 15.05.2022

References

Ahmad, S., Peterson, E.R., Waldie, K.E. and Morton, S.M.B. (2019). Development of an index of socio-emotional competence for preschool children in the growing up in New Zealand study. *Frontiers in Education*. Vol. 4. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/educ.2019.00002/full> (accessed 21.10.2021). DOI: <https://doi.org/10.3389/educ.2019.00002>

Buckley, M., Storino, M. and Saarni, C. (2003). Promoting emotional competence in children and adolescents: Implications for school psychologists. *School Psychology Quarterly*. Vol. 18, iss. 2, pp. 177–191. DOI: <https://doi.org/10.1521/scpq.18.2.177.21855>

Chezina, Ya.V. (2021). [Leadership qualities and emotional intelligence in adolescents]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii* [Psychology in Education]. Vol. 3, no. 2, pp. 174–183. DOI: <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-174-183>

Ciarrochi, J., Chan, A.Y., and Bajgar, J. (2001). Measuring emotional intelligence in adolescents. *Personality and Individual Differences*. Vol. 31, iss. 7, pp. 1105–1119. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0191-8869\(00\)00207-5](https://doi.org/10.1016/s0191-8869(00)00207-5)

Durlak, J.A., Weissberg, R.P., Dymnicki, A.B., Taylor, R.D. and Schellinger, K.B. (2011). The impact of enhancing students' social and emotional learning: A meta-analysis of school-based universal interventions. *Child Development*. Vol. 82, iss. 1, pp. 405–432. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.2010.01564.x>

Frederickson, N., Petrides, K.V., and Simmonds, E. (2012). Trait emotional intelligence as a predictor of socioemotional outcomes in early adolescence. *Personality and Individual Differences*. Vol. 52, iss. 3, pp. 323–328. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2011.10.034>

Kargina, A.E. and Morozova, I.S. (2020). [Gender differences in parameters of emotional intelligence of adolescents]. *Obschestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics]. No. 9, pp. 59–63. DOI: <https://doi.org/10.24158/spp.2020.9.10>

Kochetova, Yu.A. (2019). [Emotional intelligence and a type of interpersonal communication at the stage of early youth]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 7, no. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/51PSMN519.html> (accessed 21.10.2021).

Kochetova, Yu.A. and Klimakova, M.V. (2017). [Gender differences in emotional intelligence in adolescence]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological-Educational Studies]. Vol. 9, no. 4, pp. 65–74 DOI: <https://doi.org/10.17759/psyedu.2017090407>

Lyusin, D.V. (2009). [Emotional intelligence questionnaire: new psychometric data EmIn]. *Sotsial'nyy i emotsional'nyy intellekt: ot modeley k izmereniyam, pod red. D.V. Lyusina, D.V. Ushakova* [D.V. Lyusin, D.V. Ushakov (eds.) Social and emotional intelligence: from models to measurements]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 264–278.

Mavroveli, S., Petrides, K.V., Sangareau, Y. and Furnham, A. (2009). Exploring the relationships between trait emotional intelligence and objective socio-emotional outcomes in childhood. *British Journal of Educational Psychology*. Vol. 79, iss. 2, pp. 259–

272. DOI: <https://doi.org/10.1348/000709908x368848>

Mavroveli, S., Petrides, K.V., Shove, C. and Whitehead, A. (2008). Investigation of the construct of trait emotional intelligence in children. *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 17, iss. 8, pp. 516–526. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-008-0696-6>

Parkhomenko, K.S. (2015). [Analysis of approaches to assessing socio-emotional competence in preschool and primary school age]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 8, no. 2, pp. 69–73.

Petrides, K.V., Sangareau, Y., Furnham, A., and Frederickson, N. (2006). Trait emotional intelligence and children's peer relations at school. *Social Development*. Vol. 15, iss. 3, pp. 537–547. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2006.00355.x>

Poulou, M.S. (2017). An examination of the relationship among teachers' perceptions of social-emotional learning, teaching efficacy, teacher-student interactions, and students' behavioral difficulties. *International Journal of School & Educational Psychology*. Vol. 5, iss. 2, pp. 126–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/21683603.2016.1203851>

Poulou, M.S. (2014). How are trait emotional intelligence and social skills related to emotional and behavioural difficulties in adolescents? *Educational Psychology*. Vol. 34, iss. 3, pp. 354–366. DOI: <https://doi.org/10.1080/01443410.2013.785062>

Renk, K. (2005). Cross-informant ratings of the behavior of children and adolescents: The «gold standard». *Journal of Child and Family Studies*. Vol. 14, iss. 4, pp. 457–468. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10826-005-7182-2>

Renk, K. and Phares, V. (2004). Cross-informant ratings of social competence in children and adolescents. *Clinical Psychology Review*. Vol. 24, iss. 2, pp. 239–254. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2004.01.004>

Ulanova, A.Yu. (2021). [Interrelation of emotional intelligence and cognitive regulation of emotions in late adolescence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psikhologia. Sotsiologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 97–107. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2021-1-97-107>

Received: 08.11.2021. Revised: 06.05.2022. Accepted: 15.05.2022

Уланова Анна Юрьевна

кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
психологии развития субъекта в нормальных
и посттравматических состояниях

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: ulanovaaj@ipran.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-6774>
ResearcherID: M-6753-2016

Anna Yu. Ulanova

Candidate of Psychology, Senior Researcher
of the Laboratory of Developmental Psychology
of the Subject in the Normal and Post-traumatic States

Institute of Psychology, Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaya st., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: ulanovaaj@ipran.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0326-6774>
ResearcherID: M-6753-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Уланова А.Ю. Социально-эмоциональная компетентность старших подростков: сравнение самоотчета и внешней оценки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 287–295. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-287-295

For citation:

Ulanova A.Yu. [Socio-emotional competence of older adolescents: a comparison of self-report and external assessment]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 287–295 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-287-295

УДК 159.9.07:378

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-296-304

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ И СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Ряжкин Александр Олегович

Челябинский государственный университет (Челябинск)

Изучается специфика взаимосвязи уровня удовлетворенности учебной деятельностью с показателями смысловой сферы личности студентов в юношеском возрасте. Изменения, происходящие на этапе юности, затрагивают все сферы психики человека и приводят к значительной перестройке личности. Важным элементом является смысловая сфера личности. Основная цель человека на данном этапе заключается в приобретении им новой социальной роли, связанной с большей независимостью и самостоятельностью. Большое значение в данном процессе имеет овладение новой профессией, обеспечиваемое обучением в вузе. Это позволило сформулировать гипотезу исследования о наличии взаимосвязи между удовлетворенностью учебной деятельностью и смысловой сферой личности студентов. Исходя из поставленной задачи было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление и изучение взаимосвязей между показателями смысловой сферы личности и компонентами удовлетворенности учебной деятельностью студентов юношеского возраста. Выборка исследования состояла из 76 студентов I и II курсов в возрасте от 17 до 18 лет. По результатам корреляционного анализа были найдены статистически значимые взаимосвязи между всеми показателями, что подтвердило гипотезу исследования. Изучение специфики установленной взаимосвязи позволяет заключить, что показатели смысловой сферы, отражающие уровень целеустремленности испытуемых, их направленности в будущее, больше других сопряжены с уровнем удовлетворенности выбранной профессией. Показатели осмысленности прошлого и настоящего наиболее тесно коррелируют с компонентами, отвечающими за удовлетворенность воспитанием, отношениями с однокурсниками, а также бытом. Удовлетворенность учебой в значительной мере зависит от показателей осмысленности прошлого, настоящего и будущего в жизни испытуемых, что придает ей первостепенное значение. Показатели смысловой сферы испытуемых, отвечающие за управляемость собственной жизнью, сильнее других связаны с уровнем удовлетворенности бытовыми условиями. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации обучения в вузе на ранних курсах.

Ключевые слова: юность, смысловая сфера личности, обучение в вузе, удовлетворенность учебной деятельностью, локус контроля, студенты.

SATISFACTION WITH STUDIES AND THE SEMANTIC SPHERE OF PERSONALITY OF STUDENTS IN MIDDLE/LATE ADOLESCENCE

Alexander O. Ryazhkin

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)

The article studies the correlation between the level of satisfaction with studies and the semantic sphere of personality of students in middle/late adolescence. The changes occurring in the period of adolescence affect all spheres of human psyche and lead to a significant restructuring of the personality. The semantic sphere of personality is an important element of this process. The main purpose of this period is acquisition by a person of a new social role, associated with more independence and autonomy. Mastering a new profession, provided by a university, is of great importance during this process. According to the research

hypothesis of this study, there is a correlation between students' satisfaction with studies and the semantic sphere of personality. Our empirical research aims to identify and study the correlations between the indicators of the semantic sphere and the components of satisfaction with studies of students middle/late adolescence. The sample included 76 students of the first and second years of study aged 17 to 18 years. Correlation analysis showed statistically significant relationships between all indicators, which confirms the hypothesis of the research. An in-depth study of these correlations allows us to conclude that indicators of the semantic sphere of personality that reflect the level of the subjects' purposefulness, their focus on the future are related to the level of satisfaction with the chosen profession to the greatest extent of all. The indicators reflecting the meaningfulness of the past and present most closely correlate with the components that reflect satisfaction with the upbringing, relationships with fellow students, and living conditions. The level of satisfaction with studies significantly correlates with the indicators of the meaningfulness of the past, present and future in the lives of the respondents, which makes it of central importance. The indicators of semantic sphere showing a person's control of their own live have the highest correlation with the level of satisfaction with living conditions. The results may be used for optimization of education process in the first years of study at university.

Keywords: middle adolescence, late adolescence, semantic sphere of personality, university education, satisfaction with studies, locus of control, students.

Введение

Актуальность изучения смысловой сферы личности обусловлена ее фундаментальным характером в структуре психики человека, т.к. через смысловую сферу индивид определяет свое место в мире, свое особое отношение к окружению и способы взаимодействия с ним. Согласно А.Н. Леонтьеву, в системе личностных смыслов выражается значение для индивида условий окружающего мира и реализуемых действий в рамках данных условий [Леонтьев А.Н., 1983]. По утверждению В.П. Зинченко, смысловая сфера выступает основой становления индивидуального сознания человека [Зинченко В.П., 1991].

В современной психологии под смысловой сферой понимается «особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах» [Леонтьев Д.А., 2019, с. 154]. Смысловые образования, в свою очередь, отражают субъективное отношение человека к миру и состоят из отдельных личностных смыслов, которые определяют место конкретных объектов и явлений в системе его жизнедеятельности [Леонтьев Д.А., 2019].

В результате система личностных смыслов упорядочивает взаимодействие человека со средой, помогая отбирать те элементы внешнего мира, которые наиболее соответствуют его внутреннему устройству в данный момент [Деева Н.А., 2005].

Таким образом, смысловая сфера личности, создавая условия для взаимодействия объективного и субъективного компонентов психики, служит основой для определения общего смысла и назначения жизни человека, его отношения к себе и к другим людям [Куриленко Ю.А., 2014].

Ключевая роль смысловой сферы личности особенно актуализирует ее исследования на тех этапах развития человека, в рамках которых происходит перестройка сложившейся системы взаимоотношений с миром, переоценка своих качеств и возможностей, изменение своей социальной роли. Одним из таких этапов может выступать юношеский период. Основной задачей данного этапа является самоопределение, связанное «с определением перспектив, с проектированием будущего» [Мандель Б.Р., 2021, с. 247]. По мнению И.Ю. Кулагиной и Е.В. Апасовой, «в юности начинается жизненный путь личности» [Кулагина И.Ю., Апасова Е.В., 2018, с. 13]. Это происходит на фоне значительных изменений как самой личности юношей, так и их усложняющейся системы связей с окружающим миром, появления новых способов взаимодействия с ним. Согласно Б.Р. Манделю, на данном этапе у человека формируется устойчивое мировоззрение, изменяются взаимоотношения с близкими, усиливается стремление к большей автономности и независимости, происходят изменения в отношении к самому себе [Мандель Б.Р., 2021]. Появление множества качественно новых элементов в структуре взаимоотношений личности с внешней средой приводит к необходимости опреде-

лить, каким образом различные стороны жизни юношей находят свое отражение в их смысловой сфере личности, как именно они взаимосвязаны с их системой личностных смыслов.

По словам И.Ю. Кулагиной и Е.В. Апасовой, центральным элементом этапа юности является профессиональное самоопределение, которое сопровождается изменениями в системе ценностей и убеждений человека, определением профессионального пути, выбором стратегии достижения поставленных целей, планированием карьеры и т.д. [Кулагина И.Ю., Апасова Е.В., 2018].

Таким образом, на этапе юности происходит значительная перестройка личности, основная задача которой — приобретение новой социальной роли. Одним из центральных элементов данного этапа является выбор и приобретение будущей профессии, что обеспечивается обучением в вузе. Вместе с тем, в современной психологической науке нет четкого понимания, как именно смысловая сфера личности включена в обозначенные процессы, свойственные данному возрастному этапу и имеющие важнейшее значение для определения дальнейшего профессионального и жизненного пути юношей.

В нашем исследовании мы попытались частично решить данную проблему и тем самым расширить теоретическое понимание смысловой сферы личности студентов юношеского возраста, в частности, ответить на вопрос, какую роль учебная деятельность играет в определении их личностной позиции по отношению к миру, выраженной в смысловой сфере, что выступает теоретической значимостью нашей работы. Исследование имеет также практическое назначение, т.к. полученные результаты могут быть использованы специалистами педагогической и психологической областей для повышения продуктивности взаимодействия со студентами, находящимися на данном возрастном этапе.

Теоретико-методологическим основанием изучения смысловой сферы личности в нашем исследовании стала концепция, предложенная Д.А. Леонтьевым, согласно которой структурными элементами смысловой сферы выступают субъективные отношения индивида к различным сторонам его жизни, находящие свое выражение в системе смысловых структур [Леонтьев Д.А., 2019]. Поскольку учебная деятельность, связанная с приобретением профессии,

занимает центральное место в жизни юношей, мы предположили, что на этапе юности система личностных смыслов, определяющая место человека в мире, тесно взаимосвязана с тем отношением к учебной деятельности, которое приобретает у студентов в процессе обучения в вузе. При изучении отношения к учебе мы основываемся на работах Л.В. Мищенко, согласно мнению которой оно выражается в форме удовлетворенности данным видом деятельности. Удовлетворенность учебной деятельностью рассматривается как интегральная психологическая характеристика, включающая отношение к различным сторонам учебной деятельности студентов [Мищенко Л.В., 2007]. В результате под удовлетворенностью учебной деятельностью мы понимаем «эмоционально оценочное отношение студентов к выполняемой учебной деятельности и условиям ее протекания» [Мищенко Л.В., 2007, с. 122].

Таким образом, мы предполагаем, что отношение к обучению в вузе, выраженное в удовлетворенности учебной деятельностью в той или иной степени у студентов юношеского возраста, взаимосвязано с их смысловой сферой, что, в свою очередь, может означать, что избираемые ими способы взаимодействия в учебном процессе могут выступать основой их личностной активности и в других жизненных сферах на последующих жизненных этапах.

Организация исследования

На основании вышесказанного нами было проведено эмпирическое исследование, цель которого заключалась в выявлении и изучении взаимосвязей между показателями смысловой сферы личности и компонентами удовлетворенности учебной деятельностью в юношеском возрасте. Гипотеза исследования: смысловая сфера личности студентов в юношеском возрасте взаимосвязана с их удовлетворенностью учебной деятельностью. В качестве выборки было привлечено 76 студентов в возрасте 17–18 лет, 55 испытуемых женского и 21 испытуемый мужского пола, обучающихся на I (68 чел.) и II (8 чел.) курсах из двух высших учебных заведений: Челябинский государственный университет (68 чел.) и Курганский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (8 чел.). Направление обучения испытуемых: Психология

(31 чел.), Государственное и муниципальное управление (23 чел.), Информатика (22 чел.). Возраст испытуемых соответствует этапу «Юность», границами которого является возраст от 14–15 до 18 лет [Мандель Б.Р., 2021]. Для повышения репрезентативности в выборку были отобраны студенты из двух учебных заведений, обучающиеся по различным направлениям. Методы исследования: для сбора эмпирической информации применялся метод тестирования. Для изучения показателей смысловой сферы личности был выбран «Тест смысложизненных ориентаций (СЖО)» Д.А. Леонтьева. Для изучения компонентов удовлетворенности учебной деятельностью использовался «Тест-опросник

удовлетворенности учебной деятельностью (УУД)» Л.В. Мищенко. Данные тестовые методики были выбраны в соответствии с теоретическим основанием исследования. Полученные результаты обрабатывались методами математической статистики (первичные описательные статистики, корреляционный критерий г-Спирмена). Методы количественного анализа соотнесены с целями исследования.

Результаты и обсуждение

После проведения корреляционного анализа были получены результаты, представленные в таблице.

Результаты корреляционного анализа между компонентами удовлетворенности учебной деятельностью и показателями смысловой сферы личности студентов в юношеском возрасте

Results of the correlation analysis between the components of learning activities satisfaction and indicators of the personality semantic sphere of students in youth

		Цели в жизни	Процесс жизни	Результативность жизни	Локус контроля-Я	Локус контроля-Жизнь	Общая осмысленность жизни
Удовлетворенность учебой	r	0,449	0,464	0,569	0,322	0,429	0,547
	p	0,000	0,000	0,000	0,005	0,000	0,000
Удовлетворенность воспитанием	r	0,354	0,411	0,424	0,345	0,328	0,441
	p	0,002	0,000	0,000	0,002	0,004	0,000
Удовлетворенность выбранной профессией	r	0,529	0,384	0,385	0,334	0,394	0,494
	p	0,000	0,001	0,001	0,003	0,000	0,000
Удовлетворенность отношениями с однокурсниками	r	0,359	0,481	0,492	0,271	0,352	0,479
	p	0,001	0,000	0,000	0,018	0,002	0,000
Удовлетворенность преподавателями	r	0,339	0,394	0,321	0,297	0,357	0,419
	p	0,001	0,000	0,005	0,009	0,002	0,000
Удовлетворенность бытом	r	0,361	0,437	0,395	0,439	0,471	0,481
	p	0,001	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Общая удовлетворенность учебной деятельностью	r	0,523	0,564	0,596	0,433	0,519	0,637
	p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

По результатам корреляционного анализа статистически значимые корреляции были найдены между всеми показателями, что подтверждает наше предположение о тесной связи между системой личностных смыслов и уровнем удовлетворенности учебной деятельностью в юношеском возрасте. Для изучения специфики данной взаимосвязи подробно рассмотрим наиболее существенные корреляции.

Переменная «Цели в жизни» демонстрирует уровень целеустремленности испытуемых, наличие или отсутствие у них планов на будущее, «которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу» [Леонтьев Д.А., 2000, с. 14]. Данный показатель

смысловой сферы имеет наибольший уровень корреляции с компонентами «Удовлетворенность выбранной профессией» ($r = 0,529$, $p < 0,001$) и «Удовлетворенность учебой» ($r = 0,449$, $p < 0,001$). Полученные корреляции показывают, что те испытуемые, у которых имеется четкая цель по устройству на работу в соответствии с получаемой специальностью, выше оценивают процесс получения знаний, связанных с будущей работой, а также видят свое будущее более осмысленным. Это подтверждается результатами исследований В.В. Шарок, согласно которым осознанный выбор студентами получаемой профессии и университета приводит к удовлетворенности образовательным процессом

[Шарок В.В., 2018]. Те же студенты, которые недостаточно осознанно осуществляли выбор своего направления обучения либо руководствовались иными мотивами, кроме получения знаний о конкретной профессии при поступлении в вуз, имеют низкий уровень удовлетворенности учебой и будущей профессией. Согласно проведенному М.В. Тимошкиной и М.В. Наумовой исследованию студенты, неосознанно подходящие к выбору вуза и профессии, составляют значительную долю от общего числа учащихся. В результате данные студенты, как правило, «не знакомы с особенностями выбираемой ими профессии» [Тимошкина М.В., Наумова М.В., 2016, с. 156] и «ориентированы исключительно на внешние факторы выбора вуза или на факторы, не связанные с выбором образовательной профессиональной траектории», что неизбежно приводит к «профессиональному разочарованию», подавленному настроению, внутренним противоречиям и т.д. [Тимошкина М.В., Наумова М.В., 2016, с. 157].

Эти и другие выделенные взаимосвязи объясняют значительный уровень корреляции между переменной «Цели в жизни» и общей удовлетворенностью учебной деятельностью ($r = 0,523$, $p < 0,001$).

Переменная «Процесс жизни», как показатель эмоциональной насыщенности и осмысленности жизни в настоящем [Леонтьев Д.А., 2000] существенно взаимосвязана с уровнем удовлетворенности учебой ($r = 0,464$, $p < 0,001$) и уровнем удовлетворенности воспитанием ($r = 0,411$, $p < 0,001$), что также объясняется теми мотивами, которыми руководствуются испытуемые в своей учебной деятельности. Однако более тесным образом данный компонент сопряжен с переменной «Удовлетворенность отношениями с однокурсниками» ($r = 0,481$, $p < 0,001$), т.к. общение в студенческой среде является одной из важнейших сторон обучения в вузе. По утверждению В.А. Мороз и Т.Ю. Антюшиной, межличностное взаимодействие в студенческой группе оказывает сильное социализирующее воздействие на каждого из его участников, способствует овладению коммуникативными навыками, выступает средством усвоения статусов и ролей [Мороз В.А., Антюшина Т.Ю., 2016]. Согласно исследованиям Е.И. Середы и К.С. Рябовой удовлетворенность межличностными отношениями является одним

из системообразующих показателей «психологического благополучия студентов в их учебно-профессиональной деятельности» [Середи Е.И., Рябова К.С., 2013, с. 173]. Таким образом, можно заключить, что испытуемые, имеющие большее количество контактов с другими студентами как во время учебы, так и вне ее, находятся в более благоприятных условиях для утверждения собственных ценностей, овладения социальной ролью студента, личностного развития в целом. Это приводит к тому, что данные испытуемые придают своей жизни большее значение по сравнению с теми, кто не удовлетворен взаимодействием с однокурсниками.

«Процесс жизни» связан и с уровнем удовлетворенности бытом ($r = 0,437$, $p < 0,001$), который отражает эмоциональную оценку уровня бюджета, досуга и здоровья студента и показывает высокие значения, «если быт и доходы оцениваются как соответствующие потребностям, если времени хватает и на отдых и на учебу, и если студент чувствует себя полным сил, энергии и здоровья» [Мищенко Л.В., 2007, с. 123]. Данная взаимосвязь характеризует еще один важный аспект обучения в вузе. По словам И.Ю. Кулагиной и Е.В. Апасовой, для студенческой молодежи образование является также средством достижения и материального благополучия [Кулагина И.Ю., Апасова Е.В., 2018], поэтому наличие у студента различных благ, удовлетворение материальных потребностей на самом этапе обучения в вузе делает этот процесс более осмысленным.

Высокое значение для испытуемых различных аспектов образовательного процесса при оценке осмысленности собственной жизни в настоящем подтверждается корреляцией между переменными «Общая удовлетворенность учебной деятельностью» и «Процесс жизни» ($r = 0,564$, $p < 0,001$).

Переменная «Результативность жизни» отражает оценку продуктивности и осмысленности прожитой части жизни [Леонтьев Д.А., 2000] и наиболее тесным образом связана с компонентом «Удовлетворенность учебой» ($r = 0,569$, $p < 0,001$). Данный результат свидетельствует об уверенности испытуемых в выбранной специальности. Если процесс обучения в вузе оправдывает ожидания студента, «обеспечивает образовательные потребности ... в соответствии с его склонностями, интересами и возможностями»

ми» и т.д. [Мищенко Л.В., 2007, с. 123], то в этом случае удовлетворенность от образовательного процесса растет, а выбор учебного заведения и направления обучения оценивается как продуктивный и осмысленный. Если же выбор специальности происходил необдуманно или был навязан кем-то, то это может привести к разочарованию и неудовлетворенности студента [Шарок В.В., 2018]. По словам Е.Ю. Григоренко, на первом и втором курсах обучения, соответствующих юношескому возрасту, возможно изменение отношения к процессу овладения профессией, разочарование в профессиональном выборе, что даже может приводить к смене специальности [Григоренко Е.Ю., 2009]. Логично предположить, что в такой ситуации студенты склонны низко оценивать результативность предыдущих жизненных этапов.

Подобным образом можно объяснить взаимосвязь между уровнем результативности жизни и удовлетворенностью воспитанием ($r = 0,424$, $p < 0,001$), который отражает насколько воспитательный процесс в выбранном высшем учебном заведении способствует приобретению навыков, необходимых для успешной жизни в современном обществе, а также формированию социально значимых качеств у будущих выпускников [Мищенко Л.В., 2007].

Что касается корреляции между показателем результативности жизни и удовлетворенностью отношениями с однокурсниками ($r = 0,492$, $p < 0,001$), как было отмечено ранее, то следует иметь в виду, что сфера взаимоотношений с другими студентами является одной из главных сторон жизни испытуемых. Можно предположить, что показатель результативности жизни в данном контексте — это отражение того, насколько позитивно испытуемые оценивают место, которое им удалось занять в системе связей внутри студенческой группы. Студенты, довольные своим положением, чувствуют себя вовлеченными в совместную деятельность, что приводит к наделению смыслом своего положения в социуме и удовлетворенности от взаимодействия с ним. Как замечает Б.Р. Мандель, в юношеском возрасте «сознание групповой принадлежности ... дает ... чувство эмоционального благополучия и устойчивости» [Мандель Б.Р., 2021, с. 251].

Как подтверждение тому — результативность жизни имеет значительный уровень кор-

реляции с общим уровнем удовлетворенности учебной деятельностью ($r = 0,596$, $p < 0,001$).

Локус контроля-Я отражает представление испытуемых об их способности контролировать собственную жизнь и строить ее в соответствии со своими целями [Леонтьев Д.А., 2000]. В рамках нашего исследования данный показатель имеет наибольший уровень корреляции с уровнем удовлетворенности бытом ($r = 0,439$, $p < 0,001$). Можно предположить, что данная сторона жизни студентов в юношеском возрасте, связанная с бытовыми и материальными условиями, а также их досугом, видится некоторым из них как наиболее поддающаяся контролю. Причиной этого является обретение большей независимости, по сравнению с таковой предыдущие жизненные периоды. Согласно Д.А. Донцову и М.В. Донцовой, в юношестве почти полностью преодолевается «психологическая зависимость от взрослых» и происходит значительное расширение социальных ролей, обусловленное не только количественным увеличением, но и качественными изменениями, что приводит к утверждению социально-психологической самостоятельности личности [Донцов Д.А., Донцова М.В., 2013].

Локус контроля-Я статистически значимо коррелирует и с другими компонентами удовлетворенности учебной деятельностью, но уровень данных корреляций ниже. Возможной причиной этого может быть то, что испытуемые не чувствуют достаточного контроля в данных сферах учебной деятельности. Общий уровень удовлетворенности учебной деятельностью показывает также наименьший уровень корреляции с переменной «Локус контроля – Я» ($r = 0,433$, $p < 0,001$).

Следующий показатель осмысленности жизни «Локус контроля – Жизнь» отражает убеждение испытуемых в том, насколько в целом человек способен контролировать собственную жизнь и принимать в ней решения [Леонтьев Д.А., 2000]. Наибольший уровень связи данный показатель имеет с общим уровнем удовлетворенности учебной деятельностью ($r = 0,519$, $p < 0,001$). Что касается компонентов учебной деятельности, то, как выяснилось, самым тесным образом данная шкала коррелирует с уровнем удовлетворенности бытом ($r = 0,471$, $p < 0,001$), что, как и в случае с локусом контроля-Я, объясняется представлением респон-

дентов об этой сфере их жизни как о наиболее контролируемой в данный момент. Примечательно, однако, что в отличие от предыдущего показателя, переменная «Локус контроля – Жизнь» имеет более высокий уровень корреляции с уровнем удовлетворенности учебой ($r = 0,429$, $p < 0,001$). Анализируя общие результаты корреляционного анализа между локусом контроля и компонентами удовлетворенности учебной деятельностью, можно заключить, что испытуемые в целом убеждены в возможности контролировать свой учебный процесс и строить его в соответствии с собственными целями, но не всегда оценивают себя как способных повлиять на ту или иную ситуацию, возникающую в процессе учебной деятельности. Относительно сферы жизни, связанной с бытовыми и материальными условиями, а также досугом студентов на этапе юности, такого противоречия не наблюдается: респонденты, убежденные в возможности контролировать данную сторону своей жизни, положительно к ней относятся, т.к. считают данную ситуацию результатом собственных усилий. Напротив, студенты, которые не чувствуют контроля над условиями собственной жизни, оценивают их отрицательно. Возможной причиной этого является недостаточный уровень независимости от взрослых, что, в свою очередь может побудить неудовлетворенных своими условиями студентов к изменению сложившейся ситуации. В пользу этого говорят результаты исследования К.Ю. Ерицын и Е.Ю. Каплан, предметом которого являются стратегии совмещения работы и учебы на этапе студенчества, согласно которым вероятность поиска работы студентом повышается при «более низкой субъективной оценке благополучия внешней среды» [Каплан Е.А., Ерицын К.Ю., 2020, с. 403].

Проведенный анализ корреляций объясняет тот факт, что общий уровень осмысленности жизни, выступающий суммарным показателем рассмотренных элементов смысловой сферы, также тесно связан со всеми компонентами удовлетворенности учебной деятельностью. Наибольшая корреляция получена с общей удовлетворенностью учебной деятельности ($r = 0,637$, $p < 0,001$), которая выступает также комплексным значением, включающим в себя компоненты удовлетворенности различными сторонами обучения в вузе.

Заключение

Таким образом, полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что уровень удовлетворенности различными аспектами учебной деятельности и степень осмысленности собственной жизни у студентов вуза в юношеском возрасте являются взаимосвязанными феноменами.

Показатели смысловой сферы, направленные на осмысление будущей жизни испытуемых, в значительной мере взаимосвязаны с уровнем удовлетворенности профессией. Элементы смысловой сферы, отражающие осмысленность жизни испытуемых в настоящем и прошлом, имеют наибольшие корреляции с уровнем удовлетворенности воспитанием и отношениями с однокурсниками. Удовлетворенность учебой тесно связана с уровнем осмысленности прожитой части жизни испытуемых, осмысленности жизни в настоящем, а также и в будущем, что придает данному компоненту решающее значение на данном возрастном этапе.

Что касается представлений студентов об управляемости собственной жизнью, здесь наиболее поддающейся контролю испытуемые видят сферу бытовых условий. В целом респонденты понимают, что и учебная деятельность также доступна для контроля с их стороны, но при этом недостаточно высоко оценивают свои возможности по управлению собственным учебным процессом в большинстве ситуаций, предпочитая занимать пассивную позицию.

Необходимо также заметить, что не все найденные корреляции обладают существенной силой. Это говорит о наличии в системе личностных смыслов современного студента, помимо учебной деятельности, и других элементов, обуславливаемых различными сторонами его жизни.

Проведенный анализ специфики выделенных взаимосвязей расширяет понимание о месте учебной деятельности в жизни студентов юношеского возраста и может быть использован для оптимизации процесса обучения в вузе на ранних курсах.

Список литературы

- Григоренко Е.Ю. Психологическое благополучие студентов и определяющие его факторы // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2009. Вып. 2(48). С. 98–105.

Деева Н.А. Рефлексивные механизмы переживания кризиса и изменение ценностно-смысловой сферы: дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 2005. 187 с.

Донцов Д.А., Донцова М.В. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста // Образовательные технологии. 2013. № 2. С. 34–42.

Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.

Каплан Е.А., Ерицян К.Ю. Работа и учеба у студентов вузов: конфликт или фасилитация? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 395–423. DOI:

<https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.928>

Кулагина И.Ю., Апасова Е.В. Развитие личности при обучении в вузе (сравнительное исследование) // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14, № 2. С. 12–23. DOI:

<https://doi.org/10.17759/chp.2018140202>

Куриленко Ю.А. Смысловая сфера как структурный элемент личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 20–23.

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1. 320 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019. 584 с.

Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.

Мандель Б.Р. Возрастная психология: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2021. 350 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/1065840>

Мищенко Л.В. К проблеме диагностики отношения студентов к учебной деятельности // Вестник практической психологии образования. 2007. № 3. С. 122–128.

Мороз В.А., Антюшина Т.Ю. Межличностные отношения студентов, влияющие на процесс становления личности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11(4). С. 735–739.

Середа Е.И., Рябова К.С. Удовлетворенность профессиональным обучением как компонент субъективного благополучия студентов вуза // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки и психолого-педагогические науки. 2013. № 3. С. 171–176.

Тимошкина М.В., Наумова М.В. Мотивы выбора вуза и профессии современной молодежью (на примере первокурсников ЮГУ) // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1(40). С. 152–157.

Шарок В.В. Эмоционально-мотивационные факторы удовлетворенности обучением в вузе // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 33–45. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/69/2>

Получена: 16.02.2022. Доработана после рецензирования: 16.04.2022. Принята к публикации: 29.04.2022

References

Deeva, N.A. (2005). *Refleksivnye mekhanizmy perezhivaniya krizisa i izmenenie tsennostno-smyslovoy sfery: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Reflexive mechanisms of experiencing a crisis and value-semantic sphere changing: dissertation]. Perm, 187 p.

Dontsov, D.A. and Dontsova, M.V. (2013). [Psychological features of youthful (student) age]. *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational Technologies]. No. 2, pp. 34–42.

Grigorenko, E.Yu. (2009). [Students psychological well-being and its determinants]. *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. Iss. 2(48), pp. 98–105.

Kaplan, E.A. and Eritsyanyan, K.Yu. (2020). [The job and learning of university students: conflict or facilitation?]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 4, pp. 395–423. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.928>

Kulagina, I.Yu. and Apasova, E.V. (2018). [Personality development in the context of university training: a comparative study]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. Vol. 14, no. 2, pp. 12–23. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2018140202>

Kurilenko, Yu.A. (2014). [Semantic sphere as a personality structure element]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in Law Enforcement]. No. 2(57), pp. 20–23.

Leont'ev, A.N. (1983). *Izbrannyye psikhologicheskiye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected psychological works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 1, 320 p.

Leont'ev, D.A. (2019). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psy-

chology of sense: nature, structure and dynamics of meaning reality]. Moscow: Smysl Publ., 584 p.

Leont'ev, D.A. (2000). *Test smyslozhiznennykh orientatsiy (SZhO)* [Test of meaningful life orientations]. Moscow: Smysl Publ., 18 p.

Mandel', B.R. (2021). *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental psychology]. Moscow: INFRA-M Publ., 350 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/1065840>

Mischenko, L.V. (2007). [To the problem of diagnosing the students attitude to educational activities]. *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of Practical Psychology of Education]. No. 3, pp. 122–128.

Moroz, V.A. and Antyushina, T.Yu. (2016). [Students interpersonal relationships that influencing to the personal development process]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. No. 11(4), pp. 735–739.

Sereda, E.I. and Ryabova, K.S. (2013). [Satisfaction of professional education as a component of the university students subjective well-being]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya:*

Sotsial'no-gumanitarnyye nauki i psikhologo-pedagogicheskiye nauki [Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences and Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 3, pp. 171–176.

Sharok, V.V. (2018). [Emotional and motivational factors of satisfaction with university education]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. No. 69, pp. 33–45. DOI: <https://doi.org/10.17223/17267080/69/2>

Timoshkina, M.V. and Naumova, M.V. (2016). [Motives of choice of high school and the profession of modern youth (on the example of Ugra State University's freshmen)]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yugra State University]. No. 1(40), pp. 152–157.

Zinchenko, V.P. (1991). [The worlds of consciousness and the structure of consciousness]. *Voprosy psikhologii*. No. 2, pp. 15–36.

Received: 16.02.2022. Revised: 16.04.2022. Accepted: 29.04.2022

Об авторе

Ряжкин Александр Олегович

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: aoryazhkin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8309-8047>
ResearcherID: AAE-5965-2022

About the author

Alexander O. Ryazhkin

Candidate of Psychology, Senior Lecturer
of the Department of Psychology

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers st., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: aoryazhkin@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8309-8047>
ResearcherID: AAE-5965-2022

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ряжкин А.О. Удовлетворенность учебной деятельностью и смысловая сфера личности студентов в юношеском возрасте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 296–304. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-296-304

For citation:

Ryazhkin A.O. [Satisfaction with studies and the semantic sphere of personality of students in middle/late adolescence]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 296–304 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-296-304

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.775:004.7]-053.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-305-314

**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ НА СОВРЕМЕННЫХ
ПОДРОСТКОВ: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ***Рогач Ольга Владимировна, Фролова Елена Викторовна**Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва)*

Проведен анализ влияния социальных сетей на современных подростков (N = 312). В качестве ведущего метода исследования использовался анкетный опрос школьников г. Москвы в возрасте 15–18 лет. Установлено, что 59,2 % подростков предпочитают проводить свой досуг в социальных сетях. При этом почти половина респондентов (42,7 %) могут быть классифицированы как «экстремальные интернет-пользователи». Большинство школьников вполне осознает «ненормальность» сложившегося положения: больше половины из них отметили, что тратят на пребывание в Интернете больше времени, чем планировали. При этом 57,2 % подростков иногда предпочитают социальные сети общению с близкими; 12,2 % делают это часто. Значительное время пребывания в социальных сетях более чем у 65 % опрошенных провоцирует возникновение конфликтов в семье, которые носят весьма острый характер. Для 57,2 % респондентов виртуальный мир представляется источником «хорошего настроения». Каждый второй подросток отмечает со стороны родителей «давление» и «негатив» относительно их частого пребывания в социальных сетях; каждый пятый — стал более скрытным в данном вопросе, старается, чтобы близкие не заметили его посещения социальных сетей. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы: количество времени, проводимого большинством подростков в социальных сетях, превышает критические значения. Деструктивными последствиями данного положения становятся хронический недосып, конфликты в семье, замена реального общения виртуальным. Положение усугубляется незаметным для подростков негативным влиянием социальных сетей на их психику и жизнь в целом. Признавая наличие конфликтов семье, подростки не готовы отказаться от социальных сетей в сторону реального общения. Более того, для многих респондентов виртуальное общение становится неотъемлемым триггером хорошего психологического самочувствия.

Ключевые слова: социальные сети, интернет-пользователи, подростки, виртуальное общение, конфликты, деструктивные последствия, общеобразовательные учреждения, опрос.

**SOCIAL NETWORKS' INFLUENCE ON MODERN ADOLESCENTS:
KEY PROBLEMS AND DESTRUCTIVE CONSEQUENCES***Olga V. Rogach, Elena V. Frolova**Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)*

The paper deals with the results of an analysis conducted to reveal the influence of social networks on modern adolescents. A questionnaire survey of Moscow schoolchildren aged 15–18 years (N = 312) was used as the leading research method. It has been found that 59.2 % of adolescents prefer to spend their leisure time on social networks. Almost half of the respondents (42.7 %) can be classified as «extreme In-

ternet users». Most schoolchildren are fully aware of the «abnormality» of this situation: more than half of them note that they spend more time on the Internet than they plan. At the same time, 57.2 % of adolescents sometimes prefer social networks to communication with their loved ones; 12.2 % do it frequently. For more than 65% of the respondents, the considerable amount of time they spent on social networks provokes serious conflicts in the family. For 57.2 % of the respondents, the virtual world seems to be a source of «good mood». Every second teenager notes «pressure» and «negativity» from parents with regard to their frequent use of social networks; every fifth has become more secretive in this matter, trying to prevent their family from noticing them visiting social networks. The research leads to the following conclusions: the amount of time spent by the majority of adolescents on social networks exceeds critical values. The destructive consequences of this situation are chronic lack of sleep, conflicts in the family, replacement of real communication with virtual. The situation is aggravated by the negative influence of social networks on the psyche and life in general, with adolescents being unconscious of that. Recognizing the presence of conflicts in the family, adolescents are not ready to abandon social networks in favor of real communication. Moreover, for many respondents, virtual communication becomes an integral trigger of good psychological well-being.

Keywords: social networks, Internet users, adolescents, virtual communication, conflicts, destructive consequences, educational institutions, survey.

Введение

Современные тенденции общественного развития характеризуются массовым распространением новых потребительских привычек в сфере использования информационных ресурсов, трансформацией коммуникативных практик взаимодействия [Кирьякова Н.А., 2017, с. 162]. В этих условиях социальные сети превратились в доминирующую платформу для построения и поддержания социальных взаимоотношений. Интенсивное развитие и возможности социальных сетей как концентрированного потребительского сообщества сделали их привлекательными для современных людей ввиду возможности включения последних в референтные группы и сообщества, имитирования желаемого статуса и положения [Лунюшкина М.В. и др., 2018, с. 72].

Вместе с тем аккумуляция коммуникативных каналов социального взаимодействия в сетях, перемещение основного фокуса общения людей в интерактив снижает критическое восприятие и оценку поступающей информации [Пьянкова Н.Г., Матвиюк В.М., 2014, с. 37]. По мнению экспертов, игнорирование опасной потребности в ежедневном использовании социальных сетей имеет ряд негативных последствий социального, психологического и физиологического свойства [Конах С.А., 2018; Kushzhanov N.V. et al., 2019, p. 9].

Вопросы влияния социальных сетей на психологическое и социальное благополучие под-

ростков находится в центре внимания ученых различных стран. Фокус исследования ученых из азиатского региона в большей степени направлен на изучение адаптивных возможностей молодежи к информационной перегрузке в виду необходимости представительства современного человека в сети Интернет [Chu S.K.W. et al., 2014, p. 95]. Расширение медиапространства, его проникновение во все сферы жизни общества: образование, досуг, повседневная жизнь и прочее — делает современного подростка активным пользователем социальных сетей.

Для ученых из европейских стран свойственна озабоченность ростом компьютерной зависимости подростков, формированием в социальных сетях групп и сообществ, оказывающих на психику подрастающего поколения негативное влияние, вплоть до невротизации и суицидальных мыслей [Giunetti G.W. et al., 2012, p. 150; Küter-Luks T. et al., 2011, p. 302; Papatsimouli M. et al., 2021]. Попадание подростка в зависимость от социальных сетей обусловлено легкостью вхождения в виртуальную жизнь, снижением самоконтроля и критического мышления в ходе онлайн-взаимодействия.

Американские исследователи акцентируют внимание на росте случаев кибербуллинга, демонстрируя озабоченность сокрытия значительной части жизни подростка от внимания родителей, невозможности своевременно оказать поддержку и психологическую помощь детям, попавшим под негативное влияние социальных се-

тей [Aftab P., 2011; Reid G., Norris S.P., 2016, p. 159]. В последнее время достаточно часто стали происходить акции деструктивного характера с участием подростков среднего и старшего школьного возраста, чья деятельность была скоординирована с помощью глобальной сети Интернет. При этом у научного и экспертного сообщества еще нет точных эмпирических данных о механизмах подобного взаимодействия, его тенденциях и закономерностях.

В фокусе исследовательского внимания российских ученых лежат проблемы виртуальной коммуникации [Чельшева И.В., 2014, с. 123]; влияние социальных сетей на развитие коммуникативных способностей подростков [Кирыкова Н.А., 2017, с. 163; Королева Д.О., 2015, с. 29] и психологию личности; негативные последствия от воздействия Интернета на психику подростка [Бочавер А.А. и др., 2019, с. 7; Солодников В.В., Зайцева А.С., 2021, с. 29]. Несмотря на высокую актуальность поднимаемой проблематики, на сегодняшний день она остается малоизученной ввиду высокой динамики развития и трансформации информационно-коммуникативных технологий, открывающих новые возможности включения подростка в виртуальную жизнь; увеличения представительства молодежи в социальных сетях, что приводит к обновлению и появлению новых эмпирических данных по исследуемой проблематике.

Методы исследования

Цель исследования заключается в комплексном анализе влияния социальных сетей на современных подростков. В частности, авторами решаются следующие задачи: определение причин и специфики обращения подростков к социальным сетям, выявление наличия их зависимости от частоты (количественные характеристики) сетевого общения. Решение указанных задач позволит наметить направления и технологии профилактики возможных деструкций подросткового поведения.

В своем исследовании авторы опирались на комплекс общесоциологических методов исследования (анализ, синтез, классификация, обобщение), применялся также традиционный анализ документов. В качестве ведущего метода исследования использовался анкетный опрос подростков в возрасте 15–18 лет. Выборка стихий-

ная (N = 312 чел.). Для рекрутинга респондентов использовался метод снежного кома, распространение ссылки на анкетный опрос осуществлялось через цифровые сообщества школьников. Такой подход позволил обеспечить представительство учеников старшей школы г. Москвы как целевой аудитории опроса (все респонденты являются старшеклассниками общеобразовательных учреждений; эмпирическая база исследования — общеобразовательные учреждения г. Москвы). Вместе с тем исследование носило пилотажный характер, что определило ограниченный объем выборочной совокупности (генеральная составляет 528 тыс. чел.¹) и некоторое смещение в долевом представительстве социально-демографических групп. Распределение респондентов по полу имеет следующий вид: 61,2 % — девушки и 38,8 % — юноши. Ремонта выборки не проводилось, что можно рассматривать как некоторое ограничение данного исследования. Тем не менее использование результатов пилотажного исследования позволит сформулировать научные гипотезы и определить границы научного поиска факторов и рисков усиления влияния социальных сетей на поведенческие модели молодежи.

Результаты исследования

Прежде всего, подросткам задавался вопрос о практиках проведения досуга, что позволило бы определить востребованность и масштаб распространения сетевых взаимодействий в молодежной среде. Так согласно полученным данным 59,2 % подростков предпочитают проводить свой досуг в социальных сетях, что составляет более половины опрошенных. К сравнению, телевизор предпочитают смотреть 10,2 %, на прогулки с друзьями выделяет время только каждый третий подросток. Можно предположить, что в современных условиях общение подростков в онлайн-пространстве заменяет собой коммуникации в режиме офлайн.

Ситуация выглядит еще более критичной, если определить количество времени, которое респонденты проводят в сети: 26,5 % уделяют этому 5–8 часов; 16,2 % — более 8 часов в день. Обратим внимание, то в международной литера-

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://mosstat.gks.ru/folder/64634>

туре, содержащей результаты обследования школьников, дети, которые ежедневно проводят от 6 и более часов в день в режиме онлайн (за пределами учебного класса), могут быть отнесены к «экстремальным интернет-пользователям» [Бочавер А.А. и др., 2019, с. 7]. Примечательно, что в авторском опросе не было ни одного подростка, который отметил бы, что тратит на общение в социальных сетях менее 1 часа. Обратим внимание, что зачастую субъективные оценки времени, которое затрачивается на общение в социальных сетях, не в полной мере соответствуют реальной картине, а объективные данные, по мнению психологов, существенно превышают результаты самодиагностики.

В любом случае следствием чрезмерных затрат времени на пребывание в социальных сетях являются частые недосыпы, которые в дальнейшем могут стать результатом как серьезных психофизиологических отклонений, так и внутрисемейных проблем. Большинство респондентов вполне осознается «ненормальность» сложившегося положения: больше половины из них отметили, что тратят на пребывание в Интернете больше времени, чем планировали. На вопрос «Бывает ли так, что вы недосыпаете, потому что засиживаетесь в сети?» 10,2 % ответили, что всегда, 18,4 % — часто (рис. 1).

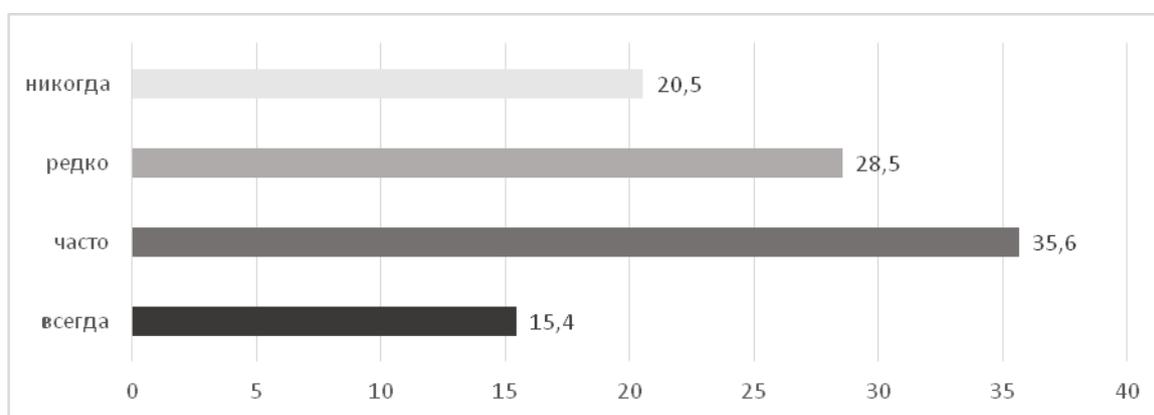

Рис. 1 Распределение ответов на вопрос «Бывает ли так, что вы недосыпаете, потому что засиживаетесь в сети?», %

Fig. 1 Distribution of answers to the question: «Does it happen that you do not get enough sleep because you sit on the Internet?», %

93,9 % опрошенных указывают на то, что социальные сети помогают им в процессе обучения. Этот показатель достаточно высок, здесь необходимо учесть тот фактор, что значительная часть современной системы образования базируется на интернет-платформах. Однако процент интеграции образования с социальными сетями не может достигать таких высоких значений. Несмотря на переход системы школьного образования в период эпидемиологического кризиса в режим дистанционного обучения, увеличение обращений подростков к образовательным ресурсам не имеет явной тенденции. Подтверждением указанного обстоятельства становится рейтинг обращений подростков в социальные сети: для общения (91,8 %); отслеживание новостей (42,9 %), по-

смотреть ролики (26,5 %), чтение тематических сообществ (24,5 %). Более того, в период дистанционного обучения, когда общение учителя и школьников осуществлялось в том числе через образовательные платформы (например, нужно было написать ответ в чат), педагогическое наблюдение показало негативное влияние практик общения в социальных сетях на правописание, наличие речевых и грамматических ошибок, сленга и скудного словарного запаса.

Интерес представляют также следующие данные: 57,2 % подростков иногда предпочитают социальные сети общению с близкими; 12,2 % — делают это часто. При этом, что весьма примечательно, 83,7 % подростков не считают равнозначной замену реального общения виртуальным. Однако только 30,6 % опро-

шенных выбрали вариант ответа «никогда такого не происходит» на вопрос «Как часто вы отказываетесь от общения с близкими, предпочитая проводить время в социальных сетях?». К

сожалению, каждый третий подросток в таком случае не может рассматриваться как благоприятный показатель (рис. 2).

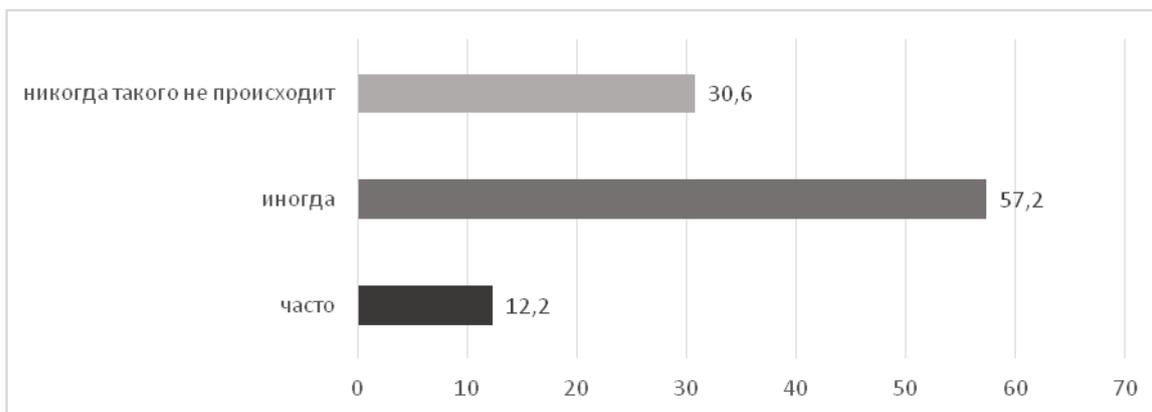

Рис. 2 Распределение ответов на вопрос «Как часто вы отказываетесь от общения с близкими, предпочитая проводить время в социальных сетях?», %

Fig. 2 Distribution of answers to the question: «How often do you refuse to communicate with loved ones, prefer to spend in social networks?», %

Справедливо заметить, что активный рост пользователей социальных сетей, особенно среди школьников, свидетельствует о важности поддержания для данной категории социальных связей. Можно предположить, что активность в социальных сетях детерминирована как складом личности (индивидуальные особенности, которые в том числе определяют потребность во внимании, общении, авторитете), оказывающим влияние на частоту онлайн-общения, так и наличием интернет-зависимости (навязчивой потребности в использовании Интернета, которая сопровождается психологической симптоматикой и социальной дезадаптацией подростков). Кроме того, стоит учитывать, что «попадая» в социальные сети, подросток пропускает через себя огромный объем информации, которая влияет на его отношение к различным категориям людей, вещей, на общее мировоззрение молодого человека, его способность социализироваться в реальном мире.

Обратим внимание, что значительное время пребывания в социальных сетях более чем у 65 % опрошенных провоцирует возникновение конфликтов в семье, которые носят весьма острый характер. Каждый второй подросток отмечает со стороны родителей «давление» и «негатив» относительно их частого пребывания в со-

циальных сетях. Каждый пятый респондент считает, что стал более скрытным в данном вопросе, старается, чтобы близкие не заметили его посещения социальных сетей, так как боятся непонимания с их стороны. Однако, погружаясь в виртуальный мир, подросток может полностью забывать о повседневной жизни, своих обязанностях, потребностях родителей и друзей в реальном общении с ним. Времяпрепровождение в социальных сетях способно стать для молодежи до такой степени притягательным, что происходит формирование нездоровой тяги к увеличению своего пребывания в интернет-пространстве. Получив первичный опыт общения в социальных сетях, подросток осознает, что в виртуальном мире процесс общения значительно легче за счет некоторой анонимности, дистанцированности (в любой момент можно выключить/удалить собеседника) и, как следствие, возможности не идти на компромиссы, не пытаться понять эмоциональный настрой другого человека, удовлетворять его потребность в сочувствии, поддержке, сопереживании.

Иной стороной общения в социальных сетях может стать нарастание стресса, увеличение риска формирования депрессивного состояния, неврозов вследствие неоднозначности сравнения характеристик собственной жизни (досуг, уро-

вень дохода семьи, потребительские возможности, стиль жизни и пр.) с референтными группами и выбранными для подражания образами. Социальные сети дают возможность неограниченного доступа к альтернативным профилям, иллюстрирующим картину избыточного демонстративного потребления. Подросток вместе с тем не обладает способностью к критическому осмыслению информации, навыками ее проверки на достоверность, что может подтолкнуть его

к деструктивным практикам и несвойственным поведенческим паттернам.

9 из 10 подростков не представляет свою жизнь без Интернета. При этом почти половина респондентов (44,9 %) не замечает негативного воздействия социальных сетей на свою психику и жизнь в целом. 28,6 % считают, что доли пользы и вреда социальных сетей равны, тогда как в безусловной пользе социальных сетей уверены 16,3 % (см. рис. 3).

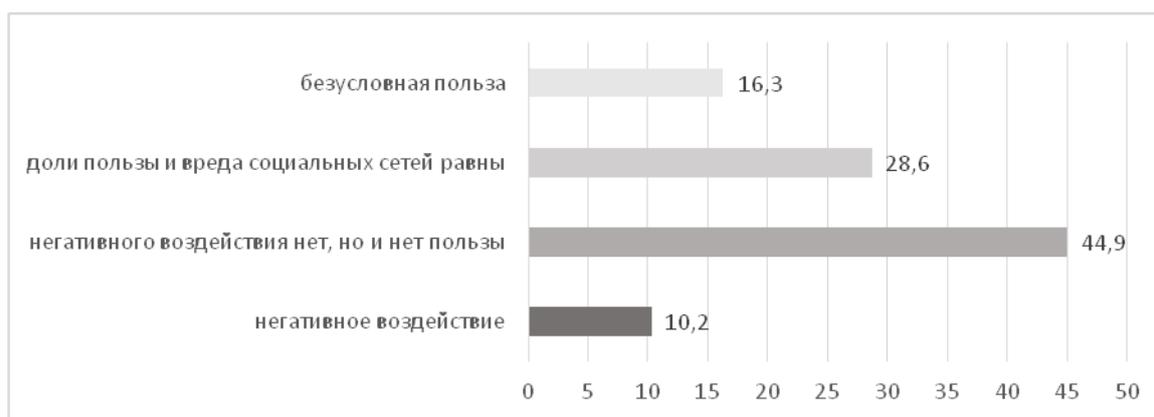

Рис. 3 Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете воздействие социальных сетей на психику и жизнь подростка в целом?», %

Fig. 3 Distribution of answers to the question: «How do you assess the impact of social networks on the psyche and life of a teenager in general?», %

Согласно результатам исследования более половины подростков рассматривают социальные сети как средство избавления от подавленного, нервного состояния: для 57,2 % респондентов виртуальный мир представляется источником «хорошего настроения». Это может быть связано с тем, что использование подростками социальных сетей может формировать у них ощущение включенности в референтные группы через «лайки» и позитивные комментарии, приобщение к жизни своих друзей, совместные онлайн-игры и пр. Такие практики могут способствовать снижению чувства одиночества у современного подростка, формирование круга общения, где он будет востребован и интересен. Конечно, данные выводы, требуют дополнительных исследований, однако уже сейчас можно говорить о неоднозначной роли социальных сетей в жизни современного подростка.

Обсуждение

Результаты исследования показали неоднозначность роли социальных сетей в жизни современных подростков. С одной стороны, социальные сети обеспечивают возможность общения, поддержки со стороны референтных групп, стирание пространственных границ, быстрое получение любой информации. В условиях быстрого ритма жизни социальные сети становятся одним из ключевых каналов коммуникации между подростками, что позволяет им избежать одиночества, получить одобрение, найти новых друзей.

Как подчеркивается в современных исследованиях, сетевые взаимодействия выступают драйвером развития карьерных траекторий посредством облегченного доступа к ресурсам, обмена информацией. Кроме того, профиль в социальных сетях может рассматриваться как эффективный инструмент самопрезентации, де-

монстрации профессиональных и образовательных достижений. Повышение личной конкурентоспособности в условиях сетевых взаимодействий достигается за счет расширения социальных контактов, дополнения данного перечня их виртуальными аналогами. Однако, как показывает исследование М.Ю. Семенова, лишь незначительная часть молодежи способна использовать личные аккаунты в целях получения дохода [Семенов М.Ю., 2018, с. 115]. Таким образом, использование социальных сетей как фактора повышения конкурентоспособности носит сегодня дискуссионный характер. Преувеличенная роль социальных сетей в практиках монетизации виртуального общения, демонстрация успешных стратегий заработка в виртуальном пространстве создает завышенные ожидания у молодежи, а в случае их недостижения формирует ощущение собственной несостоятельности, снижает активность в других сферах жизни.

Обратной стороной данного процесса может стать ухудшение психоэмоционального состояния подростка ввиду длительного пребывания онлайн. В частности, результаты исследования показали, что подростки слишком много времени проводят в социальных сетях: в авторском опросе не было ни одного подростка, кто тратил бы на общение в социальных сетях менее 1 часа. Стоит отметить, что в опросе PISA от 2015 г. дети, которые проводили ежедневно за пределами школы более 6 часов онлайн, классифицировались, как «экстремальные интернет пользователи» [Бочавер А.А. и др., 2019, с. 7]. Данные практики приводят к деструктивным последствиям нарастания стресса, невозможности сконцентрировать свое внимание на стратегиях взаимодействия в реальной жизни. Как отмечается в современных исследованиях, сокращение времени нахождения в виртуальном пространстве представляет особую значимость в условиях цифровой революции, так как позволяет избежать когнитивных искажений, формирования зависимости. В условиях технологических инноваций, многократного увеличения объемов информации ученые подчеркивают актуальность институализации практик «цифрового детокса», что предполагает массовый отказ от повсеместного присутствия в социальных сетях, масштабного использования информационно-коммуникационных технологий [Ефимова Г.З., Семенов М.Ю., 2020, с. 575].

Другая проблема связана со спецификой саморепрезентации подростка в социальных сетях. В частности, по мнению экспертов, стремление молодых людей привлечь внимание незнакомых интернет-пользователей формирует аффективную значимость сетевого взаимодействия и негативным образом сказывается на эмоциональном самочувствии подростков: «те, кто считает свою страницу “провокационной”, чаще указывают на “зависимость от виртуального общения и чужих оценок” — 17,4% (среднее — 7,1%, $p \leq .0004$), а также на то, что их “раздражают более популярные страницы” — 21,7 % (в среднем — 4,2 %, $p \leq .00001$)» [Собкин В.С., Федотова А.В., 2018, с. 26].

Несмотря на то что подростки видят в социальных сетях возможности общения и расширения границ коммуникации, реальные практики погружения в интернет-пространства приводят к конфликтам с родителями и близкими, происходит искажение навыков общения в виртуальной среде (возможность удалить собеседника, нет необходимости искать компромисс, оказывать эмоциональную поддержку и пр.). Анонимность общения создает дополнительные угрозы нарастания агрессии, кибербуллинга, риски информационной безопасности ребенка.

Выводы

Российские реалии в части популяризации социальных сетей как вида досуговой деятельности соответствуют мировым трендам. Все большее количество экспертов разных стран озабочены негативным влиянием Интернета и социальных сетей на психику подрастающего поколения.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы: количество времени, проводимого большинством подростков в социальных сетях, превышает все критические значения. Деструктивными последствиями данного положения становятся хронический недосып, конфликты в семье, замена реального общения виртуальным. Положение усугубляется тем фактом, что сами подростки не замечают негативного влияния социальных сетей на свою психику и жизнь в целом. Более того, для многих респондентов виртуальное общение становится неотъемлемым триггером хорошего психологического самочувствия, инструментом отвлечения от стрессовых ситуаций и нервного состояния, имплицитированного внешней средой. Результаты

авторского исследования коррелируют с материалами исследования других отечественных и зарубежных ученых, обеспечивая расширение эмпирических данных в части определения причин и специфики обращения подростков к социальным сетям, выявление наличия их зависимости от частоты сетевого общения.

Справедливо заметить, что сложившееся положение не столь однозначно. Прежде всего эмпирическая база, представленная крупным мегаполисом, с одной стороны, иллюстрирует авангард имеющихся в данной области проблем, тогда как — с другой, обеспечивает некоторое смещение выборки ввиду отсутствия учета менталитета городского жителя, широкого распространения и доступности информационно-коммуникативных технологий, специфики досугового времени молодежи г. Москвы. Кроме того, результаты опроса показали, что для части подростков социальные сети становятся платформой получения своевременной информации (как форма замены доминирующей ранее практики просмотра телевизора), не рассматриваются как адекватный аналог внутрисемейного и дружеского общения.

Авторы выражают благодарность Сухацкой Виктории, студентке факультета управления Российского государственного социального университета за помощь в сборе эмпирического материала.

Список литературы

Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8, № 3. С. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080301>

Ефимова Г.З., Семенов М.Ю. Цифровой детокс молодежи (на примере использования социальных сетей) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 572–581. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>

Кирьякова Н.А. Влияние социальных сетей на развитие коммуникативных способностей подростков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. Т29. С. 161–168.

Конах С.А. Негативное влияние социальных сетей на детей и подростков // Психология, социология и педагогика. 2018. № 5. URL: <http://psychology.snauka.ru/2018/05/8589> (дата об-

ращения: 12.01.2022).

Королева Д.О. Использование социальных сетей для целей образования и социализации подростка: аналитический обзор эмпирических исследований (международный опыт) // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20, № 1. С. 28–37. DOI:

<https://doi.org/10.17759/pse.2015200104>

Лунюшкина М.В., Зеленская Д.В., Твелова И.А. Влияние интернета на подростка // Научный форум: Педагогика и психология: сб. ст. по материалам XV Междунар. науч.-практ. конф. М.: МЦНО, 2018. № 2(15). С. 71–74.

Пьянкова Н.Г., Матвиюк В.М. Влияние глобальной сети интернет на психику подростков // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. S30. С. 36–40.

Семенов М.Ю. Виртуальная конкурентоспособность: оценка молодежи // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 3. С. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-3-100-116>

Собкин В.С., Федотова А.В. Подросток в социальных сетях: к вопросу о социально-психологическом самочувствии // Национальный психологический журнал. 2018. № 3(31). С. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0303>

Солодников В.В., Зайцева А.С. Использование социальных сетей и социализация российских подростков // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 1. С. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>

Чельшева И.В. Социальные сети в жизни современных школьников // Медиаобразование. 2014. № 2. С. 121–126.

Aftab P. Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab // Educational Technology and Change Journal. 2011. Feb. 17. URL: <https://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (accessed: 12.01.2022).

Chu S.K.W., Lau W.W.F., Chu D.S.C., Lee C.W.Y., Chan L.L.H. Media awareness among Hong Kong primary students // Journal of Librarianship and Information Science. 2014. Vol. 48, iss. 1. P. 90–104. DOI: <https://doi.org/10.1177/0961000614551448>

Giumetti G.W., McKibben E.S., Hatfield A.L., Schroeder A.N., Kowalski R.M. Cyber incivility @ work: The new age of interpersonal deviance // Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2012. Vol. 15, no. 3. P. 148–154. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0336>

Kushzhanov N.V., Maydangalieva Z.A., Almurza-

yeva B.K., Summers D.G. Utemissova G.U. Digital dementia. Cyberbullying and digital addiction // News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social and Human Sciences. 2019. Vol. 1, no. 323. P. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.32014/2019.2224-5294.1>

Küter-Luks T., Heuvelman A., Peters O. Making Dutch pupils media conscious: preadolescents' self-assessment of possible media risks and the need for media education // Learning, Media and Technology. 2011. Vol. 36, iss. 3. P. 295–313. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439884.2010.549826>

Papatsimouli M., Skordas J., Lazaridis L., Michailidi E., Saprikis V., Fragulis G. Cyberbullying and Traditional Bullying in Greece: An Empirical Study // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 102. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/13/shsconf_etltc2021_04012/shsconf_etltc2021_04012.html (accessed: 14.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110204012>

Reid G., Norris S.P. Scientific media education in the classroom and beyond: a research agenda for the next decade // Cultural Studies of Science Education. 2016. Vol. 11, iss. 1. P. 147–166. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11422-015-9709-1>

Получена: 13.12.2021. Доработана после рецензирования: 01.04.2022. Принята к публикации: 15.04.2022

References

Aftab, P. (2011). Cyberbullying: an interview with Parry Aftab. *Educational Technology and Change Journal*. 2011. Feb. 17. Available at: <https://etcjournal.com/2011/02/17/7299/> (accessed 12.01.2022).

Bochaver, A.A., Dokuka, S.V., Sivak, E.V. and Smirnov, I.B. (2019). [Internet use and depressive symptoms in adolescents: a review]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. Vol. 8, no. 3, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080301>

Chelysheva, I.V. (2014). [Social networks in the life of modern schoolchildren]. *Mediaobrazovanie* [Media Education]. No. 2, pp. 121–126.

Chu, S.K.W., Lau, W.W.F., Chu, D.S.C., Lee, C.W.Y. and Chan, L.L.H. (2014) Media awareness among Hong Kong primary students. *Journal of Librarianship and Information Science*. Vol. 48, iss. 1, pp. 90–104. DOI: <https://doi.org/10.1177/0961000614551448>

Efimova, G.Z. and Semenov, M.Yu. (2020). [Digital detox of youth (on the example of social net-

works)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 20, no. 3, pp. 572–581. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-572-581>

Giumetti, G.W., McKibben, E.S., Hatfield, A.L., Schroeder, A.N. and Kowalski, R.M. (2012). Cyber incivility @ work: The new age of interpersonal deviance. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. Vol. 15, no. 3, pp. 148–154. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0336>

Kiryakova, N.A. (2017). [The influence of social networks on the development of communication skills of adolescents]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»* [Scientific and Methodological Electronic Journal «Koncept»]. Vol. T29, pp. 161–168.

Konakh, S.A. (2018). [The negative impact of social networks on children and adolescents]. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika* [Psychology, Sociology and Pedagogy]. No. 5. Available at: <http://psychology.snauka.ru/2018/05/8589> (accessed 12.01.2022).

Koroleva, D.O. (2015). [The use of social networks for the purposes of education and socialization of a teenager: an analytical review of empirical research (international experience)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 20, no. 1, pp. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2015200104>

Kushzhanov, N.V., Maydangalieva, Z.A., Almurzaeva, B.K., Summers, D.G. and Utemissova, G.U. (2019). Digital dementia. Cyberbullying and digital addiction. *News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social and Human Sciences*. Vol. 1, no. 323, pp. 5–15. DOI: <https://doi.org/10.32014/2019.2224-5294.1>

Küter-Luks, T., Heuvelman, A. and Peters, O. (2011). Making Dutch pupils media conscious: preadolescents' self-assessment of possible media risks and the need for media education. *Learning, Media and Technology*. Vol. 36, iss. 3, pp. 295–313. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439884.2010.549826>

Lunyushkina, M.V., Zelenskaya, D.V. and Tvelova, I.A. (2018). [The influence of the Internet on a teenager]. *Nauchnyy forum: Pedagogika i psikhologiya: sb. st. po materialam XV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Scientific Forum: Pedagogy and Psychology: Materials of the 15th International scientific and practical conference]. No. 2(15), pp. 71–74.

Papatsimouli, M., Skordas, J., Lazaridis, L., Michailidi, E., Saprikis, V. and Fragulis, G. (2019).

Cyberbullying and traditional bullying in Greece: an empirical study. *SHS Web of Conferences*. Vol. 102. Available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/13/shsconf_etlhc2021_04012/shsconf_etlhc2021_04012.html (accessed: 14.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110204012>

Pyankova, N.G. and Matviyuk, V.M. (2014). [The influence of the global Internet on the psyche of adolescents]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»* [Scientific and Methodological Electronic Journal «Koncept»]. Vol. S30, pp. 36–40.

Reid, G. and Norris, S.P. (2016) Scientific media education in the classroom and beyond: a research agenda for the next decade. *Cultural Studies of Science Education*. Vol. 11, iss. 1, pp. 147–166. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11422-015-9709-1>

Semenov, M.Yu. (2018). [Virtual competitiveness: youths' views]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. Vol. 20, no. 3, pp. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-3-100-116>

Sobkin, V.S. and Fedotova, A.V. (2018). [Adolescent in social networks: on the issue of social psychological well-being]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal* [National Psychological Journal]. No. 3(31), pp. 23–36. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0303>

Solodnikov, V.V. and Zaytseva, A.S. (2021). [Usage of social networks and socialization of Russian teenagers]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological Science and Social Practice]. Vol. 9, no. 1, pp. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.1.7870>

Received: 13.12.2021. Revised: 01.04.2022. Accepted: 15.04.2022

Об авторах

Рогач Ольга Владимировна

кандидат социологических наук,
доцент Департамента социологии

Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: rogach16@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>
ResearcherID: W-4432-2017

Фролова Елена Викторовна

доктор социологических наук,
профессор Департамента социологии

Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: efrolova06@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>
ResearcherID: C-8429-2016

About the authors

Olga V. Rogach

Candidate of Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
49, Leningradsky av., Moscow, 125993, Russia;
e-mail: rogach16@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>
ResearcherID: W-4432-2017

Elena V. Frolova

Doctor of Sociology, Professor of the Department
of Sociology

Financial University under the Government
of the Russian Federation,
49, Leningradsky av., Moscow, 125993, Russia;
e-mail: efrolova06@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>
ResearcherID: C-8429-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рогач О.В., Фролова Е.В. Анализ влияния социальных сетей на современных подростков: ключевые проблемы и деструктивные последствия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 305–314. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-305-314](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-305-314)

For citation:

Rogach O.V., Frolova E.V. [Social networks' influence on modern adolescents: key problems and destructive consequences]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 2, pp. 305–314 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-305-314](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-305-314)

УДК 364:004.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-315-328

ОЖИДАНИЯ ГРАЖДАН ОТ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Гасумова Светлана Евгеньевна, Безруков Антон Витальевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Старшинова Алевтина Викторовна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Обсуждается проблема перспектив повышения информационной открытости системы социальной защиты и социального обслуживания в условиях цифровой трансформации через призму ее восприятия населением. Затронуты вопросы низкой информативности и недостаточной интерактивности официальных интернет-ресурсов подобной тематики, их непопулярности и, как следствие — низкой информированности населения о государственной социальной помощи и услугах социальных служб. На основе данных проведения опросов населения в Пермском крае показано, каковы ожидания граждан, уже получающих социальную поддержку, либо претендующих на ее получение и на социальные услуги, относительно внедрения новых цифровых технологий в этой сфере в ближайшем будущем. Показано, что граждане хотят обладать возможностью самостоятельно, с помощью интерактивных сервисов на официальных сайтах органов социальной защиты и учреждений социального обслуживания, подбирать подходящие для них льготы и социальные услуги, выбирать необходимую им социальную службу. Они хотели бы консультироваться онлайн, получать любые социальные услуги по желанию в дистанционном формате, записываться на прием в органы социальной защиты и в социальные службы через Интернет, там же критиковать и оценивать работу обслуживавших их специалистов. Граждане надеются также пользоваться терминалами со справочной информацией о льготах и социальных услугах в общественных местах, получать листовки и буклеты о мерах социальной поддержки и социальных услугах, проходить бесплатное обучение по тематическим сайтам и мобильным приложениям, брать в аренду роботов-андроидов для надомного обслуживания пожилых и инвалидов, самостоятельно вносить информацию о себе в базу данных органов социальной защиты и учреждений социального обслуживания. Полученные результаты могут быть использованы в разработке государственной информационной политики по повышению эффективности цифровой трансформации социальной сферы.

Ключевые слова: цифровизация, социальные услуги, социальная защита, цифровые услуги, цифровые технологии, социальная сфера.

CITIZENS' EXPECTATIONS FROM DIGITALIZATION IN THE SPHERE OF SOCIAL WELFARE AND SOCIAL SERVICES

Svetlana E. Gasumova, Anton V. Bezrukov

Perm State University (Perm)

Alevtina V. Starshinova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

This paper discusses an issue of the prospects for increasing the information transparency of the system of social welfare and social services in the context of digital transformation through the prism of its perception by the population. We touch upon the issues of low informativeness and insufficient interactivity of official Internet resources on such topics, their unpopularity and, as a consequence — the low awareness of state social assistance and social services among the population. We conducted a survey of the popula-

tion in the Perm region. The data of our survey show the expectations of citizens who are already receiving or applying to receive social benefits and social services in relation to the introduction of new digital technologies in this area in the near future. Citizens want to be able to independently select possible benefits and social services, choose an appropriate social agency, while doing that with the help of interactive services on the official websites of social welfare bodies and social agencies. They want to consult online, have an option to receive all social services in remote format, make appointments with the social welfare authorities and social agencies via the Internet, complain and evaluate the work of specialists serving them online. Citizens also hope to have terminals in public places with reference information on benefits and social services, to receive leaflets and brochures with such information, to take part in free training on thematic sites and mobile applications, to rent android robots for home-based services for the elderly and persons with disabilities, to enter information about themselves into the databases of social welfare bodies and social agencies on their own. The results obtained can be used for the development of information policy aimed at increasing the efficiency of digital transformation in the social sphere.

Keywords: digitalization, social services, social protection, digital services, digital technologies, social sphere.

Введение

Россия отличается крайне обширной системой разнообразных социальных гарантий. В условиях пандемии коронавирусной инфекции ею охвачена большая часть населения: по данным на 2021 г., общее число мер социальной поддержки в стране превышает 20 тыс., ее получают более 75 млн граждан [Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 N 431-р]. По оценкам экспертов Всемирного банка и Научно-исследовательского финансового института (НИФИ), Российская Федерация ежегодно тратит на социальные выплаты около 3 % ВВП, — т.е. больше, чем большинство стран с переходной экономикой. По числу же самих выплат и льгот Россия — и вовсе абсолютный мировой лидер [Ломская Т., Базанова Е., 2017]. Однако многообразие мер социальной поддержки и социальных услуг настолько велико, что обывателю разобраться в них сложно, и уровень информированности граждан о возможных полагающихся им формах помощи не высок. К примеру, в 2019 г. около 35 % семей в России вообще не знали о положенных им льготах. Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко тогда совершенно справедливо заявила, что надо не только выстроить бесперебойно работающие механизмы; не менее важно, чтобы люди знали о мерах поддержки, в связи с чем необходимо улучшить политику информирования в этой сфере [Матвиенко..., 2019].

Обозначенная проблема решается в настоящее время средствами новой государственной политики цифровизации с ориентацией на полный переход к проактивному предоставлению

мер социальной поддержки в автоматизированном режиме (в беззаявительном порядке), а также на максимально возможный уровень цифровизации социальных услуг, вплоть до полного предоставления в дистанционном формате в возможных случаях. Правительством Российской Федерации для этого прилагаются существенные усилия. Так, с 2018 г. в рамках реализуемой национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» проводятся мероприятия по направлению «Цифровая трансформация государственных и муниципальных услуг»: введен принцип комплексного подхода к решению жизненных ситуаций заявителей посредством суперсервисов и минимизация участия чиновников в принятии решений по оказанию услуг, перевод услуг в режим online. Предусмотрена омниканальность взаимодействия с использованием любых удобных пользователю инструментов обращения за услугами (мобильные устройства, соцсети, сайты, банковские приложения, email), проактивное предоставление услуг на основании изменения статусов граждан в ведомственных реестрах [Суперсервисы..., 2021].

В 2019 г. было внесено дополнение в Федеральный закон «О государственной социальной помощи» в виде ст. 5.2 «Информирование граждан о мерах социальной защиты (поддержки), социальных услугах, иных социальных гарантиях и выплатах» [Федеральный закон от 27.12.2019 N 461-ФЗ], наделяющей граждан России правом получать информацию о таких мерах и услугах через портал Госуслуг посредством уведомлений. А в 2021 г. в России была

утверждена «Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.» [Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 N 431-р], определяющая направления совершенствования процессов предоставления мер социальной поддержки на базе цифровых технологий. В документе подчеркивается, что назрела необходимость адаптации сферы социального обеспечения к новым цифровым реалиям с учетом возможностей новых цифровых технологий, лучших мировых и отечественных практик государственного управления и растущих ожиданий и требований граждан к получению государственных и муниципальных услуг.

Планируется, что граждане в результате смогут получать меры социальной поддержки удаленно, без необходимости посещения организаций (что особенно актуально для людей, ограниченных в передвижении либо проживающих в отдаленных населенных пунктах), в автоматическом режиме, без участия должностных лиц государственных органов, проактивно и комплексно, исходя из возникающих жизненных ситуаций, omnichannel и экстерриториально, персонализированно — с учетом фактической нуждаемости. Россиянам будут приходить проактивные уведомления о возможности получить меры социальной поддержки при увольнении, рождении ребенка, установлении инвалидности, наступлении пенсионного возраста.

Описанные преобразования, вероятно, в существенной мере избавят граждан от необходимости самостоятельно разбираться в системе льгот, от риска неполучения положенных по закону мер социальной поддержки и социальных услуг из-за неинформированности о самом факте наличия этого права или незнания, куда обращаться. Однако сколько лет потребуются на то, чтобы перевести в автоматический режим назначение всех мер социальной поддержки на всех уровнях — пока прогнозировать сложно. Совершенно очевидно, что это потребует колоссальных усилий и основные проблемы возникнут на местном уровне системы социальной защиты, где еще далеко не все функции автоматизированы, а исследования показывают, что сотрудники не всегда разделяют энтузиазм ру-

ководства ведомства относительно цифровизации [Фирсов М.В. и др., 2020, с. 20].

Кроме того, качество жизни жителей цифрового общества во многом зависит от их информационно-технологической компетентности, доступа к цифровым технологиям, финансовых возможностей приобретения соответствующих технических устройств (смартфон, ноутбук, компьютер или планшет). К примеру, пожилые люди старше трудоспособного возраста, доля которых в России в 2021 г. составила 25,2 % населения (36,9 млн) [Численность населения Российской Федерации, 2021], а к 2025 г. может достичь 27,4 % (40,2 млн) [Доклад о результатах комплексного мониторинга..., 2019], являются самой депривированной в этом отношении социальной группой — притом что это одна из основных категорий получателей мер социальной поддержки и социальных услуг. Среди них лишь половина использует Интернет [Треть пожилых людей в России..., 2019]. Среди же активных интернет-пользователей, по данным Росстата, доля пожилых людей по итогам 2020 г. и вовсе составила только 13,5 % [Распределение населения..., 2021].

Кроме того, существует проблема вовлеченности различных социальных групп в активное использование цифровых технологий в организации своей жизнедеятельности и взаимодействия с органами власти. Здесь уже возникают вопросы не только цифровой грамотности, но и мотивации, гражданской активности, государственной социальной и информационной политики, наличия интересных и полезных для населения цифровых сервисов и интернет-ресурсов, предпринимающихся усилий по доведению сведений о них до различных социальных групп, наконец, уровня развития человеческого потенциала в регионах в целом.

Например, А.В. Чугунов и другие авторы предлагают для изучения вовлеченности граждан в процесс цифровизации использовать концепцию «электронного участия» [Электронное участие..., 2020], обозначающего комплекс методов и инструментов для обеспечения электронного взаимодействия граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении при принятии политических и управленческих решений [Чугунов А.В., 2017, с. 59]. Их исследо-

вания показали, что человеческий потенциал, социальная политика и электронное гражданское участие взаимообусловлены: если государство инвестирует в развитие человеческого потенциала, то в результате возникает спрос на механизмы электронного участия, а это, в свою очередь, способствует усилению готовности органов власти внедрять цифровые инновации для взаимодействия с гражданами [Кабанов Ю.А., Чугунов А.В., 2021]. Оценка региональных систем электронного участия [Чугунов А.В., Панфилов Г.О., 2021] позволила сделать вывод, что, несмотря на то, что за последние годы в России появилось большое количество площадок электронного участия, их эффективность недостаточна [Kabanov Yu., Sungurov A., 2016]. Оказалось, что электронное участие граждан наиболее активно не в тех субъектах Российской Федерации, где самые высокие показатели бюджетных расходов на ИКТ, а в тех, где зафиксирована наиболее активная социальная политика и социальная ориентированность бюджетов. Поэтому необходимо активное социальное инвестирование в человеческий потенциал, в том числе выравнивание возможностей через повышение качества жизни незащищенных социальных групп, развитие социальных программ для активного населения, выравнивание региональных диспропорций, а также инвестирование в цифровые компетенции граждан и общественные инициативы [Кабанов Ю.А., Чугунов А.В., 2021].

Ю.А. Кабанов и А.В. Чугунов в качестве методологического подхода к изучению проблематики развития «электронного участия» граждан, в особенности — социально уязвимых групп, оказавшихся в условиях цифрового неравенства и вынужденных преодолевать экономические и психологические барьеры, предлагают рассматривать концепцию социального инвестирования, описанную А. Nemerijck [Nemerijck A., 2018]. Именно социальные инвестиции, по мнению ряда авторов, позволяют в информационном обществе эффективно добиваться инклюзии социально уязвимых групп, их более активной позиции на рынке труда и в общественно-политической жизни (см., напр.: [Marx P., Nguyen C.G., 2018, p. 916]). Они дают возможность не только повышать гражданское участие через «консультации, коммуникацию и вовлечение на местном уровне» (см.: [Jenson J., 2012, p. 39]), но и «напрямую вовлекать граждан в

процесс разработки и управления социальными услугами» (см. также: [Misuraca G. et al., 2017, p. 14]). Кроме того, имеет значение и само качество государственных институтов, как полагают A.F. Tavares, J. Martins, M. Lameiras (см.: [Tavares A.F. et al., 2020]): чем выше «информационная открытость» политических институтов и эффективнее государственное управление в социальной сфере, тем более активным и развитым будет «электронное участие».

Особое значение Ю.А. Кабанов и А.В. Чугунов придают тому, чтобы сделать каналы участия «обитаемыми»: за вложениями в цифровую инфраструктуру должны следовать меры по формированию спроса на подобные механизмы, который обеспечивается активным инвестированием в человеческий потенциал. Преодоление «межпоколенческого разрыва» в использовании электронных сервисов обосновывается крайне ценной, на наш взгляд, идеей об их большей объективной необходимости именно для старшего поколения в сравнении с молодежью: «...нуждающихся в длительном уходе пожилых нужно в первую очередь обеспечить планшетами и обучить выходу в интернет-пространство. Такие инвестиции в ИКТ-грамотность населения будут способствовать превращению экосистемы электронного участия в “обитаемые” пространства диалога власти и общества. В свою очередь, действенные механизмы электронного участия позволят более эффективно проводить социальную политику на основе учета мнений и потребностей граждан» [Кабанов Ю.А., Чугунов А.В., 2021, с. 109].

Таким образом, описанный подход дает возможность предположить, что для развития цифровизации в системе социальной защиты и социального обслуживания недопустимо ограничиваться только вложениями в ИКТ-инфраструктуру и созданием разнообразных государственных информационных ресурсов: как много бы их ни было, они с высокой вероятностью останутся невостребованными и бесполезными, если не будут отвечать ожиданиям граждан и если в рамках социального инвестирования не осуществляется развитие человеческих ресурсов, способных, готовых и заинтересованных в использовании электронных сервисов для решения проблем своей жизнедеятельности.

Методы

Чтобы изучить ожидания граждан относительно цифровой трансформации системы социальной защиты и социального обслуживания и получить данные для разработки рекомендаций органам государственной власти по учету информационных потребностей социальных групп, их отношения к цифровым сервисам в социальной сфере, мы провели эмпирические исследования методом опроса на территории Пермского края. В этом регионе из 2,6 млн жителей каждый третий (более 840 тыс. человек) состоит на учете в органах социальной защиты как получатель мер социальной поддержки и 15 тыс. пользуются социальными услугами.

В 2021 г. мы опросили в рамках первого опроса 490 граждан, обратившихся по каким-либо вопросам в органы социальной защиты и социальные службы (58 % из них уже являются получателями льгот и 31 % — получателями социальных услуг), и в рамках второго опроса — 114 клиентов учреждений социального обслуживания населения и социально ориентированных некоммерческих организаций. Анкета распространялась через территориальные управления Министерства социального развития Пермского края и учреждения социального обслуживания, а также приглашение заполнить анкету в Google.форме было опубликовано на сайте Министерства и в его пабликах в социальных сетях «ВКонтакте» и «Instagram». Выбор онлайн-опроса обусловлен возможностями широкого охвата потенциальных респондентов, высокой вероятностью (более 50 %) отказа от участия в опросе «лицом к лицу», а также эпидемической ситуацией, связанной с COVID-19. Вместе с тем четверть анкет была заполнена в бумажном виде (поскольку респонденты испытывали трудности с введением ответов онлайн), остальные три четверти — в электронном.

Несмотря на стихийный характер выборки, в полученных данных представлены основные социально-демографические группы по полу, возрасту, месту проживания, уровню материального благосостояния, уровню использования и владения Интернетом. Стихийность формирования выборочной совокупности позволяет реализовать поставленные задачи исследования. В данном случае принцип самоотбора обеспечивает репрезентацию мнений и запро-

сов наиболее активных заинтересованных в исследуемой теме граждан, что можно рассматривать в качестве достаточной основы для формулирования рекомендаций по цифровой трансформации социальной сферы.

Анализ данных проводился с использованием специального программного обеспечения из серии SPSS Statistics посредством частотных распределений, мер центральной тенденции, анализа корреляций с помощью различных коэффициентов.

Результаты исследования

Первое исследование показало, что чуть менее половины обратившихся в органы социальной защиты и в социальные службы граждан в Пермском крае (44 %) считают информацию о льготах и социальных услугах доступной и легко узнаваемой. Остальные (56 %) испытывают некоторые трудности с ее нахождением: 26 % указали, что «не очень-то легко» ее находить, «скорее сложно» — 14 %, «сложно» — 10 % и «практически невозможно» — 5 %. Чтобы узнать такую информацию, жители региона сегодня чаще всего ищут ее в Интернете (36 %) либо спрашивают у знакомых и родственников (36 %). Характерны такие комментарии респондентов по этому вопросу: «Все узнавал случайно от знакомых получателей услуг или из постов людей в социальных сетях, а также из доклада организации гражданских активистов о положении пенсионеров и инвалидов». Довольно часто также люди звонят в органы социальной защиты либо в социальную службу (33 % респондентов) и идут на прием (29 %). Некоторые респонденты оставляли об этом негативные комментарии, например: «В соцзащиту не дозвониться. Никто толком не объясняет, что, и как, и где нужно сделать... Приходится по три-четыре раза ходить по одному вопросу».

Отметим, что в переписку по электронной почте или в социальных сетях жители региона с системой социальной защиты и социального обслуживания почти не вступают: делает это лишь незначительная доля респондентов (по 6 % респондентов). У абсолютного большинства (71 %) опыта переписки в электронной форме нет, в том числе 5 % респондентов вообще «понятия не имели, что так можно». Наши предыдущие исследования показывали,

что ответы по электронной почте и в социальных сетях граждане зачастую считают «отписками», данными не по существу вопросов, либо рискуют и вовсе не получить ответ [Гасумова С.Е., 2020, с. 514]. Однако, в этот раз положительно были настроены 20 % опрошенных: они заявили, что в электронной переписке сотрудники системы социальной защиты «все хорошо объясняют». Негативно оценивают свой опыт переписки в 2 раза меньше граждан — лишь 9 % принявших участие в опросе, в том числе 4 % респондентов указали, что им «ответили не по существу», 3 % — что «там плохо все объясняют, я ничего не понял(а)» и не получили вообще никакого ответа — 2 %.

Знают о положенных мерах социальной поддержки и социальных услугах треть респондентов. Остальные две трети испытывают

дефицит в такой информации и признаются, что им ее не хватает для организации жизнедеятельности. Каждый шестой среди опрошенных «буквально вообще не знает, где такую информацию взять» (рис. 1). При этом обнаруживается обратная связь возраста со степенью информированности ($\Gamma = (-)0,132$ при $p \leq 0,05$): доля тех, кто ничего не знает о том, где получить информацию о пособиях, других мерах социальной поддержки и социальных услуг, увеличивается с повышением возраста респондентов. Значимым фактором информированности является доступ к Интернету (d Сомерса = $0,177$ при $p \leq 0,05$): 36 % не испытывающих трудностей с выходом в сеть все знают о льготах и социальных услугах, 51 % не хватает лишь некоторой информации.

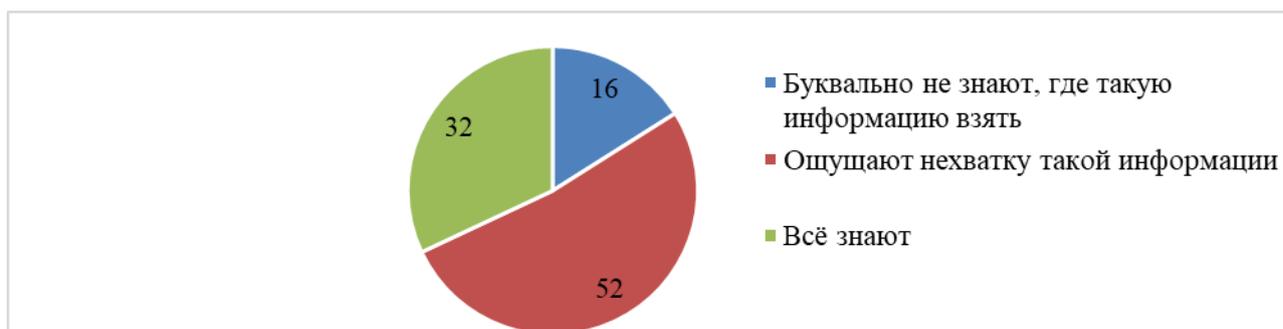

Рис. 1. Распределение респондентов по ощущению дефицита информации по вопросам социальной защиты и социального обслуживания, % ($n = 490$)

Fig. 1. Distribution of respondents according to the feeling of lack of information on social welfare and social services, % ($n = 490$)

Большинству опрошенных жителей Пермского края (82 %) информация в Интернете про льготы и социальные услуги облегчает жизнь (в том числе 43 % — «существенно» и 39 % — «немного»). В связи с этим трудно переоценить значение для граждан официальных интернет-сайтов региональных органов социальной защиты. На наш взгляд, они должны стать одним из основных источников такой «облегчающей жизнь» информации для жителей регионов. И действительно, исследование показало, что ищет подобную информацию на сайте регионального Министерства социального развития значительная доля — 35 % респондентов, в его пабликах в социальных сетях «ВКонтакте» — 23 % и «Инстаграм» — 10 %. При этом 24 % отмечают, что на сайте Министерства «много полезной ин-

формации», еще 23 % называют сайт «довольно полезным». С другой стороны, 14 % опрошенных не смогли найти на нем информацию про льготы и социальные услуги, еще 1 % посчитали его «абсолютно бесполезным» и приняли решение больше никогда на него не заходить. Некоторые респонденты оставляли о сайте такие комментарии: «слишком много ненужной информации», «надо проще, простым, понятным языком, а не официальными фразами».

Заметим немаловажный факт: каждый четвертый среди опрошенных мог бы стать пользователем сайта Министерства, если бы был проинформирован о нем (15 % отметили, что сайт им просто «никогда не попадался»; 5 % не знали, что у Министерства социального развития вообще есть свой сайт; еще 7 % респондентов

указали, что теперь, узнав о сайте из анкеты благодаря участию в опросе, обязательно зайдут на него). Около 5 % респондентов, к сожалению, негативно настроены в отношении сайтов органов власти вообще: 4 % не хотят заходить на такие сайты, так как «там ничего не понятно», и 1 % признается, что их «раздражают сайты органов власти, они пафосные, не для людей».

Ряд вопросов позволил выявить ожидания граждан относительно того, какие интерактивные сервисы должны создать для них органы государственной власти и разместить их в бесплатном, общем доступе на своих сайтах. Самым востребованным был бы, вероятно, сервис по подбору льгот на основе экспресс-теста по определению социального статуса гражданина и его нуждаемости в государственной помощи. Лишь немного ему «уступает» в актуальности для респондентов сервис по подбору нужных

социальных услуг. Далее по потенциальной востребованности следуют сервисы по записи на прием в органы социальной защиты и социальные службы. Вероятно, жители России уже привыкли записываться в электронной форме на прием к врачам, поэтому в сфере социальной защиты и социального обслуживания ожидают того же удобства. Чуть менее актуальными, но все же необходимыми кажутся большинству респондентов сервисы по подаче жалоб на выплату пособий и предоставление мер социальной поддержки или социальных услуг, по консультированию в режиме видеосвязи (Zoom, Skype) граждан, испытывающих трудности в проезде к месту нахождения органа социальной защиты или социальной службы, по быстрой оценке качества работы конкретного специалиста соцзащиты или поставщика социальных услуг по 5-балльной шкале (см. рис. 2).

Рис. 2. Ожидания жителей Пермского края относительно создания органами власти интерактивных сервисов в сфере социальной защиты и социального обслуживания, доля респондентов, % (n = 490)

Fig. 2. Expectations of Perm region residents regarding the creation of interactive services by the authorities in the field of social welfare and social services, percentage of respondents, % (n = 490)

77 % респондентов хотели бы, чтобы органы власти организовали установку в обществен-

ных местах терминалов со справочной информацией о льготах и социальных услугах. 70 %

были бы рады, если бы была напечатана в виде листовок и начала распространяться в общественных местах информация с рекомендуемыми гражданам интернет-сайтами по вопросам социальной защиты и социальных услуг.

Несколько неожиданным среди результатов опроса явилось то обстоятельство, что 73 % граждан, как оказалось, готовы и хотели бы, чтобы у них была бы возможность при обращении в органы социальной защиты или в социальную службу самостоятельно вводить информацию о себе и своей проблеме (свои личные данные) в автоматизированную систему. Зарубежные исследователи уже давно призывают к подобному формату работы с населением, считая полученную подобным способом информацию о проблеме клиента более точной (см., напр.: [Aldridge M. et al., 1982]).

Опрос позволил также выявить проблему низкой информированности граждан об уже существующих интерактивных сервисах. Органы власти создали кроме Госуслуг немало других полезных интернет-ресурсов, способных повысить качество жизни россиян. Однако часть опрошенных жителей Пермского края узнавала о них впервые из вопросов анкеты и указывала, что теперь воспользуется ими. Это касается «Социального калькулятора» для подбора льгот на сайте «Единой государственной системы социального обеспечения» ЕГИССО (58 % респондентов ответили именно таким образом), сайта и мобильного приложения «Карты доступности» для маломобильных граждан (43 %), Реестра поставщиков социальных услуг на сайте Министерства социального развития Пермского края (41 %).

56 % получателей мер социальной поддержки и социальных услуг в Пермском крае хотели бы пройти обучение по пользованию полезными тематическими сайтами и мобильными приложениями, если бы на базе социальных служб были организованы бесплатные обучающие занятия для всех желающих. Еще 17 % отправили бы на них своих родственников или знакомых. Закономерно, что желание пройти такое обучение повышается с возрастом (Гамма = (-)0,156 при $p \leq 0,05$) и особенно сильно проявляется

среди пожилых респондентов, испытывающих к тому же проблемы с доступом в Интернет (Гамма = 0,307 при $p \leq 0,05$; d Сомерса = 0,235 при $p \leq 0,05$). Кроме того, показательно, что чаще желают пройти обучение те, кто указывали, что совершенно ничего не знают о положенных льготах и социальных услугах. Почти каждый второй из этой категории считает также полезным напечатать в виде листовок и распространять в общественных местах информацию с рекомендуемыми гражданам интернет-сайтами по вопросам социальной защиты и социальных услуг.

Чрезвычайно любопытными нам представляются полученные данные относительно ожиданий жителей Пермского края по вопросу использования робототехники и искусственного интеллекта в сфере социальной защиты и социального обслуживания. Оказывается, если бы гражданам в регионе на приеме в органах социальной защиты предоставили выбор: получить консультацию у сотрудника или у робота-андроида, то 75 % выбрали бы «живого сотрудника», так как это надежнее (42 %), привычнее и удобнее (33 %). Однако, 19 % (почти каждый пятый) предпочли бы проконсультироваться у робота-андроида, в том числе 14 % — поскольку рассчитывают, что им это понравится, 3 % — «так как он гарантированно ни в чем не ошибется и не нагрубит», 2 % — «так как его можно переспрашивать по многу раз, задавать глупые или неловкие вопросы, которые я постесняюсь задать специалисту».

На вопрос же «Представьте, что стало возможно брать в соцзащите в аренду за небольшую плату роботов-андроидов для домашнего обслуживания – ухода за пожилыми и инвалидами. Как Вы думаете, Ваша семья воспользовалась бы когда-нибудь такой услугой?» отрицательно ответили 26 % респондентов и 27 % затруднились ответить. Остальные же 47 % (почти половина опрошенных) настроены положительно и дали утвердительный ответ: они готовы пользоваться робототехникой для социального обслуживания на дому (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение респондентов относительно возможности использовать роботов-андроидов в надомном социальном обслуживании (ответы на вопрос «Представьте, что стало возможно брать в соцзащите в аренду за небольшую плату роботов-андроидов для надомного обслуживания – ухода за пожилыми и инвалидами. Как Вы думаете, Ваша семья воспользовалась бы когда-нибудь такой услугой?»), % (n = 490)

Fig. 3. Respondents' attitude to the possibility to use android robots in home-based social services (answers to the question «Imagine that it became possible to rent android robots in social agency for a small fee for home-based services – caring for the elderly and the disabled. What do you think: would your family ever use such a service?»), % (n = 490)

Чуть более половины опрошенных граждан (56 %) указали, что если бы любые консультации всем желающим в органах социальной защиты и социальных службах стало возможно получать дистанционно в Zoom или в Skype, они бы чаще обращались за помощью (в том числе 17 % респондентов — «точно чаще» и 39 % респондентов — «возможно, чаще»).

Второй наш опрос получателей социальных услуг в учреждениях социального обслуживания и СО НКО в Пермском крае показал, что за двухлетний период пандемии коронавирусной инфекции и связанных с этим ограничений в деятельности социальных служб мало что поменялось. Абсолютное большинство респондентов (85 %) отметили, что процесс получения

социальных услуг «никак не изменился, организация продолжала работать в прежнем формате». Только 9 % опрошенных заметили, что «часть услуг были переведены в дистанционную форму», а 6 % указали, что «организация расширила спектр оказываемых услуг в период пандемии». Но при этом важно отметить, что небольшая доля респондентов, все же получивших услуги дистанционно, оценивает их качество довольно высоко: на 4,73 балла из 5 (недистанционные услуги за тот же период пандемии оценивают в среднем на 4,8 баллов, т.е. разница незначительна). Таким образом, можно сделать вывод, что качество небольшого спектра переведенных в дистанционный формат социальных услуг в государственных и

общественных организациях — поставщиках социальных услуг в Пермском крае — не пострадало.

Выводы

Происходящие в настоящее время благодаря государственной политике цифровизации стремительные, без преувеличения можно сказать, революционные изменения в системе социальной защиты и социального обслуживания заслуживают высокой оценки. В то же время в научных исследованиях российских ученых все чаще делается акцент на том, что цифровая трансформация должна осуществляться на основе вовлечения целевых социальных групп, цифровой инклюзии социально уязвимых групп и социального инвестирования в эти процессы. Немаловажным является учет мнения и ожиданий актуальных и потенциальных получателей мер социальной поддержки и социальных услуг, которые связаны, как показало проведенное нами эмпирическое исследование, с получением возможности в интерактивных сервисах на официальных сайтах органов социальной защиты и социальных служб самостоятельно подбирать возможные льготы и социальные услуги, консультироваться онлайн, получать любые услуги по желанию в дистанционном формате, записываться на прием в органы социальной защиты и в социальные службы через Интернет, там же критиковать и оценивать работу обслуживавших их специалистов, самостоятельно вносить информацию о себе в базу данных органов социальной защиты и учреждений социального обслуживания, пользоваться терминалами со справочной информацией о льготах и социальных услугах в общественных местах, получать листовки и буклеты о мерах социальной поддержки и социальных услугах, проходить бесплатное обучение по тематическим сайтам и мобильным приложениям, а в будущем — даже консультироваться у роботов-андроидов и брать их в аренду для домашнего обслуживания пожилых и инвалидов.

Уровень информированности граждан о мерах социальной поддержки и социальных услугах сегодня возможно повысить путем совершенствования системы информирования через официальные интернет-ресурсы органов социальной защиты и социальных служб путем размещения на них простых, лаконичных, визуализированных, понятных всем целевым соци-

альным группам инструкций о получении различной помощи в трудных жизненных ситуациях, а также за счет развития электронных коммуникаций с клиентами на основе принципа омниканальности, создания разнообразных интерактивных интернет-сервисов и чат-ботов. Если цифровые новшества будут внедряться с учетом мнения и ожиданий социальных групп, система сможет быть не просто грамотно оптимизирована, но и выведена на совершенно новый уровень эффективности. В результате могут возрасти информированность и охват нуждающихся в помощи граждан, произойдет экономия времени, повысится качество жизни населения и удовлетворенность системой социальных гарантий в государстве.

Выражение признательности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-18-00246-П «Вызовы трансформации социального государства в России: институциональные изменения, социальное инвестирование, цифровизация социальных услуг», реализуемого в СПбГУ.

Авторы также выражают признательность Министерству социального развития Пермского края за содействие в проведении опросов получателей мер социальной поддержки и социальных услуг в регионе.

Acknowledgements

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project No. 19-18-00246-P «Challenges of transformation of the welfare state in Russia: institutional changes, social investment, digitalization of social services», implemented at St. Petersburg State University.

The authors express a gratitude also to the Ministry of Social Development of Perm region for assistance in conducting surveys of recipients of social support measures and social services in the local community.

Список литературы

Гасумова С.Е. Самоинформирование населения по вопросам социальной защиты и социального обслуживания в современной России в условиях цифровизации общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 506–519. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-506-519>

Доклад о результатах комплексного мониторинга социально-экономического положения пожилых людей за 2018 год / Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/1340> (дата обращения: 29.01.2021).

Кабанов Ю.А., Чугунов А.В. Развитие человеческого потенциала, социальная политика и электронное гражданское участие в российских регионах // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 101–114. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-101-114>

Ломская Т., Базанова Е. Лишь четверть социальных выплат и льгот в России доходит до нуждающихся // Ведомости. 2017. 18 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/07/18/724183-sotsialnih-viplat> (дата обращения: 29.01.2021).

Матвиенко: более трети семей с детьми в России не знают о льготах // РИА Новости. 2019. 27 нояб. URL: <https://ria.ru/20191127/1561688691.html> (дата обращения: 29.01.2021).

Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 N 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты РФ, на период до 2025 г.». URL: <https://base.garant.ru/400388029/> (дата обращения: 29.01.2021).

Распределение населения, являющегося активными пользователями сети Интернет, по типам поселения по половозрастным группам / Федеральная служба государственной статистики. 2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 29.01.2021).

Суперсервисы и цифровая трансформация госуслуг / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. 2021. 3 сент. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/854> (дата обращения: 29.01.2021).

Треть пожилых людей в России являются активными пользователями интернета // Новости Росстата. 2019. 1 окт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640> (дата обращения: 29.01.2021).

Федеральный закон от 27.12.2019 N 461-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной социальной помощи” и статью 3 Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “Об актах гражданского состояния”»». URL: <https://base.garant.ru/73355421/> (дата обращения: 29.01.2021).

Фирсов М.В., Вдовина М.В., Савинов Л.И. Цифровизация российской социальной работы: современная практика и пути развития // Теория и практика общественного развития. 2020. № 9. С. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.1>

Численность населения Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики. 2021. 15 июня. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 29.01.2021).

Чугунов А.В. Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // Власть. 2017. Т. 25, № 10. С. 59–66.

Чугунов А.В., Панфилов Г.О. Методика оценки региональных систем электронного участия в контексте социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Современное государственное управление: образование, наука, практика: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Изд-во Академии управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. С. 170–174.

Электронное участие: концептуализация и практика реализации в России / под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой. СПб.: Алетей, 2020. 254 с.

Aldridge M., Macy W., Walz T. Beyond management: Humanizing the administrative process. Iowa City, IA: University of Iowa, School of Social Work, 1982. 180 p.

Hemerijck A. Social Investment as a Policy Paradigm // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25, iss. 6. P. 810–827. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1401111>

Jenson J. Redesigning Citizenship Regimes after Neoliberalism: Moving towards Social Investment // Towards a Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges / ed. by N. Morel, B. Palier, J. Palme. Bristol, UK: Policy Press, 2012. P. 61–88. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qgqfg.10>

Kabanov Y., Sungurov A. E-Government Development Factors: Evidence from the Russian Regions // Digital Transformation and Global Society / ed. by A. Chugunov, R. Bolgov et al. Cham, CH: Springer, 2016. P. 85–95. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-49700-6_10

Marx P., Nguyen C.G. Political Participation in European Welfare States: Does Social Investment Matter? // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25, iss. 6. P. 912–943. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1401109>

Misuraca G., Pasi G., Urzi Brancati C. ICT-Enabled Social Innovation: Evidence & Prospective. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 164 p. DOI: <https://doi.org/10.2760/494727>

Tavares A.F., Martins J., Lameiras M. Electronic Participation in a Comparative Perspective: Institutional Determinants of Performance // Digital Government and Achieving E-Public Participation: Emerging Research and Opportunities / ed. by M.P. Rodríguez Bolívar, M.E. Cortés Cediél. Hershey, PA: IGI Global, 2020. P. 87–123. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-1526-6.ch005>

Получена: 29.12.2021. Доработана после рецензирования: 16.05.2022. Принята к публикации: 29.05.2022

References

- Aldridge, M., Macy, W. and Walz, T. (1982). *Beyond management: Humanizing the administrative process*. Iowa City, IA: University of Iowa, School of Social Work Publ., 180 p.
- Chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii (2021) [Population of the Russian Federation]. Federal State Statistics Service. Jun. 15. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 29.12.2021).
- Chugunov, A.V. (2017). [Cooperation of citizens with the authority as a feedback channel in e-participation: institutionalization issues]. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 25, no. 10, pp. 59–66.
- Chugunov, A.V. and Filatova, O.G. (eds.). *Elektronnoe uchastie: kontseptualizatsiya i praktika realizatsii v Rossii* [Electronic participation: conceptualization and implementation practice in Russia]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 254 p.
- Chugunov, A.V. and Panfilov, G.O. (2021). [Methodology for assessing regional e-participation systems in the context of socio-economic development of constituent entities of the Russian Federation]. *Sovremennoe gosudarstvennoe upravlenie: obrazovanie, nauka, praktika: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf* [Modern public administration: education, science, practice: proceedings of the International scientific and practical conference]. Minsk: APAPRB Publ., pp. 170–174.
- Doklad o rezul'tatakh kompleksnogo monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya pozhilykh lyudey za 2018 god [Report on the results of comprehensive monitoring of the socio-economic situation of older people for 2018]. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Available at: <https://mintrud.gov.ru/docs/1340> (accessed 29.12.2021).
- Federal'nyy zakon ot 27.12.2019 N 461-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O gosudarstvennoy sotsial'noy pomoschi" v stat'yu 3 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya"»» [Federal Law of December 27, 2019 No. 461-FZ «On amendments to the Federal Law "On state social assistance" and Article 3 of the Federal Law "On amendments to the Federal Law "On acts of civil status"»»]. Available at: <https://base.garant.ru/73355421/> (accessed 29.12.2021).
- Firsov, M.V., Vdovina, M.V. and Savinov, L.I. (2020). [Digitalization of Russian social work: modern practice and ways of development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 9, pp. 13–21. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2020.9.1>
- Gasumova, S.E. (2020). [Self-informing of the population on social welfare and social services in modern Russia under the digitalization of society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 506–519. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-506-519>
- Hemerijck, A. (2018). Social investment as a policy paradigm. *Journal of European Public Policy*. Vol. 25, iss. 6, pp. 810–827. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1401111>
- Jenson, J. (2012). Redesigning citizenship regimes after neoliberalism: moving towards social investment. *N. Morel, B. Palier, J. Palme (eds.) Towards a social investment welfare state? Ideas, policies and challenges*. Bristol, UK: Policy Press, pp. 61–88. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt9qqqfg.10>
- Kabanov, Y.A. and Chugunov, A.V. (2021). [Human development, social policy and citizen electronic participation in Russia's regions]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 19, no. 1, pp. 101–114. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-101-114>
- Kabanov, Y. and Sungurov, A. (2016). E-government development factors: evidence from the Russian regions. *A. Chugunov, R. Bolgov et al. (eds.) Digital transformation and global society*. Cham, CH: Springer Publ., pp. 85–95. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-49700-6_10

Lomskaya T., Bazanova E. (2017). [Only a quarter of social payments and benefits in Russia reaches those in need]. *Vedomosti*. Jul. 18. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/07/18/724183-sotsialnih-viplat> (accessed 29.12.2021).

Marx, P. and Nguyen, C.G. (2018). Political participation in European welfare states: does social investment matter? *Journal of European Public Policy*. Vol. 25, iss. 6, pp. 912–943. DOI: <https://doi.org/10.1080/13501763.2017.1401109>

Matvienko: bolee treti semey s det'mi v Rossii ne znayut o l'gotakh (2019) [Matvienko: more than a third of families with children in Russia do not know about benefits]. *RIA Novosti* [Russian News Agency]. Nov. 27. Available at: <https://ria.ru/20191127/1561688691.html> (accessed 29.12.2021).

Misuraca, G., Pasi, G and Urzi Brancati, C. (2017). *ICT-enabled social innovation: evidence & prospective*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 164 p. DOI: <https://doi.org/10.2760/494727>

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 20.02.2021 N 431-r «Ob utverzhdenii Kontseptsii tsifrovoy i funktsional'noy transformatsii sotsial'noy sfery, otnosyasheysya k sfere deyatel'nosti Ministerstva truda i sotsial'noy zaschity RF, na period do 2025 g.» [Order of the Government of the Russian Federation of February 20, 2021 N 431-r «On approval of the Concept of digital and functional transformation of the social sphere, related to the sphere of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, for the period up to 2025»]. Available at: <https://base.garant.ru/400388029/> (accessed 29.12.2021).

Raspredelenie naseleniya, yavlyayushegosya aktivnymi pol'zovatelyami seti Internet, po tipam poseleniya po polovozrastnym gruppam (2021) [Distribution of the population, who are active users of the Internet, by type of settlement by gender and age groups]. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (accessed 29.12.2021).

Superservisy i tsifrovaya transformatsiya gosuslug (2021) [Super services and digital transformation of public services]. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Sep. 3. Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/854> (accessed 29.12.2021).

Tavares, A.F., Martins, J. and Lameiras, M. (2020). Electronic participation in a comparative perspective: Institutional determinants of performance. *M.P. Rodríguez Bolívar, M.E. Cortés Cediél (eds.) Digital government and achieving e-public participation: emerging research and opportunities*. Hershey, PA: IGI Global Publ., pp. 87–123. DOI: <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-1526-6.ch005>

Tret' pozhilykh lyudey v Rossii yavlyayutsya aktivnymi pol'zovatelyami internet (2019) [A third of older people in Russia are active Internet users]. Federal State Statistics Service. Oct. 1. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640> (accessed 29.12.2021).

Received: 29.12.2021. Revised: 16.05.2022. Accepted: 29.05.2022

Об авторе

Гасумова Светлана Евгеньевна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы
и конфликтологии, доцент кафедры
информационных технологий

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetagasumova@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-8605>
ResearcherID: O-4789-2017

About the author

Svetlana E. Gasumova

Candidate of Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department of Social Work
and Conflictology, Associate Professor
of the Department of Information Technologies

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetagasumova@ya.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2514-8605>
ResearcherID: O-4789-2017

Старшинова Алевтина Викторовна

доктор социологических наук,
профессор кафедры социальной работы

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-5681>
ResearcherID: Q-1245-2015

Alevtina V. Starshinova

Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Social Work

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: a.v.starshinova@urfu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8804-5681>
ResearcherID: Q-1245-2015

Безруков Антон Витальевич

преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: anton.v.bezrukov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2669-1781>
ResearcherID: ADQ-4302-2022

Anton V. Bezrukov

Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: anton.v.bezrukov@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2669-1781>
ResearcherID: ADQ-4302-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гасумова С.Е., Старшинова А.В., Безруков А.В. Ожидания граждан от цифровизации в сфере социальной защиты и социальных услуг // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 315–328. DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-315-328

For citation:

Gasumova S.E., Starshinova A.V., Bezrukov A.V. [Citizens' expectations from digitalization in the sphere of social welfare and social services]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 315–328 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-315-328

УДК 316.346.32–053.9(470.22)

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-329-338

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СЕЛАХ КАРЕЛИИ ВО ВРЕМЯ КОРОНАВИРУСНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Галкин Константин Александрович

*Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Санкт-Петербург)*

Представлены результаты исследования особенностей жизни пожилых людей в сельской местности во время пандемии COVID-19. Всего было собрано 20 интервью и 15 дневников наблюдений пожилыми людьми, проживающими в сельской местности в периферийных поселениях Республики Карелия. Изучаются особенности повседневной жизни пожилых людей — жителей сельской местности, в период пандемии COVID-19. В рамках исследования рассматриваются проблемы изолированности пожилых людей и анализируются особенности ее проявления у пожилых людей при проживании на отдаленной территории. В исследовании аккумулируются эффекты, которые создает социальное исключение этой категории людей из привычной жизни, а также возможные способы адаптации, которые минимизируют социальное исключение пожилых людей в селах. Статья вносит вклад в появляющиеся исследования по изучению особенностей старения в контексте вынужденной социальной исключенности, которые задает ситуация пандемии COVID-19. Использован тематический метод при анализе интервью и дневников наблюдений пожилых людей. Основными выводами являются выделение различных страхов, представленных в заключении, особенностей восприятия одинокого состояния, связанного с изменениями привычной повседневности из-за изоляции, а также ощущений, связанных с пониманием информантами своего тела как исключенного из прежней жизни и как невидимого в ограниченном пространстве, в котором происходит самоизоляция. Проанализировано также, как особенности ограничений, которые создает пандемия COVID-19 для пожилых людей, влияют на телесные ограничения и как самоизоляция и различные страхи связаны с телесными ограничениями пожилых людей.

Ключевые слова: COVID-19, пожилые люди, сельская местность, самоизоляция пожилых людей в сельской местности, страхи переживания самоизоляции.

FEATURES OF EVERYDAY LIFE OF OLDER PEOPLE IN KARELIAN VILLAGES DURING THE CORONAVIRUS RESTRICTIONS

Konstantin A. Galkin

*Sociological Institute of the RAS, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)*

The article presents research into the peculiarities of life of older people in rural areas during the COVID-19 pandemic. In total, there were conducted 20 interviews and collected 15 observation diaries of older people living in rural areas in peripheral settlements of the Republic of Karelia. The study examines the isolation of older people and the peculiarities of isolation of older people who live in rural areas; the effects that social exclusion of older people living in rural areas creates; the possible ways of adaptation that could minimize this social exclusion. The article contributes to the emerging research into the peculiarities of understanding aging in the context of forced social exclusion caused by the COVID-19 pandemic. A thematic method was used in the analysis of interviews and observation diaries of older people. The

paper identifies various fears and peculiarities of the perception of the lonely state associated with changes in habitual everyday life due to isolation, as well as sensations related to the informants' perception of their body as excluded from previous life and as an invisible body confined in the space where self-isolation occurs. The research also analyzes the role of bodies and the features of restrictions that the COVID-19 pandemic creates for the elderly in the context of bodily restrictions and studies how self-isolation and various fears are associated with the bodily restrictions of older people.

Keywords: COVID-19, older people, rural areas, self-isolation of older people in rural areas, fears of experiencing self-isolation.

Введение, теоретический аспект

Пожилые люди в целом оказываются наиболее уязвимой группой в условиях самоизоляции. Это связано с тем, что большинство контактов пожилых людей, проживающих отдельно, происходит вне дома. Это встречи с друзьями, поездки в другой город, поездки в магазины и аптеки, встречи с родственниками и детьми. Для пожилых людей это практически единственная возможность социальных контактов и общения, и время самоизоляции может крайне негативно сказаться на психологическом самочувствии пожилых людей, в особенности тех, кто проживает в сельской местности [Armitage R., Nellums L.B., 2020].

Тело — привычный и значимый локус для индивидов, через который происходит познание мира, определение своего места в мире [Csordas T.J., 2002]. Через воплощение (embodiment) осуществляются забота о теле и различные телесные практики, которые выполняет человек, через которые он/она познает окружающий мир, погружается в него [Csordas T.J., 2002]. При этом через воплощение происходит взаимодействие тела как с другими телами, так и с другими акторами-нечеловеками [Csordas T.J., 1999]. Одним из основных сюжетов в данном случае выступает идея о том, что телесные формы воплощения становятся для индивидов незаметными и незначимыми до того момента, пока не происходит нарушения привычного режима воплощений (embodiment). До момента наступления изменений, к примеру, связанных с серьезной болезнью, инвалидностью или проблемами с мобильностью, тело незаметно, а движения, которые оно выполняет, рутинны и незначимы для человека. Однако с наступлением потрясений, к которым можно отнести и заболевание, и внешнюю эпидемиологическую угрозу, привычные практики перевоплощения (embodiment) становятся для инди-

видов видоизменными и приобретают другие особенности, отличные от тех, которые существовали прежде.

С возникновением проблемы пандемии COVID-19 множественные грани сознания и телесных ощущений переплетаются в замкнутом теле. Изменяются техники тела и практики ухода за телом. К примеру, многие стали замечать, как часто они моют руки или используют специальные средства — санитайзеры и гигиенические салфетки — для обтирания рук. Изменилась и практика медикаментозного ухода за телом: здесь можно вспомнить приемы витаминов и БАДов, а также применение средств защиты организма в основном медикаментозных. Изменение привычных телесных воплощений создает новые телесные перевоплощения, которые связаны с ощущением застревания и остановки привычной жизни, в особенности когда тело становится зажатым, изолированным в одном пространстве, как физически, так и социально. Это происходит также внутри новых дисциплинарных практик, связанных с поддержанием гигиены тела, необходимой для того, чтобы противостоять вирусам. Наши тела становятся проницаемыми и уязвимыми. К примеру, обыкновенное рукопожатие или даже самый простой тактильный контакт (объятия) может быть смертельно опасными, и наши тела становятся зависимыми от тел других людей, как человеческих, так и нечеловеческих.

Ситуация пандемии требует от нас изменения нашего привычного поведения. То, что Э. Бенке называет привычной хореографией тела, привычными движениями тела, изменяется и трансформируется. Изменение привычного состояния перевоплощения тел (embodiment) влияет и на модели будущего [Behnke E.A., 1997, p. 68]. К примеру, ощущение тревоги за свое психологическое и физическое благополучие и возможность достаточно легко заразиться вирусом становятся поводами для возникнове-

ния различных депрессивных состояний, страхов, ощущения отсутствия будущего, которые могут быть более ярко выражены в сельской местности, где изоляция тела на определенном пространстве — это закрытость тел и ограниченность, создающие для пожилых людей чувство вычеркнутости и ненужности.

Таким образом, через новые воплощения тел (embodiment) приходит физическое ощущение замкнутости и зависимости, которое чувствуется телесно и воздействует на сознание пожилых людей, что создает психологические сложности для них и приводит в состояние постоянной тревоги. Для пожилых людей подобные психологические сложности играют весомую роль, поскольку связаны с ощущениями ненужности и забытости, что влияет как на психологическое, так и на физическое здоровье. Телесные перевоплощения в период пандемии и ощущения замкнутости вызывают чувство тревоги, социальной изоляции, одиночества, которые заданы психологически и социально и становятся одной из форм эксклюзии для пожилых людей. Тело, которое находится на самоизоляции, не принадлежит самому индивиду, и, как следствие, физические ограничения и замкнутость тела пожилого человека в одном пространстве инициируют различные моральные паники и усугубляют чувство одиночества, что обусловлено психологическим состоянием и особым состоянием здоровья, которое проявляется телесно и ведет к подавлению свободы тела [Matias T. et al., 2020].

Социальная изоляция и одиночество — понятия взаимосвязанные, но по сути разные. Социальная изоляция характеризуется отсутствием контакта или физической разлукой с семьей, т.е. физическим разделением, и может иметь временный характер [Valtorta N., Hanratty B., 2012]. И здесь важны пространственные и средовые ограничения индивида, который становится замкнутым в определенном пространстве, в то время как одиночество — это более сложная и субъективная эмоция человека [Tanskanen J., Anttila T., 2016; Victor C. et al., 2000; Steptoe A. et al., 2013].

Одиночество может сопровождаться чувством тревоги и неудовлетворенности, связанным с отсутствием связи или общности с другими людьми, а также с теми или иными страхами. Например, один из наиболее распростра-

ненных страхов пожилых людей — не получить вовремя необходимую помощь или лекарства; другой распространенный страх сопряжен с доступностью медицинских учреждений и проблемой больших расстояний в сельской местности в России [Елютина М.Э., Трофимова О.А., 2017].

Между социальной изоляцией и одиночеством существуют взаимосвязи, однако они незначительны [Steptoe A. et al., 2013]. В современном медицинском дискурсе можно встретить множество работ, посвященных предотвращению одиночества пожилых людей. Для этого создаются специальные ассоциации, которые борются с одиночеством пожилых; доказаны психологические эффекты пагубного влияния одиночества пожилых людей на самочувствие и различные заболевания [Barth J. et al., 2010; Santini Z.I. et al., 2020; Shankar A. et al., 2017]. При этом в разнообразии концепций и представлений об одиночестве можно выделить и структурные компоненты данного конструкта, как то: поведенческий и эмоциональный [Григорьева И.А., Петухова И.С., 2018]. Именно одиночество можно анализировать и понимать как собственный опыт переживания подобного состояния, и важными здесь оказываются смыслы, которые пожилые люди вкладывают в подобный опыт [Троцук И.В., 2014].

Ситуация пандемии COVID-19 усилила чувство изоляции у пожилых людей. В особенности это связано с тем, что прежние повседневные возможности не быть изолированными теряются и пожилой человек оказывается замкнутым и закрытым в определенной экологии места, он ограничен этой экологией, что сказывается на субъективном понимании и переживании одинокого состояния пожилыми людьми [Chen L.K., 2020].

Таким образом, ранее связанные слабо одиночество и социальная изоляция становятся более связанными через самоизоляцию, которая создает пандемия COVID-19, а тела пожилых людей становятся более зависимыми и встроенными в конкретный контекст жизни в сельской местности. При этом страхи за состояние здоровья еще более возрастают в зависимости от ухудшения или усиления эпидемиологической ситуации, что также влияет на понимание своих тел как замкнутых и закрытых в пространстве отдельной деревни или поселка. По-

добные проблемы и возникающие страхи, которые коррелируют с самоизоляцией пожилых людей, живущих в сельской местности, рассматриваются в этой статье сквозь призму смыслов, через которые пожилые люди описывают свою повседневную жизнь с наступлением пандемии COVID-19 и самоизоляции. Важно понять, как различные страхи, связанные с самоизоляцией, делают тела пожилых людей замкнутыми и зависимыми.

Особенностью настоящего исследования является то, что в отличие от геронтологических работ, анализирующих особенности одиночества пожилых людей в период пандемии в крупном городе или в специальных пансионатах для пожилых людей, здесь исследуются индивидуальные особенности, индивидуальный взгляд на проблемы одиночества и особые проявления перевоплощения телесного (*embodiment*) у пожилых людей [Berg-Weger M., Morley J.E., 2020; Van Tilburg T.G. et al., 2021; Krendl A.C., Perry B.L., 2021].

При этом в России как на уровне законодательства, так и на локальном уровне обеспечения заботы на местах приоритет отдается семейной заботе о пожилых людях. Именно семья в данном случае становится основным провайдером заботы и помощи для пожилых людей, в том числе с различными хроническими заболеваниями и ограничениями, связанными с мобильностью и передвижением [Албегова И.Ф., Попова А.В., 2009].

Эмпирическая база и методология

Исследование проводилось в двух деревнях на юге Карелии, в которых на данный момент проживает 20 человек. Всего в исследовании приняли участие 20 информантов ($n = 20$), с которыми были проведены глубинные интервью. Из-за пандемии дачники и родственники пожилых людей не могли приехать в эти деревни и пожилые люди оказывались изолированными в пространстве. Все информанты — пожилые люди с различными хроническими заболеваниями, которые получают регулярное лечение и наблюдаются у врача в местной амбулатории в большом поселке, находящемся на удалении семи километров от деревень, где проводилось исследование, а также в больницах в ближайшем городе и Петрозаводске — крупном городе регионального значения, столице Республики

Карелия. Ввиду серьезной эпидемиологической обстановки в Республике Карелия все наблюдения и интервью-беседы с информантами проводились по телефону. Пожилые люди заполняли также дневник наблюдений, ощущений и изменений жизни с наступлением пандемии с апреля по июль 2020 г. Эти дневники позже были отправлены по электронной почте исследователю (все информанты имели персональные компьютеры). Все пожилые люди проживали отдельно, и до наступления пандемии одиночество понималось информантами как состояние, отчасти связанное с отсутствием родственников, которые проживают недалеко, а отчасти с психологическим состоянием, особенностью которого служит восприятие пожилыми людьми окружающей среды и отдельного проживания в сельской местности.

Изменения повседневности

С началом пандемии COVID-19 жизнь моих информантов резко, диаметрально изменилась. Самое главное изменение, которое пришло с наступлением изоляции, — это ощущение увеличивающейся физической и социальной дистанции. Причем это ощущение стало для информантов телесным: они чувствовали все проблемы, связанные с разлукой, на себе, ощущали свою ненужность: «Я раньше никогда здесь, в автолавке (которая приезжает каждый день в поселок. — *К.Г.*), продукты не брала, а теперь вот приходится здесь брать продукты, да и в город уже не съездишь, не развеешься. И сидишь здесь просто у себя дома, и вся надежда на себя только, и если вдруг что, то уже можно соседей попросить» (ж., 78, Карелия). Как отмечали информанты, отсутствие поездок в город создает у них ощущение изоляции и оторванности от жизни. Информанты подчеркивали, что подобные ощущения связаны у них с «сидением взаперти»: «Эта пандемия у меня практически все забрала: возможность общаться или возможность к подруге в город поехать. Она закрыла меня здесь взаперти, и теперь уже мы здесь все с соседями словно в добровольной тюрьме» (ж., 81, Карелия).

Наиболее сложным в жизни информантов становится переживание телесной замкнутости и закрытости, ограниченности. Информанты отмечали, что они стали ощущать свою ненужность и свое «настоящее одиночество» именно

с наступлением вынужденной самоизоляции, как говорили сами информанты. Это состояние, когда, по их мнению, тело тебе как бы не принадлежит. С другой стороны, информанты боятся за свое здоровье, т.е. ситуация нездоровья и ее особенности наряду с конкретными проблемами, включившимися в эти ощущения, создают сложности в том, что тело становится незаметным и невидимым для глаз врачей, а безопасное или относительно чистое от вирусов пространство села — небезопасным для больного тела. И именно прежние болезни, и боязнь не получить вовремя необходимое лекарство или необходимое лечение становятся основными проблемными моментами в контексте вынужденной самоизоляции и одиночества, которое усиливает самоизоляция.

Коронавирус и необходимость самоизоляции нарушили прежние планы пожилых людей, одиночество у них тесно связано с закрытостью, замкнутостью, сидением на одном месте: «Для меня сидеть здесь, как смертная казнь. Летом еще ничего: огород есть, там можно что-нибудь посадить и ухаживать можно за огородом, но осенью, особенно в октябре, когда в четыре часа, а то и три, уже темно, это бывает смерти подобно. Поэтому и не люблю я это время, вот и хочу обычно в это время куда-нибудь уехать, чтобы не сидеть здесь постоянно, иначе от скуки можно умереть» (ж., 69, Карелия).

С того момента, как была объявлена самоизоляция и пожилым людям пришлось жить в селе, информанты сразу проникаются чувством одиночества. Ранее пожилые люди не испытывали подобного чувства и, наоборот, видели преимущества в проживании отдельно от детей. Но с наступлением самоизоляции они стали отмечать в интервью и в дневнике что с каждым днем им все сложнее, труднее становится находиться здесь, когда пространства сел становятся закрытыми: «Я по-другому это и назвать не могу. Теперь я здесь постоянно одна и, по сути, заперта и закрыта в четырех стенах, не вырваться, не сходить никуда. Везде полная изоляция, которая становится еще хуже. А если принять во внимание, что неизвестно, когда все это отменят, то здесь мне вообще нечего сказать по сути, только что вой волком, и ничего не поделаешь» (ж., 73, Карелия). Таким образом, для пожилых людей чувство изолирован-

ности постепенно перерастает в ощущение страха за то, что здесь, в сельской местности, практически нечего делать: «Думаю — я не знаю, конечно, как у других людей, — что такие проблемы и у стариков в городе могут возникнуть. Но если еще посидишь здесь пару месяцев, то и совсем мозги могут атрофироваться, превратишься постепенно в такое неведомое, непонятное существо, если вот так и будешь здесь пребывать. И поэтому я не знаю, сколько еще смогу это выдерживать» (ж., 80, Карелия).

Чувство изолированности и замкнутости, таким образом, перерастает в повседневности пожилых людей в ощущение ненужности и невозможности контролировать себя и свое время: «То, что сейчас придумано (самоизоляция. — К.Г.), — это, по сути, ограничения людей. Я уж не берусь рассказывать, сколько роликов мне в “Ватсапе” присылают о том, что это все придумано и этого нет на самом деле. Это отдельная история. Но вот это вот сидение можно просто назвать, не знаю, деградацией полной, наверное» (ж., 67, Карелия).

Таким образом, пожилые люди начинают телесно ощущать одиночество: тело становится ненужным, и у информантов отсутствует возможность распоряжаться своим телом, контролировать его, и, следовательно, самоизоляция влияет на ощущение и чувство телесного одиночества через ненужность и незаметность.

Страхи, вызванные пандемией COVID-19 в жизни пожилых людей

Таким образом, самоизоляция и ее связь с ощущением одиночества, которые до прихода пандемии пожилые люди не испытывали, — это в первую очередь страх одиночества, который может вызывать депрессивные состояния и, как следствие, влияет на здоровье и самочувствие информантов. При этом информанты не видят перспектив такой жизни и возможности продолжать подобную жизнь в принципе. Тело пожилых людей в данном случае оказывается физически и морально одиноким и изолированным от привычной жизни. И в результате помимо возникновения различных страхов, например, страха перед необходимостью терпеть сильную боль, для пожилых людей важными оказываются переживания, связанные с тем, что они не могут вернуться к своей прежней жизни, а значит, им так и придется жить в

селе, быть изолированными и, как отмечали информанты в интервью, «медленно ожидать своего часа».

Дистанцированность и страх заразиться от соседей стали почти основными спутниками жизни пожилых людей в сельской местности. Другой немаловажной проблемой для них во время пандемии выступают сложности с поездками. Так, из-за пандемии они не могут никуда выехать, или выйти, или поехать, например, в магазин за продуктами. Информанты отмечают, что раньше они могли два или три дня, не больше, находиться в селе, и затем им хотелось поехать куда-нибудь. Теперь же возникает вопрос о том, как возможно, да и возможно ли вообще, осуществить подобную поездку: «Все, теперь это точно тюрьма и добровольная изоляция, и по-другому и не скажешь, именно так и никак иначе» (м., 84, Карелия).

С другой стороны, ощущение изоляции физической и, как следствие, одиночества, которое характерно для подобной ситуации, отягощается страхом оторванности от цивилизации и страхом неполучения необходимой помощи, например, скорой: «Раньше я и так боялась, что “скорая” может вовремя не приехать и не доехать, но теперь еще больше боюсь. У нас здесь (в Карелии. — К. Г.) и так “скорых” немного, так теперь они по вызовам с вирусами разъезжают, а это значит, что дождаться вовремя машину вообще практически невозможно. Так вот и сиди здесь кукуй, пока сама не помрешь» (ж., 86, Карелия). Так пожилые люди описывают предполагаемую ситуацию и возможные проблемы с вызовом «скорой помощи». С другой стороны, опасения информантов связаны с тем, что село, как определяют его сами пожилые люди, становится пространством вирусов, в городской аптеке невозможно стало покупать лекарства, и, следовательно, возникают трудности с приобретением лекарств как таковых. «Приходится соседа Мишку, вот там, в крайнем доме он живет, просить купить лекарства и привезти. Такая вот получается жизнь» (ж., 74 Карелия) — так информантка описывает боязнь не приобрести вовремя нужные лекарства. С другой стороны, именно из-за этого страха пожилым людям в период пандемии приходится покупать более дешевые лекарства, заменять дорогие лекарства дешевыми аналогами.

Немаловажным страхом, который наступил для пожилых людей с приходом пандемии, выступает и страх, связанный с невозможностью получить медицинскую помощь. Если обращаться за медицинской помощью, как отмечают информанты, то вполне можно заразиться: «Вот две недели назад стругал и руку занозил, потом заноза эта нарвалась, и теперь вот на следующей неделе нужно точно ехать к врачам, и никуда не денешься. Скорее всего, резать будут. Но кто же знает, какая там может быть зараза, в поликлинике, и что вообще там можно подцепить? Поэтому так вот сижу и терплю до последнего» (м., 87, Карелия). В интервью пожилые люди рассказывали, что не намерены обращаться к врачам и готовы обратиться за медицинской помощью только в случае крайней необходимости, как, например, в случае серьезных проблем со здоровьем и обострений хронических заболеваний. Коронавирус изменил жизнь пожилых людей и, как отмечают они сами, сделал ее замкнутой и изолированной, а также создал множество различных страхов и способствовал восприятию своего тела как изолированного и проблем со здоровьем также как изолированных, которые невозможно разрешить быстро с учетом ограниченной изоляцией инфраструктуры села.

Для информантов эти ощущения связаны с проблемой изолированности своего тела в замкнутом пространстве: с одной стороны, с проблемами в пространстве поселка (моральное ощущение замкнутости и ненужности, невозможности распоряжаться своим временем), а с другой стороны, с проблемами, сопряженными с вызовом «скорой помощи» или получением качественной медицинской помощи и лекарств, т.е. с телесным ощущением ненужности и физических страхов за свое здоровье, обусловленных проживанием в удаленном от медицинских учреждений пространстве.

Заключение

Описывая жизнь пожилых людей в сельской местности в период пандемии COVID-19, следует выделить один общий сюжет, связанный с коронавирусом, — это страхи. Причем страхи, связанные с эпидемией, можно представить и изобразить как некий континуум, на одном конце которого расположены страхи, обусловленные опасением изоляции и психологических

проблем, которые может доставить изоляция, а на другом конце — страхи, которые связаны с проблемой заражения и с опасением возможного заражения. При этом, с одной стороны, страх коррелирует с опасением изоляции, и это целая группа психологических страхов, которые влияют на ощущение ненужности, изолированности и замкнутости в одном месте, в одном пространстве (самое главное из ощущений), которое до пандемии информанты описывали как недружелюбное и не располагающие к долгому нахождению в одном месте. В контексте подобных страхов тело ощущается как ненужное, как брошенное, и информанты не понимают, зачем необходимо следить за собой, например, делать необходимые процедуры, если все равно не для кого. И в любой момент может произойти ситуация, что «скорая помощь» просто не сможет доехать.

Другая сторона континуума страхов связана с опасениями заразиться, и в этом случае сельская изолированность становится убежищем, но убежищем, которое при этом влияет на психологическое состояние и самочувствие. Для всех пожилых людей, наших информантов, характерным сюжетом выступает поиск замены прежнего социального общения. И такой заменой могут быть как соседи, так и общение онлайн (в том числе возрождение подобного способа) в Сети с друзьями, прежними друзьями и родственниками. Однако часто подобное общение отмечалось как незначительное и не способное заменить общение «вживую». С другой стороны, ситуация изолированности способствует развитию недоверия к врачам и медицине. Это связано, во-первых, с возможностью заражения именно через медицину во всех трех случаях, а во-вторых, подобное недоверие формируется в рамках того, что «скорая помощь» может просто не приехать вовремя и специалисты не окажут подобную помощь (а это усиливается с учетом понимания заболеваний информантами и наличия проблем со здоровьем в их жизни). То есть в данной ситуации появляется другое понимание изолированности и вызываемого изолированностью чувства одиночества, а именно — сложностей, связанных с тем, что нездоровое тело становится невидимым и не заметным для врачей: оно становится замкнутым. И только сам пожилой человек, покупая необходимые лекарства, может распоря-

жаться своим телом и способствовать поддержанию своего состояния, которое может неожиданно ухудшиться, и тогда ощущение одиночества и отсутствия медицинской помощи, а также страх заразиться усиливаются еще больше. Таким образом, изоляция и одиночество пожилых людей становятся взаимосвязанными: и тело, и понимание особенностей изолированного тела отражаются на понимании одиночества и замкнутости, а также на ощущении ненужности и незаметности (которые характерны для пожилых людей, проживающих в сельской местности). Это усиливает как моральное, так и физическое одиночество, создавая различные страхи и боязнь за самочувствие, за свое нездоровое тело. Данный вывод хорошо иллюстрирует связь телесных перевоплощений с сознанием и психологическими процессами, изменениями и трансформациями, которые заданы пандемией и оказывают влияние на изменения сознания.

Проблема изоляции и перевоплощения тела (embodiment) в больное, уязвимое тело, часто лишенное агентности и мобильности с наступлением пандемии, становится характерной не только для сельских районов, где изоляция может быть еще более выраженной и проблемной, но и для городов, где из-за изоляции также изменяются прежние режимы тел, т.е. тела становятся зажатými и вписанными в контекст пандемии и в особенности новых телесных практик и режимов. Таким образом, можно говорить, что ситуация пандемии COVID-19 усугубила структурные элементы социальной географии и создала множественные сложности для пожилых людей в разных регионах мира. Поскольку данные качественного исследования невозможно экстраполировать на все население, следует предположить, что наблюдаемые в исследовании проблемы могут оказаться актуальными и для всей остальной части пожилого населения, и это важно для развития темы и дальнейших исследований с использованием как количественной, так и качественной методологии.

Коронавирус и возникающая проблема изолированности для пожилых людей в сельской местности — это проблема, которая связана прежде всего с психологическими переживаниями одиночества и ощущением одиночества и замкнутости, изолированности в одном месте без возможности ездить куда-либо и общаться с

кем-либо. И именно проблему изолированности можно на основании исследования повседневности пожилых людей в период пандемии COVID-19 назвать основной проблемой, которая изменяет привычные психологические состояния и способствует появлению различных страхов, связанных с пространственной замкнутостью на относительно небольшом и изолированном пространстве села, где изолированность усиливается и опасениями по поводу невозможности вовремя получить необходимую медицинскую помощь.

Список литературы

- Албегова И.Ф., Попова А.В.* Государственная система стационарных учреждений социального обслуживания, защиты и поддержки населения как фактор социальной адаптации пожилых людей в изменяющейся России. Ярославль, 2009. 496 с.
- Григорьева И.А., Петухова И.С.* Сокращение социального исключения лиц пожилого возраста // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 2. С. 232–237. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.9>
- Елютина М.Э., Трофимова О.А.* Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 1. С. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.1.3>
- Троцук И.В.* Как стать счастливым: новые смыслы одиночества в современном мире // Социология власти. 2014. № 3. С. 233–247.
- Armitage R., Nellums L.B.* COVID-19 and the consequences of isolating the older // The Lancet Public Health. 2020. Vol. 5, iss. 5. P. 256. DOI: [https://doi.org/10.1016/s2468-2667\(20\)30061-x](https://doi.org/10.1016/s2468-2667(20)30061-x)
- Barth J., Schneider S., Von Känel R.* Lack of social support in the etiology and the prognosis of coronary heart disease: a systematic review and meta-analysis // Psychosomatic Medicine. 2010. Vol. 72, iss. 3. P. 229–238. DOI: <https://doi.org/10.1097/psy.0b013e3181d01611>
- Behnke E.A.* Body // Contributions to Phenomenology. Vol. 18: Encyclopedia of Phenomenology / ed. by L. Embree. Boston, MA: Kluwer Academic Publishers, 1997. P. 66–71.
- Berg-Weger M., Morley J.E.* Loneliness and social isolation in older adults during the Covid-19 pandemic: Implications for gerontological social work // The Journal of Nutrition, Health & Aging. 2020. Vol. 24, iss. 5. P. 456–458. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12603-020-1366-8>
- Chen L.K.* Older adults and COVID-19 pandemic: Resilience matters // Archives of Gerontology and Geriatrics. 2020. Vol. 89. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167494320301187?via%3Dihub> (accessed: 18.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.archger.2020.104124>
- Csordas T.J.* Embodiment and cultural phenomenology // Perspectives on Embodiment: The Intersections of Nature and Culture / ed. by G. Weiss, H.F. Haber. N.Y.: Routledge, 1999. P. 143–162.
- Csordas T.J.* Embodiment as a Paradigm for Anthropology // Body/Meaning/Healing. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. P. 58–87. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-137-08286-2_3
- Krendl A.C., Perry B.L.* The impact of sheltering in place during the COVID-19 pandemic on older adults' social and mental well-being // The Journals of Gerontology: Series B. 2021. Vol. 76, iss. 2. P. 53–58. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa110>
- Matias T., Dominski F.H., Marks D.F.* Human needs in COVID-19 isolation // Journal of Health Psychology. 2020. Vol. 25, iss. 7. P. 871–882. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105320925149>
- Santini Z.I., Jose P.E., Cornwell E.Y., Koyanagi A. et al.* Social disconnectedness, perceived isolation, and symptoms of depression and anxiety among older Americans (NSHAP): a longitudinal mediation analysis // The Lancet Public Health. 2020. Vol. 5, iss. 1. P. 62–70. DOI: [https://doi.org/10.1016/s2468-2667\(19\)30230-0](https://doi.org/10.1016/s2468-2667(19)30230-0)
- Shankar A., McMunn A., Demakakos P., Hamer M., Steptoe A.* Social isolation and loneliness: Prospective associations with functional status in older adults // Health Psychology. 2017. Vol. 36, iss. 2. P. 179–187. DOI: <https://doi.org/10.1037/hea0000437>
- Steptoe A., Shankar A., Demakakos P., Wardle J.* Social isolation, loneliness, and all-cause mortality in older men and women // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. Vol. 110, iss. 15. P. 5797–5801. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1219686110>
- Tanskanen J., Anttila T.* A prospective study of social isolation, loneliness, and mortality in Finland // American Journal of Public Health. 2016. Vol. 106, iss. 11. P. 2042–2048. DOI: <https://doi.org/10.2105/ajph.2016.303431>
- Valtorta N., Hanratty B.* Loneliness, isolation and the health of older adults: do we need a new research agenda? // Journal of the Royal Society of Medicine. 2012. Vol. 105, iss. 12. P. 518–522. DOI: <https://doi.org/10.1258/jrsm.2012.120128>

Van Tilburg T.G., Steinmetz S., Stolte E., Van der Roest H., Vries D.H. de. Loneliness and mental health during the COVID-19 pandemic: A study among Dutch older adults // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2021. Vol. 76, iss. 7. P. 249–255. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa111>
 Victor C., Scambler S., Bond J., Bowling A. Being alone in later life: loneliness, social isolation and living alone // *Reviews in Clinical Gerontology*. 2000. Vol. 10, iss. 4. P. 407–417. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0959259800104101>

Получена: 27.12.2021. Доработана после рецензирования: 02.05.2022. Принята к публикации: 10.05.2022

References

- Albegova, I.F. and Popova, A.V. (2009). *Gosudarstvennaya sistema stacionarnykh uchrezhdeniy sotsial'nogo obsluzhivaniya, zaschity i podderzhki naseleniya kak faktor sotsial'noy adaptatsii pozhilykh lyudey v izmenyayusheysya Rossii* [The state system of stationary institutions of social service, protection and support of the population as a factor of social adaptation of older people in changing Russia]. Yaroslavl, 496 p.
- Armitage, R. and Nellums, L.B. (2020). COVID-19 and the consequences of isolating the older. *The Lancet Public Health*. Vol. 5, iss. 5, p. 256. DOI: [https://doi.org/10.1016/s2468-2667\(20\)30061-x](https://doi.org/10.1016/s2468-2667(20)30061-x)
- Barth, J., Schneider, S. and Von Känel, R. (2010). Lack of social support in the etiology and the prognosis of coronary heart disease: a systematic review and meta-analysis. *Psychosomatic Medicine*. Vol. 72, iss. 3, pp. 229–238. DOI: <https://doi.org/10.1097/psy.0b013e3181d01611>
- Behnke, E.A. (1997). *Body*. L. Embree (ed.) *Contributions to phenomenology. Vol. 18: Encyclopedia of Phenomenology*. Boston, MA: Kluwer Academic Publishers, pp. 66–71.
- Berg-Weger, M. and Morley, J.E. (2020). Loneliness and social isolation in older adults during the covid-19 pandemic: implications for gerontological social work. *The Journal of Nutrition, Health & Aging*. Vol. 24, iss. 5, pp. 456–458. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12603-020-1366-8>
- Chen, L.K. (2020). Older adults and COVID-19 pandemic: resilience matters. *Archives of Gerontology and Geriatrics*. Vol. 89. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167494320301187?via%3Dihub> (accessed 18.01.2022). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.archger.2020.104124>
- Csordas, T.J. (1999). Embodiment and cultural phenomenology. G. Weiss, H.F. Haber (eds.) *Perspectives on embodiment: The intersections of nature and culture*. New York: Routledge Publ., pp. 143–162.
- Csordas, T.J. (2002). Embodiment as a paradigm for anthropology. *Body/Meaning/Healing*. New York: Palgrave Macmillan Publ., pp. 58–87. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-137-08286-2_3
- Elyutina, M.E. and Trofimova, O.A. (2017). [Lone living and experiencing loneliness in late life]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 15, no. 1, pp. 37–50. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.1.3>
- Grigor'eva, I.A. and Petukhova, I.S. (2018). [Reducing old-age social exclusion]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 21, no. 2, pp. 232–237. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.9>
- Krendl, A.C. and Perry, B.L. (2021). The impact of sheltering in place during the COVID-19 pandemic on older adults' social and mental well-being. *The Journals of Gerontology*. Vol. 76, iss. 2, pp. 53–58. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa110>
- Matias, T., Dominski, F.H. and Marks, D.F. (2020). Human needs in COVID-19 isolation. *Journal of Health Psychology*. Vol. 25, iss. 7, pp. 871–882. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105320925149>
- Santini, Z.I., Jose, P.E., Cornwell, E.Y., Koyanagi, A. et al. (2020). Social disconnectedness, perceived isolation, and symptoms of depression and anxiety among older Americans (NSHAP): a longitudinal mediation analysis. *The Lancet Public Health*. Vol. 5, iss. 1, pp. 62–70. DOI: [https://doi.org/10.1016/s2468-2667\(19\)30230-0](https://doi.org/10.1016/s2468-2667(19)30230-0)
- Shankar, A., McMunn, A., Demakakos, P., Hamer, M. and Steptoe, A. (2017). Social isolation and loneliness: prospective associations with functional status in older adults. *Health Psychology*. Vol. 36, iss. 2, pp. 179–187. DOI: <https://doi.org/10.1037/hea0000437>
- Steptoe, A., Shankar, A., Demakakos, P. and Wardle, J. (2013). Social isolation, loneliness, and all-cause mortality in older men and women. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 110, iss. 15, pp. 5797–5801. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1219686110>
- Tanskanen, J. and Anttila, T. (2016). A prospective study of social isolation, loneliness, and mortality in Finland. *American Journal of Public Health*. Vol. 106, iss. 11, pp. 2042–2048. DOI: <https://doi.org/10.2105/ajph.2016.303431>

Trotsuk, I.V. (2014). [How to become happy: new meanings of loneliness in the modern world]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3, pp. 233–247.

Valtorta, N. and Hanratty, B. (2012). Loneliness, isolation and the health of older adults: do we need a new research agenda? *Journal of the Royal Society of Medicine*. Vol. 105, iss. 12, pp. 518–522. DOI: <https://doi.org/10.1258/jrsm.2012.120128>

Van Tilburg, T.G., Steinmetz, S., Stolte, E., van der Roest, H. and de Vries, D.H. (2021). Loneliness and mental health during the COVID-19 pan-

demic: a study among Dutch older adults. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 76, pp. 249–255. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa111>

Victor, C., Scambler, S., Bond, J. and Bowling, A. (2000). Being alone in later life: loneliness, social isolation and living alone. *Reviews in Clinical Gerontology*. Vol. 10, iss. 4, pp. 407–417. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0959259800104101>

Received: 27.12.2021. Revised: 02.05.2022. Accepted: 10.05.2022

Об авторе

Галкин Константин Александрович

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник

Социологический институт РАН
Федерального научно-исследовательского
социологического центра
Российской академии наук,
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармей-
ская, 25/14;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>
ResearcherID: A-8784-2016

About the author

Konstantin A. Galkin

Candidate of Sociology, Senior Researcher

Sociological Institute of the RAS, Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy
of Sciences,
25/14, 7th Krasnoarmeyskaya st., Saint Petersburg,
190005, Russia;
e-mail: kgalkin1989@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6403-6083>
ResearcherID: A-8784-2016

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Галкин К.А. Особенности повседневности пожилых людей в селах Карелии во время коронавирусных ограничений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 329–338. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-329-338](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-329-338)

For citation:

Galkin K.A. [Features of everyday life of older people in Karelian villages during the coronavirus restrictions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 329–338 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-2-329-338](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-2-329-338)

УДК 316.6:796.07

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-339-349

ГАБИТУС СПОРТСМЕНА: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ П. БУРДЬЕ

Ермилова Анна Вячеславовна

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)*

Осуществляется социологическая интерпретация понятия «габитус спортсмена» через призму теории П. Бурдьё с опорой на данные социологического исследования. Для описания габитуса спортсменов используются данные следующих социологических исследований: во-первых, интервьюирования спортсменов, обучающихся на факультете физической культуры и спорта ННГУ им. Н.И. Лобачевского ($n = 74$ чел., представляющие индивидуальные и командные виды спорта в процентном соотношении 50/50); во-вторых, вторичного анализа интервью матерей спортсменов высших достижений ($n = 3$ чел.); в-третьих, включенного наблюдения, осуществленного в ходе тренировочно-спортивного процесса с представителями следующих видов спорта: волейбол, баскетбол, хоккей, легкая атлетика, единоборства. Для анализа полученных данных в ходе интервьюирования студентов-спортсменов использован подход обоснованной теории, предложенный А. Страуссе и Д. Корбин, в ходе которого был применен метод «life histories» — анализ жизни спортсменов со слов их матерей, а также conversational analysis — анализ диалогов интервьюера и спортсменов. В ходе анализа данных (процедуры кодирования) были выявлены и описаны понятия: «траектории и этапы формирования спортивного габитуса», «социальные практики габитуса спортсмена», между которыми была зафиксирована плотная связь. Достоверность полученных результатов находится в пределах допустимого уровня, так как субъективные взгляды информантов выражены в тех индикаторах, которые свойственны их деятельности, приобретены в процессе интеграции в спортивное поле на протяжении 10 и более лет. Результатом этого стал высокий спортивный статус (кандидат мастера спорта, мастер спорта), что и явилось обоснованием их отбора для интервьюирования. Были выявлены особенности формирования габитуса спортсменов, его траектории и этапы формирования. В зависимости от этапа формирования габитуса в спортивном поле агент наделяется переходными спортивными габитусами, которые, аккумулируясь, позволяют индивиду приобрести габитус состоявшегося спортсмена. Габитус спортсмена синтезирует разнообразие социальных опытов агентов различных социальных полей, тем самым наделяя себя самобытностью реализации практик, характерных только для социального пространства спорта. В целом габитус спортсмена можно определить как систему приобретенных предрасположенностей, которые навязаны структурой социального поля спорта.

Ключевые слова: социальное поле спорта, спортсмен, габитус, траектории формирования габитуса спортсмена, этапы формирования габитуса спортсмена.

THE HABITUS OF THE ATHLETE: A SOCIOLOGICAL INTERPRETATION THROUGH THE PRISM OF P. BOURDIEU'S THEORY

Anna V. Ermilova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)

The article provides a sociological interpretation of the concept of the «athlete's habitus» performed through the prism of P. Bourdieu's theory based on sociological research data. To describe the athletes' habitus, data of the following sociological studies were used: interviews with athletes studying at the Fac-

ulty of Physical Culture and Sports of Lobachevsky University (n = 74 persons representing individual and team sports in a 50/50 ratio); secondary analysis of interviews with mothers of high-performance athletes (n = 3 persons); participant observation carried out during the training and sports process with representatives of the following sports: volleyball, basketball, hockey, athletics, martial arts. The grounded theory approach, proposed by A. Strausset and D. Corbin, was used to analyze the data obtained during the interviews with student athletes, part of which were applied the method of «life histories» (analysis of the life of athletes from their mothers' words) and conversational analysis (analysis of the interviewer-athlete dialogues). During the data analysis (coding procedure) the following concepts were identified and described: trajectories and stages of the sports habitus formation, social practices of the athlete's habitus; a strong connection was noted between these concepts. Reliability of the obtained results is within the acceptable level as the subjective views of the informants are expressed in the indicators typical of their activity, acquired in the process of integration into the sports field over 10 years or more. This resulted in a high sports status (candidate master of sports, master of sports), which was the rationale for their selection for the interview. The paper reveals the peculiarities of the formation of the athletes' habitus, its trajectory, and formation stages. Depending on the stage of the habitus formation in the sports field, the agent is endowed with transitional sports habitus, which, accumulating, allow the individual to acquire the habitus of the established athlete. The athlete's habitus synthesizes the diversity of social experiences of agents of various social fields, thereby endowing itself with the identity of the realization of practices characteristic only of the social space of sport. In general, we can define the athlete's habitus as a system of acquired predispositions that are imposed by the structure of the social field of sport.

Keywords: social field of sport, athlete, habitus, trajectories of formation of the athlete's habitus, stages of formation of the athlete's habitus.

Введение

Неотделимой частью развития и функционирования современного социума является спорт как социокультурное и политическое явление, оказывающее влияние на все сферы его жизнедеятельности. Взаимодействуя с иными сферами человеческой деятельности, современный спорт является автономной, включая материально-техническое и финансовое, методическое и нормативное обеспечение, менеджмент, медицинское обслуживание, процессы отбора спортсменов, тренировки и подготовку их к соревнованиям. Спорт в той или иной степени оказывает воздействие на членов общества, их отношения, способствует удовлетворению потребностей, формируя тем самым образ жизни людей. Речь идет, например, о спортивных тенденциях в моде, о профилактике девиаций, нацеленности на здоровый образ жизни (ЗОЖ).

Спорт как вид профессиональной деятельности формировался на протяжении веков, что отразилось на интерпретации данного понятия. В «Большой олимпийской энциклопедии» спорт определяется как «составная часть физической культуры, соревнования по различным физическим упражнениям и их комплексам, а также система их организации и проведения» [Большая олимпийская энциклопедия, 2006,

с. 662]. В России понятие спорта закреплено в Федеральном законе «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», в соответствии с ним спорт представляет собой сферу социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившуюся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним [Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ]. Как правило, спорт делят на два ключевых направления: массовый спорт и спорт высших достижений. Исследовательское внимание направлено именно на представителей спорта высших достижений. Спорт высших достижений предполагает систематическую плановую многолетнюю подготовку и участие в соревнованиях в избранном виде спорта с целью достижения наилучших спортивных результатов [Попков В.И., Вдовкин И.И., 2020]. На подготовку спортсменов уходят годы изнурительных тренировок, соревнований, проходя через которые не каждый спортсмен добивается высоких результатов. В связи с этим актуализируется вопрос формирования личности спортсмена, на что в свое время обратил внимание олимпийский чемпион в прыжках с шестом С. Бубка: «Чемпионами не рождаются, ими становятся... благодаря работе и терпению» [Бубка..., 2015]. Следовательно, формирование личности спортсмена связано с процессами социализации,

мыслительными и поведенческими установками, с осуществляемыми практиками в спортивном пространстве, что, в свою очередь, связано с понятием «габитус».

Понятие «габитус» впервые ввел в научный оборот древнеримский врач, анатом К. Гален, под которым он понимал внешний вид человека (особенности телосложения, осанки, цвета кожи, выражения лица и др., на основе чего можно судить о состоянии здоровья человека, имеющемся у него заболевании или о предрасположении к каким-либо заболеваниям) [Габитус]. В дальнейшем данное понятие было использовано в работах М. Мосса, Н. Элиаса, П. Бурдьё. В научных трудах французского социолога, антрополога М. Мосса габитус применяется в связи с изучением техник тела представителей «туземцев» [Мосс М., 2001]. В работах немецкого социолога Н. Элиаса габитус служил для обозначения инкорпорированной (встроенной в тело) истории и социальности [Элиас Н., 2001]. Научные разработки в данном направлении вели и отечественные исследователи: А.В. Воронцов, выявляя обусловленность габитуса социальным окружением [Воронцов А.В., Громов А.И., 2010]; Е.В. Гредновская, полагающая, что габитус способен изменить социальную структуру в практиках агента [Гредневская Е.В., 2010]; М.В. Курникова, рассматривающая в зеркале социологической теории П. Бурдьё такое социальное явление, как физическая культура и спорт [Курникова М.В., 2021].

Концепция габитуса, разработанная П. Бурдьё в 60-е гг., до сих пор сохраняет актуальность и применяется к изучению различных социальных пространств и категорий населения [Розов Н.С., 2010]. По его мнению, габитусы — это «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанной направленности на нее и непрямого овладения необходимыми операциями по ее достижению» [Бурдьё П., 2001, с. 44]. Габитус тесно взаимодействует со средой и дает возможным агенту самоопределяться в социуме и адекватно реагировать на ситуации и события. Следовательно, сходные усло-

вия существования индивидов могут формировать типологические систематические габитусы членов группы: «...характерные структуры одного определенного класса условий существования, формируют структуры габитуса, которые, в свою очередь, лежат в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта» [Бурдьё П., 1998, с. 46]. Габитус как приобретенная система порождающих схем делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса, и только им [Бурдьё П., 2001, с. 45].

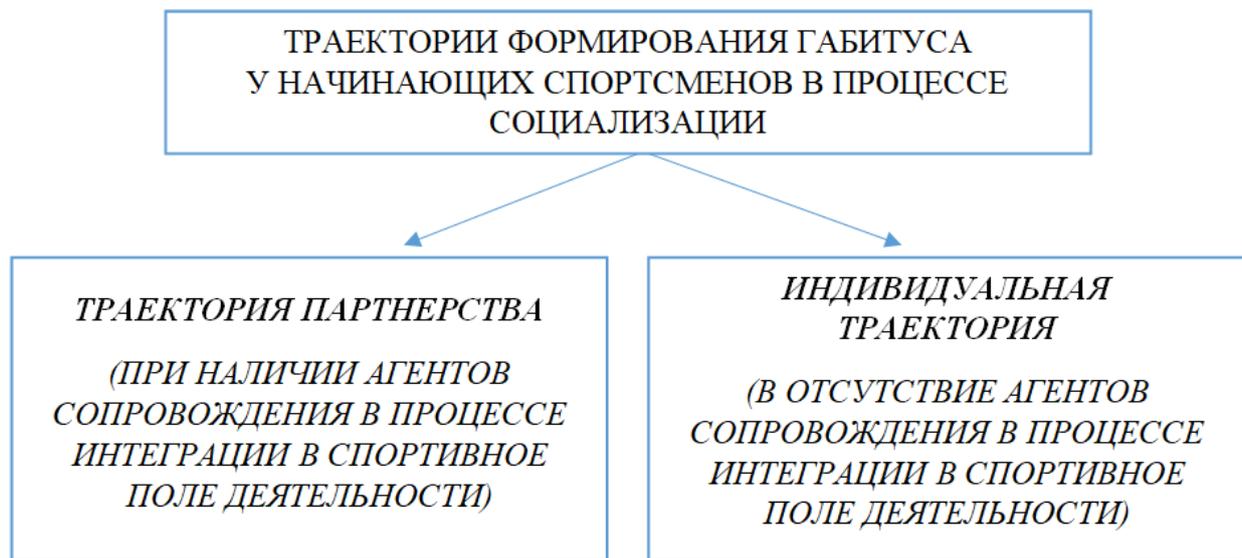
Основное содержание

С опорой на концепцию габитуса П. Бурдьё проанализируем габитус спортсменов. Предлагаем: во-первых, рассмотрение особенностей формирования спортивного габитуса в социальном поле спорта (траектории и этапы формирования габитуса спортсмена, виды спортивных габитусов в процессе построения спортивной карьеры), во-вторых, определение социально-спортивных практик, которые порождает габитус спортсмена. *Результатом наших изысканий, как и целью научной статьи, является описание габитуса спортсмена в социологической интерпретации через призму теории П. Бурдьё.* Для описания габитуса спортсменов используются данные следующих социологических исследований: во-первых, интервьюирования спортсменов, обучающихся на факультете физической культуры и спорта ННГУ им. Н.И. Лобачевского (n = 74 чел., представляющие индивидуальные и командные виды спорта в процентном соотношении 50/50); во-вторых, вторичного анализа интервью матерей спортсменов высших достижений (n = 3 чел.); в-третьих, включенного наблюдения, осуществленного в ходе тренировочно-спортивного процесса с представителями следующих видов спорта: волейбол, баскетбол, хоккей, легкая атлетика, единоборства. Для анализа полученных данных в ходе интервьюирования студентов спортсменов использован подход обоснованной теории, предложенный А. Страуссе и Д. Корбин [Страусс А., Корбин Дж., 2001], в процессе которого был применен метод «life histories» — анализ жизни спортсменов со слов их матерей, а также conversational analysis —

анализ диалогов интервьюера и спортсменов. В ходе анализа данных (процедуры кодирования) были выявлены и описаны понятия: «траектории и этапы формирования спортивного габитуса», «социальные практики габитуса спортсмена», между которыми была зафиксирована плотная связь. Это позволило определить сущность и специфику спортивного габитуса. Достоверность полученных результатов находится в пределах допустимого уровня, так как субъективные взгляды информантов выражены в тех индикаторах, которые свойственны их деятельности, приобретены в процессе интеграции в спортивное поле на протяжении 10 и более лет. Результатом этого стал высокий спортивный статус (кандидат мастера спорта, мастер спорта), что и явилось обоснованием их отбора для интервьюирования. Данный подход дал возможность осуществить концептуализацию понятия «габитус спортсмена» на базе научных разработок П. Бурдые.

Формирование личности, в том числе личности спортсмена, проходит через процесс социализации, результатом чего становится

«рождение» габитуса. П. Бурдые утверждал, что в ходе именно первичной социализации субъекты в большей степени постигают принципы реализации социальных действий, которые в процессе жизнедеятельности личности формируются в устойчивые установки — диспозиции. Однако традиционно агентами первичной социализации выступают, например, родители, прародители и иные близкие люди. В отношении представителей спорта мы не можем однозначно утверждать, что именно традиционные агенты первичной социализации доминируют в ходе становления спортсменов. Перед нами встает вопрос: «Всегда ли агенты первичной социализации (родителя, прародители, близкие люди) являются носителями устойчивых принципов в отношении социальных действий, которые они аккумулируют и передают более молодому поколению?» В данном случае следует указать на две возможные траектории формирования спортивного габитуса в ходе интеграции агентов в спортивную сферу деятельности (рисунок).

*Траектории формирования спортивного габитуса в процессе интеграции агентов в сферу спорта
Trajectories of formation of sports habitus in the process of integrating agents into the field of sports*

Формирование спортивного габитуса в процессе социализации может осуществляться с опорой на траекторию партнерства, т.е. активными субъектами становления спортсмена в одно и то же время становятся, например, ро-

дители/родственники-тренер-ребенок, друзья-тренер-ребенок, о чем свидетельствуют истории известных спортсменов (А. Агасси, А. Дейгл, Н. Кирьос, А. Курниковой). Первичные данные, полученные в ходе интервьюиро-

вания (n = 74 чел.), также актуализируют значимость партнерской траектории.

«Отец был тренером, поэтому с самого детства он приводил меня с собой в зал. Как только я стал достаточно взрослым для данного вида спорта, я начал заниматься фехтованием сначала с отцом, а потом у другого тренера, но под пристальным вниманием папы» (мужчина, 22 года)

«Мой отец мастер спорта по баскетболу. Я решил пойти по его стопам. Начал тренироваться в спортивной школе, а также набираться опыта у моего папы. Считаю, что мне повезло, так как и отец, и тренер многому меня научили» (мужчина, 24 года)

«Меня пригласили в секцию друзья, которые уже занимались фехтованием более 3 лет. Я решил тоже начать заниматься этим видом спорта. Друзья мне во многом помогли, с ними было легче адаптироваться в коллективе, я многому у них смог научиться» (мужчина, 19 лет)

«С самого детства старший брат ходил на площадку играть в футбол и брал меня с собой, научил меня элементарным действиям в футболе, а потом в 6 лет привел меня в секцию к своему тренеру в младшую группу» (мужчина, 21 год)

Следует заметить, что партнерская траектория начала спортивной карьеры, а именно включенность, например, родителей, других близких людей в жизнедеятельность начинающего спортсмена и тренеров, в меньшей степени распространена в исследуемой совокупности спортсменов (23 %). Однако она положительно сказывается на спортивных достижениях будущих чемпионов, на что указали все участники опроса, чье становление происходило в соответствии с данной траекторией.

Тем не менее социализация ребенка в самом раннем возрасте, а именно его интеграция в поле спорта, может начаться и без сопровождения его родственников/друзей, что характерно для индивидуальной траектории.

«Очень сильно полюбил этот вид спорта, и это была полностью моя воля выбрать именно бокс, так как данный вид спорта воспитывает в тебе силу воли, мужество, делает из тебя настоящего мужчину» (мужчина, 21 год)

«В дошкольном возрасте часто играл во дворах в футбол, а потом захотел заниматься

профессионально. Несмотря на то что именно родители записали меня в СШОР “Салют”, я лично сам принял решение заниматься им в детстве. На данный момент продолжаю играть, но уже в другой команде» (мужчина, 20 лет)

В ходе становления ребенка как спортсмена по индивидуальной траектории агентами первичной социализации являются не близкие/родственники, а представители только спортивного поля — преимущественно тренер, а также в дальнейшем ими могут стать коллеги по команде, психолог, врач и иные сопровождающие спортсмена агенты. Такая трансформация социализирующего агента связана с тем, что начинающий спортсмен значительное время, тренируясь и участвуя в соревнованиях, проводит в большей степени с агентами спортивной сферы деятельности. Однозначно можно утверждать, что первичная социализация представителей отдельных видов спорта в РФ, например, таких как спортивная/художественная гимнастика, обучающихся в спортивных классах, проживающих в спортивных интернатах, в большей мере связана не с семьей, а с агентами социального поля спорта. И то, что знакомство с данным видом спорта произошло с помощью посреднической функции родителей или других близких людей, в меньшей степени влияет на спортивные достижения их детей. Например, в Китае работают 300 государственных интернатов, в которых тренируются и учатся дети с 4–6 лет. Первичными агентами социализации, естественно, становятся тренеры и психологи, которые социализируют около полумиллиона будущих чемпионов [Михайлова А., 2018], тем самым оказывая воздействие на процесс формирования габитуса спортсмена. Следует заметить, что первичными агентами социализации могут стать и непосредственно сами члены команды в игровых видах спорта, локализованных в едином социальном пространстве (волейбольный центр Одинцово, волейбольная школа-интернат в г. Белгороде). При этом одна траектория формирования габитуса спортсмена может перетекать в иную, в частности, партнерская траектория переходит в однонаправленную в ходе построения спортивной карьеры. С социализирующим аспектом жизнедеятельности начинающего спортсмена следует связывать начало профессионального

возраста, под которым мы понимаем возраст (количество лет), детерминированный особенностями профессиональной деятельности. По мнению студентов факультета физической культуры и спорта ННГУ им. Н.И. Лобачевского, имеющих в своем спортивном арсенале победы на российских соревнованиях либо на мировой спортивной арене, началом отсчета профессионального возраста следует считать в большей степени этап спортивной специализации (59,6 %), для которого характерно начало занятий в группе специализации у профессионального тренера. Именно на этом этапе определяются перспективы в спорте, проверяются способности и устойчивость мотивации. Однако 40,4 % участников опроса убеждены в том, что приобретение профессионального возраста связано именно с этапом перехода к углубленной тренировке в избранном виде спорта, отличительной особенностью которого является установка работать «на результат». Именно на этапе входа в спорт, по их мнению, ребенок усваивает установки социального поля спорта, с чего в принципе и начинается формирование габитуса спортсмена.

Следовательно, габитус спортсменов есть следствие интериоризации объективных социальных отношений, сложившихся в социальном поле спорта, и в то же время субъективный источник действий различных агентов (спортивных функционеров, коллег по команде). Социальное поле спорта может структурировать специфический габитус агента (спортсмена) и даже группы, в соответствии с которым спортсмен будет осуществлять те или иные практики. Габитус в сфере спорта является своего рода механизмом, порождающим разные социальные практики, которые были выявлены в ходе включенного наблюдения:

– язык тела. П. Бурдые утверждал, что габитус манифестируется в теле человека, в том числе в телесности самого спортсмена. Диспозиции габитуса как бы вписаны в телесность агента и могут проявляться в его походке, движениях, манерах. Представителей различных видов спорта можно идентифицировать по анатомическому сложению, специфике двигательной активности (например, представители единоборств имеют анатомические особенности в отличие спортсменов, занимающихся баскетболом). Соответственно, специфическая двига-

тельная активность спортсмена приобретает социальное значение, так как оказывает влияние на восприятие окружающих его людей;

– особенности речи. Существующий габитус находит выражение не только в теле, но и в сознании агента-спортсмена, что воздействует на его вербальные возможности. В данном случае речь идет о наличии терминологии, характерной преимущественно только для определенного вида спорта (тактики нападения в волейболе: нападающий удар «Крест», «Обратный крест», «Возврат»; тактики нападения в баскетболе: «Треугольник», «Малая восьмерка»);

– предпочтения в удовлетворении первичных потребностей (на примере предпочтений в еде). Данный вид практики включает в себя разнообразие диет в зависимости от вида спорта. Диета представителя гимнастики не будет тождественна диете метателя ядра;

– эстетический вкус. Как правило, он не тождествен вкусу представителей иных сфер деятельности. В частности, предпочтения в одежде спортсменов в большей степени связаны со спортивной направленностью, несмотря на то, что агент может находиться вне спортивного пространства.

Итак, *габитус представителя спорта* — это результат усвоения объективных структур через уже существующие практики в социальном поле спорта + результат процесса экстериоризации, т.е. переход действия из внутреннего во внешний план. Для экстериоризации характерно возникновение новых практик в сфере спорта с опорой на ранее усвоенные практики, что ведет к трансформации социального поля спорта. Примером интериоризации и экстериоризации может являться трансформация правил такого вида спорта, как волейбол. С одной стороны, спортсмены усваивают традиционно сложившуюся схему игры через устоявшиеся практики. С другой — усвоенные практики объективной структуры способствуют возникновению новых практик, например, практическая роль либеро, которой до 1998 г. не было, что расширяет границы интеграции агентов с иными физическими данными (маленький рост) в данный вид спорта. Здесь следует учитывать, что габитусы игроков, выполняющих разные функциональные амплуа (нападающий либо защитник-либеро) будут не сходны, что следует учитывать тренерскому составу в ходе опреде-

ления позиции еще в детской команде. *В целом габитус спортсмена мы можем определить как систему приобретенных предрасположенностей, которые навязаны структурой социального поля спорта.*

Структура социального поля неоднородна, что в определенной степени связано с многообразием видов спортивной деятельности в исторической динамике развития социума. Каждый спортсмен в социальном поле спорта обладает, с одной стороны, *единичным габитусом* (индивидуальным), что подчеркивает его статус в данной структуре. Однако может ли *единичный габитус* агента трансформироваться в *коллективный габитус*? Ответ, по мнению П. Бурдые, вполне очевиден. Схожие габитусы с точки зрения процесса социализации и условий существования в социальном пространстве формируют целые классы габитусов, которые складываются на основе опыта агентов, что, по нашему мнению, можно обозначить как *коллективный габитус*. В результате мы можем предположить, что габитус представителей индивидуальных видов спорта, например, тяжелой атлетики будет не тождествен габитусу представителей командных видов спорта (футбол, хоккей, волейбол, баскетбол). Естественно, что индивидуальные виды спорта в большей степени способствуют формированию индивидуального спортивного габитуса, тогда как в командных видах спорта условием выживания и функционирования спортсмена в данной системе становится наличие «Мы-сознания», что является фундаментом формирования коллективного габитуса. Если же нашу гипотезу распространить на весь социум, очевидным становится следующее — габитус спортсменов, синтезирующий в себе разнообразие социальных опытов различных видов спорта, обладает самобытностью и отличается от габитусов иных профессий. Соответственно, независимо от направленности спорта (коллективный/индивидуальный) мы можем утверждать, что спортсмен одновременно может обладать и индивидуальным габитусом, и коллективным в зависимости от локализации в социальном пространстве.

Процесс окончательного формирования габитуса спортсмена состоит из нескольких этапов, которые связаны между собой и в соответствии с которыми агент наделяется переходными габитусами (виды спортивных габитусов):

1^й этап: формирование первичного габитуса начинающего спортсмена, связанный с входом агента в социальное поле спорта, где ребенок апробирует свои возможности. На данном этапе вероятны перемещения агента из одного вида спорта в другой, более подходящий для его становления как спортсмена высших достижений. Процесс формирования первичного габитуса в той или иной степени связан с особенностями взаимодействия в семье, которое определенным образом способствует восприятию и усвоению спортивных установок в поле спорта, а в дальнейшем — и практик. Условно мы можем назвать такой *габитус первично-семейный*. Огромную роль в становлении будущего спортсмена и формировании спортивного габитуса играют родители будущих чемпионов, о чем свидетельствуют интервью матерей олимпийцев:

«И. Ищенко, спортивный врач — мама Натальи Ищенко, олимпийской чемпионки 2008 г., 16-кратной чемпионки мира и 7-кратной чемпионки Европы по синхронному плаванию: *“Когда Наташе исполнилось шесть лет, я решила, что ребенок должен заниматься спортом, так как спорт укрепляет здоровье, делает его более организованным и целеустремленным”*;

В. Лобинцева — мама олимпийского чемпиона Никиты Лобинцева, члена национальной сборной России с 2005 г. по плаванию, серебряного призера Олимпийских игр 2008 г. в Пекине: *“Никита с детства занимался спортом. Отец учил его основам — подтягиваться на турнике, приучал к физическим упражнениям, занимался с сыном растяжкой”*;

Г. Мальчугина — мама Юлии Чермошанской, олимпийской чемпионки 2008 г. в эстафете 4x100 м, чемпионки Европы и России среди юниоров и молодежи: *“Я и мой муж — профессиональные спортсмены, поэтому Юля с самого детства часто присутствовала на наших тренировках, сборах и даже на соревнованиях”*» [Как воспитать чемпиона..., 2012].

В данном случае, как уже было отмечено выше, партнерская траектория формирования спортивного габитуса способствовала достижению наивысшего результата.

2^й этап: формирование габитуса начинающего спортсмена, который тесно коррелирует со статусом обучающегося в школе. Характе-

ристикой данного этапа является закрепление начинающего спортсмена в определенном виде спорта и возрастающая роль тренера как агента социализации, помогающего усвоить диспозиции и воспроизвести спортивные практики, тогда как роль семьи в той или иной мере начинает уменьшаться. Чем дольше юный спортсмен интегрирован в спортивное пространство, тем ниже значимость первично-семейного габитуса. Именно габитус начинающего спортсмена выступает, во-первых, условием дальнейшей социализации агента на следующих этапах построения спортивной карьеры; во-вторых, началом отсчета профессионального возраста;

3^й этап: этап реализации себя в тренировочно-спортивном пространстве связан с формированием *габитуса действующего спортсмена*. На данном этапе спортивный агент является устойчивым элементом в тренировочно-спортивном пространстве, активно участвует в соревновательной деятельности, осваивая конкурентную среду, в результате чего происходит оценивание своих возможностей. Результативность на данном этапе формирования габитуса может быть нестабильной. По мнению 8 студентов, обучающихся на факультете физической культуры и спорта, принявших участие в интервьюировании (n = 74 чел.), отказ от построения дальнейшей спортивной карьеры был связан с низким уровнем результативности в соревновательной деятельности.

«Тренер стал уделять внимание спортсменам, которые показывали лучший результат, в результате чего я пережила кризис и приняла решение уйти из спорта» (девушка 20 лет — фехтование).

«Я проиграла важный бой и даже хотел уйти из спорта» (девушка 21 год — фехтование).

«2 сезона не мог завоевать 1^е место на чемпионате России, осознал отсутствие перспектив» (мужчина 35 лет — бодибилдинг).

«Была проиграна игра, и я не получил первый взрослый разряд, после чего не хотелось продолжать заниматься спортом» (мужчина 21 год — баскетбол).

4^й этап: габитус состоявшегося спортсмена, характерной чертой которого является результативность. На этом этапе спортсмен достигает наивысшего результата в ходе реализации своей спортивной карьеры. Тем не менее стоит об-

ратить внимание на то, что габитус состоявшегося спортсмена, как и габитусы начинающего и действующего, наделены такими практиками, которые способствуют высокому уровню травматизма, что говорит об их неустойчивости в спортивном пространстве. Устойчивость габитусов во многом зависит от системы реабилитации, помогающей вернуться в ряды действующих агентов.

5^й этап: габитус, завершившего карьеру спортсмена. Данный тип габитуса может развиваться в двух направлениях: во-первых, положительно направленный — плановое завершение спортивной карьеры; во-вторых, негативно направленный — экстренное завершение спортивной карьеры в связи с травматизмом, заболеванием, летальным исходом.

Итак, процесс формирования спортивного габитуса состоит из пяти этапов, каждый из которых определяется наличием специфических практик. Соответственно, габитус может изменяться, трансформироваться в ходе построения спортивной карьеры. Следовательно, габитус спортсмена в социальном поле спорта, структурируясь под его воздействием, наделяет данного агента переходными габитусами, в соответствии с которыми агент реализует практики. Результатом смены переходных габитусов в социальном поле спорта становится приобретение габитуса состоявшегося спортсмена.

Следует указать, что установки (диспозиции, по П. Бурдые), определяющие габитус спортсмена, могут оказывать влияние и на иные сферы общественной жизни, в частности, на образовательную, семейную, досуговую, обеспечивая тем самым целостность личности. Диспозиции габитуса спортсменов, особенно тех, кто добился наивысших результатов и имеющих большой стаж пребывания в социальном поле спорта, существуют более продолжительное время, порой на протяжении всей жизни, несмотря даже на то, что агент уже завершил спортивную карьеру. Данный социальный феномен, а именно жизнеспособность диспозиций габитуса, П. Бурдые называет гистерезисом, что означает отставание габитуса. В данном случае речь идет о том, что спортсмен может воспроизводить старые социальные отношения в новом социальном пространстве. Иначе говоря, он приобрел новую социальную позицию в новых социальных отношениях, в

которых он пользуется прежними диспозициями габитуса, характерными для «старого» поля деятельности. В качестве примера можно привести ситуацию перехода спортсмена из любительского спорта в профессиональный, из одной команды в другую, в результате чего наличие гистерезиса габитуса может привести к негативным последствиям в процессе адаптации спортсмена к новой социальной реальности. Воспроизводя старые социальные установки, которые могут быть уже не актуальны для иного спортивного поля, спортсмен может быть отвергнут, не воспринят членами новой социальной общности, что может привести к его вытеснению. Эффект гистерезиса габитуса может проявляться и в том, что многие спортсмены, вне зависимости от уровня своих достижений, помнят своего первого тренера, так как именно он в большей степени способствовал формированию диспозиций габитуса спортсмена, во-первых, социализируя личность в педагогической направленности (воспитание трудолюбия, смелости и решительности, самостоятельности и активности, стремления к конкурентной борьбе; психологическая подготовка поведения при неудачах, к испытанию славой; к преодолению трудностей, к неожиданностям [Мурюкина Е.В., 2019]); во-вторых, помогая усвоению спортивных практик (техническая, тактическая подготовка), демонстрируя их.

Заключение

Процесс формирования габитуса спортсмена — это сложный поэтапный процесс, предполагающий наделение агентов переходными спортивными габитусами: первично-семейный, начинающего спортсмена, действующего спортсмена, состоявшего спортсмена, завершившего спортивную карьеру, в соответствии с которыми агент реализует практики. Особую роль в становлении спортсмена играют первичные агенты социализации — семья и агенты сферы ФКС, значимость которых изменяется в зависимости от стажа пребывания в социальном поле спорта, что предполагает осуществление интеграции будущего чемпиона в сферу спорта по двум траекториям: «траектория партнерства» и «индивидуальная траектория». На формирование габитуса спортсмена могут оказывать влияние следующие факторы:

– разнообразие видов спорта;

– специфика входа и выхода из определенного вида спорта (возрастной аспект интеграции/деинтеграции);

– особенности развития видов спорта в границах определенной территории (в частности, наличие/отсутствие развитой спортивной инфраструктуры и финансового обеспечения);

– специфика траекторий социализации личности в социальном поле спорта;

– специфика этапности формирования габитусов в спортивном поле;

– состояние физического и психического здоровья личности;

– индивидуальные или коллективные способы осуществления спортивной деятельности.

Габитус спортсмена синтезирует в себе разнообразие социальных опытов агентов в ходе приобретения габитуса состоявшегося спортсмена, тем самым наделая себя самобытностью реализации практик, характерных только для социального поля спорта.

Список литературы

Большая олимпийская энциклопедия. Т. 2 (О–Я) / сост. В.Л. Штейнбах. М.: Олимпия, 2006. 968 с.

Бубка: Чемпионами не рождаются, ими становятся... Благодаря работе и терпению // Спорт Олимп. 2015. 27 мая. URL: http://sport-olymp.com/ru/interview/bubka_champions_are_not_born_they_are_thanks_to_the_work_and_patience_2705/ (дата обращения: 21.12.2021).

Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–59.

Воронцов А.В., Громов А.И. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдые // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 4. С. 82–102.

Габитус / Эффективная медицина. URL: <https://www.medeffect.ru/abc/g/gabitus.shtml> (дата обращения: 21.12.2021).

Гредновская Е.В. Габитус как «социальное тело» принуждения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 8(184). С. 116–120.

Как воспитать чемпиона: интервью с мамами Олимпийцев // Passion.Ru. 2012. 10 июл. URL:

<https://www.passion.ru/people/intervyu/kak-vospitat-chempiona-intervyu-s-mamami-olimpiycev-56119.htm> (дата обращения: 21.12.2021).

Курникова М.В. Физическая культура и спорт как социальное пространство формирования специфического габитуса // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 1. С. 103–109. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_103

Михайлова А. Чудо поднебесное. Как растят чемпионов в Китае // Аргументы и факты. 2018. 11 авг. URL: https://aif.ru/health/children/chudo_podnebesnoe_kak_rastyat_championov_v_kitae (дата обращения: 22.12.2021).

Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: труды по социальной антропологии: пер. с франц. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. С. 242–263.

Мурюкина Е.В. Основы работы тренера по воспитанию личности спортсмена. Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2019. № 3(22). С. 220–229.

Попков В.И., Вдовкин И.И. Спорт высших достижений: проблемы, задачи, особенности и личность спортсмена // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2020. Т. 3, № 1. С. 117–120.

Розов Н.С. Динамическая концепция менталитета и изменчивое разнообразие российских габитусов // Идеи и идеалы. 2010. № 1(3), т. 1. С. 60–79.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 21.12.2021).

Элиас Н. Общество индивидов. М.: Практикс, 2001. 336 с.

Получена: 24.01.2022. Доработана после рецензирования: 31.05.2022. Принята к публикации: 12.06.2022

References

Bourdieu, P. (2001). *Prakticheskiy smysl* [Practical Reason]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 562 p.

Bourdieu, P. (1998). [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The

Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 1, no. 2, pp. 44–59.

[Bubka: Champions are not born, they become champions... Through work and patience] (2015). *Sport Olimp* [Sport Olymp]. May 27. Available at: http://sport-olymp.com/ru/interview/bubka_champions_are_not_born_they_are_thanks_to_the_work_and_patience_2705/ (accessed 21.12.2021).

Elias, N. (2001). *Obschestvo individov* [Society of individuals]. Moscow: Praxis Publ., 336 p.

Federal'nyy zakon «O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossiyskoy Federatsii» ot 04.12.2007 N 329-FZ [Federal Law N 329-FZ of December 4, 2007 «On physical culture and sports in the Russian Federation»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (accessed 21.12.2021).

Grednovskaya, E.V. (2010). [Habitus as a «social body» of compulsion]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and the Humanities]. No. 8(184), pp. 116–120.

[How to raise a champion: interviews with mothers of Olympians] (2012). *Passion.Ru*. Jul. 10. Available at: <https://www.passion.ru/people/intervyu/kak-vospitat-chempiona-intervyu-s-mamami-olimpiycev-56119.htm> (accessed 21.12.2021).

Kurnikova, M.V. (2021). [Physical culture and sport as a social space of a specific habitus formation]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. No. 1, pp. 103–109. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2021_1_103

[Habit]. *Effektivnaya meditsina* [Effective medicine]. Available at: <https://www.medeffect.ru/abc/g/gabitus.shtml> (accessed 21.12.2021).

Mikhailova, A. (2018). [The miracle of the celestial. How to raise champions in China]. *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts]. Aug. 11. Available at: https://aif.ru/health/children/chudo_podnebesnoe_kak_rastyat_championov_v_kitae (accessed 22.12.2021).

Moss, M. (2001). [Body techniques]. *Obschestva. Obmen. Lichnost': Trudy po soetsial'noy antropologii* [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology]. Moscow: «Vostochnaya Literatura» RAS Publ., pp. 242–263.

Muryukina, E.V. (2019). [Basics of coach work on educating athlete's identity]. *Crede Experto: transport, obschestvo, obrazovanie, yazyk* [Crede

Experto: Transport, Society, Education, Language]. No. 3(22), pp. 220–229.

Popkov, V.I. and Vdovkin, I.I. (2018). [The sport of high achievements: problems, objectives, characteristics and personality of the athlete]. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya* [Physical Culture. Sport. Tourism. Motor Recreation]. Vol. 3, no. 1, pp. 117–120.

Rozov, N.S. (2010). [Dynamic concept of mentality and changeable diversity of Russian habits]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. No. 1(3), vol. 1, pp. 60–79.

Steinbach, V.L. (ed.) (2006). *Bol'shaya olimpiyskaya entsiklopediya. T. 2 (O–Ya)* [Great Olympic encyclopedia. Vol. 2]. Moscow: Olimpiya Publ., 968 p.

Strauss, A. and Korbin, J. (2001). *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of qualitative research: Techniques and procedures for developing grounded theory]. Moscow: Editorial URSS Publ., 256 p.

Vorontsov, A.V. and Gromov, A.I. (2010). [Theoretical and methodological foundations of sociology P. Bourdieu]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 4, pp. 82–102.

Received: 24.01.2022. Revised: 31.05.2022. Accepted: 12.06.2022

Об авторе

Ермилова Анна Вячеславовна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры общей социологии
и социальной работы

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603022, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: ermilova.75@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>
ResearcherID: GLS-9255-2022

About the author

Anna V. Ermilova

Candidate of Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department
of General Sociology and Social Work

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603022, Russia;
e-mail: ermilova.75@bk.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>
ResearcherID: GLS-9255-2022

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ермилова А.В. Габитус спортсмена: социологическая интерпретация через призму теории П. Бурдьё // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 2. С. 339–349.
DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-339-349

For citation:

Ermilova A.V. [The habitus of the athlete: a sociological interpretation through the prism of P. Bourdieu's theory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 339–349 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2022-2-339-349

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать 0 (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Берсенева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «-», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennnye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearchID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ реестров организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в следующие реестры:

- Реестр иностранных средств массовой информации и физических лиц, выполняющих функции иностранного агента — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>
- Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории РФ — <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>
- Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента — <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов бесплатные.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2022 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	31 марта
в № 2 — до 01 мая	30 июня
в № 3 — до 01 августа	30 сентября
в № 4 — до 01 октября	30 ноября

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal accepts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald**: fsf-vestnik@yandex.ru. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2022

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 31
No 2 May 1	June 30
No 3 August 1	September 30
No 4 October 1	November 30

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2022
Выпуск 2

Редактор *Л.А. Богданова*
Корректор *Л.И. Семицвотова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.06.2022
Дата выхода в свет 30.06.2022
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 19,1
Тираж 500 экз. Заказ 44/2022

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке